

Ш2/3
011

**О ХРАБРЫХ,
НЕЖНЫХ
И ВЛЮБЛЕННЫХ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

О ХРАБРЫХ, НЕЖНЫХ И ВЛЮБЛЕННЫХ

СКАЗАНИЯ ПЯТИРЕЧЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1967

Перевод с пенджаби
И. КУДРЯВЦЕВОЙ, И. РАВИНОВИЧА

- О-11 О храбрых, нежных и влюбленных. Сказания Пятиречья. Пер. с пенджаби И. П. Кудрявцевой и И. С. Рабиновича. Художник А. Е. Скородумов. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.

Эта книга — собрание пенджабских эпических сказаний в переложении современных писателей Индии.

Юные герои сказаний самоотверженно защищают свою любовь от мелочности, суетности, эгоизма. Их любовь нежна и сурова. Она не терпит компромисса. Пусть изгнание, пусть даже гибель, но только не разлука.

МИР ЧИСТЫЙ И ГОРДЫЙ

Стиральщик белья или водонос, слушающий на ярмарке историю Ширин и Фархада, Лайли и Маджнуна, изумился бы, узнав, что эти любимые герои пенджабского фольклора не «коренные» пенджабцы, что родословная их ведет в Иран, Таджикистан и даже далекую Аравию. Да и как признать земляков за иноземцев, если героини сказаний рядятся в камиз (длиннополоую рубашку) и сутхни (широкие шальвары), а мужчины носят тахмад или дхоти (набедренную повязку). словно пенджабцы действующие лица легенд и сказаний едят чапати (лепешки) и роти (небольшие хлебцы).

Не случайно фольклорная культура Пенджаба приняла в свое лоно целый сонм чужих мотивов и образов. Этому благоприятствовала география Пенджаба и особенности его исторической жизни.

В рассветный час истории здесь уже вершился круговорот жизни. Хараппа, Рупар, расположенный на нижнем Инде Мохенджо-Даро — одни из самых древних городов планеты. Индские города процветали от середины III до середины II тысячелетия до н. э. Надписи на печатях, найденных среди руин, еще не расшифрованы, но вещественные памятники привели археологов к мысли о высоком уровне индской цивилизации. Находки весов и гирь различной величины свидетельствуют о широком развитии торговли. Белуджистан и Афганистан доставляли в Хараппу металлы; как можно предположить, торговцы съезжались отовсюду. Вместе с купцами путешествовал и фольклор. Недаром изображенная на одной из печатей сцена заставила историков Востока вспомнить битву Гильгамеша с хищниками.

В I тысячелетии до н. э. упрочились связи Пенджаба с Ираном и Средней Азией. Пенджаб входил в Персидскую империю, составив двенадцатую (индийскую) сатрапию Дария.

В рядах армии Ксеркса пенджабские воины сражались с греками.

Веками Пенджаб служил для завоевателей дверью, ведущей в Индию. Поэтому на долю его выпала суровая судьба солдата. Сколько ни помнит себя Пенджаб — он всегда сражался.

В 327 г. до н. э. в страну пяти рек вторгся Александр Македонский. Вражеские полчища вскоре ушли, но греческие гарнизоны остались и быстро смешались с коренным населением. После Александра Македонского много раз армии завоевателей наводняли Пенджаб.

Арабы завоевали юго-западную часть Пенджаба в VIII в. В XI в. правитель Афганистана Махмуд Газневи со своими многоплеменными армиями, состоявшими из афганцев, тюрок, таджиков, персов и арабов, совершал набеги на Пенджаб. В 1211 и 1223 гг. монгольская конница Чингисхана вытаптывала этот плодородный край — житницу страны. В 1398 г. Пенджаб испытал нашествие Тимура.

Да и чьи только кони не пили воды из пяти рек, какие только племена не отражались в их водах... Страна пяти рек поистине была страной на пути всех бед. Берега Пятиречья — грустные берега, ибо мир редко воцарялся на них.

Но захлебнувшееся в крови, вытопанное, стократ погибавшее Пятиречье не погибло. Как неопалимая купина, зеленеет край великих индийских рек.

Не только завоеватели вторгались в Пенджаб. Целые народы переселялись сюда. Постепенно обычаи, верования, одежда и язык пришельцев становились пенджабскими; герои их устного фольклора были усыновлены пенджабцами.

Многообразные торговые связи Пятиречья (захватывавшие даже Китай и Римскую империю) также способствовали обмену духовными ценностями.

Теперь нам станет понятным, почему устно-поэтическая культура Пенджаба так богата заимствованиями. Греческие, арабские, персидские, таджикские, синдхские, белуджские, афганские, тюркские, тибетские сюжеты вплетаются в национальные корни пенджабского фольклора, питая его многошумную крону. Мусульманские и христианские мотивы породнились с индусскими и сикхскими: фольклор презирает религиозные преграды. Героями пенджабских сказаний стали Александр Македонский и правитель Тибета, стамбульская царевна Ширин и царица Египта Зулекха (или Зюлейка; в такой форме известно это мусульманское имя русскому читателю пушкин-

ской поры). Однако где бы ни жил герой — в Самарканде или Бухаре, Басре или Багдаде, — все равно он до мозга костей пенджабец. Исполдволь, неприметно, но не зная устали трудилась народная фантазия, вытравляя из легенд и сказаний чуждую окраску, добавляя родные, милые штрихи, и наконец дарила герою пенджабское сердце. Таковы законы фольклора.

Ошибочно, однако, было бы предположить, что вся устная поэзия Пятиречья только мозаика иноземных мотивов, музей заимствованных сюжетов. Исконно пенджабский фольклор — гордость национальной культуры. За плечами его героев — пять тысячелетий цивилизации Пятиречья. Бесконечные войны, нашествия и междоусобицы угрожали самому существованию пенджабского художественного слова и пенджабской культуры. Рукопись могла уцелеть лишь чудом. Поэтому фольклор нередко брал на себя миссию художественной литературы и вообще письменности.

Сказание о радже Расалу показывает, как тесно правда граничит с вымыслом. Расалу — один из любимых героев пенджабского фольклора, славящийся своим бесстрашием и чудодейственной силой. Из десяти циклов сказаний о Расалу до нас дошло только семь. В похождениях Расалу ученые видели отголоски солнечного мифа и сопоставляли этого героя с главой древнеиндийского пантеона Индрой или с Геркулесом. В дальнейшем исследователи предположительно отождествили Расалу со скифским царем Салваханом, правителем Сиалкота; его монеты повсеместно находят в Пенджабе. Однакостораживал тот факт, что ни на одной монете нет имени Расалу; исследователи усомнились в реальности исторического бытия храбреца-раджи.

Историк пенджабской культуры Ладжванти Мадан (в девичестве Ладжванти Рама Кришна) предложила другой ключ к расшифровке мифа. По ее мнению, Расалу не определенное лицо, а собирательный образ скифских царей дома Салваханов. Само имя героя Ладжванти Мадан рассматривает как сочетание двух слов — «рай» (раджа, царь) и «салу» (сокращенная и искаженная форма от Салвахан).

Легендарный Расалу вздумал помериться силой с тираном Сиркаплом, стены дома которого сложены из человеческих черепов. Народная этимология толкует его имя как «рубящий головы». Проведенные в 1913—1934 гг. раскопки древнего экономического и культурного центра Северо-Западной Индии Таксилы (в междуречье Инда и Джелама, неподалеку от современного города Равальпинди в Пакистане) подтвердили, как много

исторической правды таят легенды о Расалу. Археологи обнаружили развалины Сиркапа, бывшего когда-то греческим городом. По соседству раскопано городище Сирсукх, правитель которого также упоминается в легендах о Расалу¹.

Историей навеян и такой образ пенджабского фольклора, как вероучитель Горакхнатх. Известны несколько лиц, носивших это имя. Один жил на рубеже нашей эры, другой — в IX—X вв., третий был современником основоположника сикхской религии Нанак — XV—XVI вв.

Из всех жанров пенджабского фольклора наиболее популярна кисса. Это слово, арабское по происхождению, означает «рассказ», «история», но пенджабский жанр кисса включает только эпические или лиро-эпические сказания, выросшие на основе традиционного сюжета. В тигле кисса переплавились исконно пенджабские и заимствованные сюжеты, произведения устного творчества и письменной литературы. В русло этой художественной системы вливаются идеи и образы ведических гимнов и буддийских джатак (легенд о перерождениях Будды), драм Калидасы и поэм персоязычного поэта Амира Кхусро. Жанр кисса стал могучим средством художественного обогащения пенджабской национальной общности.

Любовно-романтические сказания составляют ядро жанра. Как правило, любовная лирика сочетается в них с героикой и фантастикой. Общество и сильные чувства всегда разобщены в кисса, как были они разобщены в жизни. Непримиримая враждебность общества и любви служит источником драматического конфликта. Кисса не признают никаких полутонов; обнаженность конфликта свойственна каждому сказанию. Когда же он достигает апогея (ибо зло берет свою дань всюду), герои сжигают свои корабли. Не пытаясь отвлечь трагический исход, они жертвуют всем, чем богата юность. Так гибнут Сасси и Пунну, Мирза и Сахибан, Хир и Ранджха, Сохни и Махиявал. Но даже умирая, они богаче счастьем, чем их недруги.

Кисса рисуют любовь не только как единственную и всепоглощающую страсть, но и как самое значительное испытание, как школу жизни, как источник нравственного рождения человека. Любовь выковывает в характере героев новые качества, учит их неуступчивости, честному и строгому отношению

¹ О подробностях раскопок в Таксиле (Сиркапе, Сирсукхе) см. в кн.: Г. Ф. Ильин, *Древний индийский город Таксила*, М., 1958.

к себе и людям. Она освобождает юные существа от мелочности, расчетливости, эгоизма.

Во многих кисса (например, «Ширин и Фархад») любовь героя к женщине неотделима от любви к народу. Движимый любовной страстью Фархад дробит скалу, чтобы дать людям воду.

В центре кисса стоит герой чести — человек сильного характера, борющийся за назначенную ему судьбой девушку. Она принадлежит, как правило, к другому племени или социальному слою. Избранница юноши всегда достойна его.

Женщина была первой жертвой феодального уклада, особенно остро ощущала его тиранию. Социальный гнет, усиленный деспотическими установлениями семейно-бытового уклада, вынуждал женщину раньше других и энергичнее других бороться за свои права. Поэтому во многих кисса женщина активнее, инициативнее мужчины. Девушки сами признаются юношам в любви.

В совокуности своей сказания о любви вырастают в любовно-героическую сагу пенджабского народа.

Кисса, не относящиеся к сказаниям о любви («Раджа Расалу», «Йог Бхагат» и др.), также проникнуты идеей свободы человеческой личности.

Героям кисса противостоят богачи, корыстолюбцы, скупцы, живущие скучно, суетливо и ущемлено, люди с горбатой совестью, носители праздных, бесцветных чувств.

Искусство кисса родилось далеко от царских дворцов. Демократизм жанра многообразно проявляется в его идейно-художественном строе. В рамках одного сказания народная фантазия соединяет царя и стиральщика белья («Сасси и Пунну»), царевича и дочь гончара («Мирза и Сахибан»). Разумеется, это не значит, что кисса пренебрегают мотивами общественного неравенства. Сказания спорят с произведениями ортодоксальной религии, где герои только (или преимущественно) боги, пророки, неземные существа. Свойственная каждому, даже самому трагическому, сказанию полнота жизненных ощущений, жизнелюбие кисса противоречат учению религии о суетности земного существования, о греховности человеческих страстей. Если религия разобщает индусов, мусульман и сикхов, то кисса соединяет их, прославляя дружбу и любовь иноверцев («Сасси и Пунну»).

Как и другие демократические жанры пенджабского искусства, кисса не остались вне влияния чуждых им тенденций. Жестокая идейная борьба между религией и фольклорной

поэтической культурой оставила свои следы. Так, например, в «Радже Расалу» и «Йоге Бхагате» заметны мотивы аскетизма. Но пафос этих сказаний — не в призыве уйти от мира, а в осуждении «золоченой клетки дворца».

Как бы многообразны и разнородны ни были источники кисса, сказания напоены соками родной земли. Гурбакш Сингх, старейший писатель Пятиречья, шейх родной литературы, в предисловии к сборнику пересказанных им легенд вспоминает трагическую историю двух возлюбленных. Такие люди, как они, и являлись истинными прообразами героев пенджабских кисса. Драматические события, о которых идет речь, произошли несколько десятилетий назад в Белуджистане. Нормы феодально-патриархальной морали были там свирепы; за любовь, не скрепленную узами брака, наказанием служила смерть. И все же смельчаки доверились зову сердца. Ослушницу поймали и убили, но ее не спешили закопать в землю; ждали, когда рядом ляжет второй смертник. Вечером настигли юношу, и бездыханное тело его положили на брачное ложе белуджистанских Ромео и Джульетты.

Пенджабская письменная литература от ее зарождения до наших дней несет в себе мощный заряд фольклорных идей, мотивов и образов. На пороге грозных боев пенджабцев с армиями могольских императоров поэт Дамодар (1556—1605) использовал традиционный сюжет о любви Хир и Ранджхи. Это самая ранняя из дошедших до нас поэм в жанре кисса. Появление ее знаменовало конец безраздельного господства религиозной тематики в литературе. Пилу (даты жизни неизвестны) первым обратился к легенде о Мирзе и Сахибан. Крупнейшие пенджабские поэты XVIII — первой половины XIX в. Булхе-шах (1680—1755), Сайад Варис-шах (1735—1790), Хашим-шах (1751—1821), Ахимад-Яр (1768—1840), Наджабат (даты рождения и смерти не установлены) показали современникам неисчерпаемую красоту и силу пенджабского фольклора.

Некоторые сказания пользовались особой любовью поэтов. Так, например, история литературы знает более восьмидесяти переложений «Хир и Ранджхи».

В кисса время, казалось бы, остановило свой бег. Но первое впечатление обманчиво. В произведении с традиционным сюжетом социально-психологическое истолкование его не менее важно, чем сама сюжетная основа. Под пером каждого крупного поэта скелет сказания обрастал новой образной плотью.

После второй мировой войны британские хозяева Индии, вынужденные оставить ее, пошли на расчленение своей быв-

шей колонии. При разделе страны на Индию и Пакистан по религиозному признаку граница прошла по сердцу Пенджаба.

Судьба не знала меры бед. Дыхание ада обожгло страну пяти рек. Над Пенджабом пронесся огненный шквал; в результате кровавых погромов было убито до полумиллиона жителей — индусов, сикхов и мусульман.

Кровопролитие потрясло общественную совесть. Крупнейшие писатели Пенджаба Гурбакш Сингх, Картар Сингх Дуггал, Амрита Притам, Мохан Сингх, Девиндар Сатиартхи, Кульвант Сингх Вирк и многие другие обратились к доброму наследству отцов и дедов — к традиционному народному жанру, славящему любовь и дружбу представителей различных народов и религий. Эта поздняя жатва фольклорных сюжетов была ответом пенджабских писателей на проповедь религиозной исключительности и фанатизма.

Если в былые времена традиционные сюжеты пленяли только поэтов, то в наши дни они влекут к себе также прозаиков. Переложения кисса, сделанные современными писателями Суба Сингхом, Гурдитом Сингхом Гьяни и Гурбакшем Сингхом, и составили настоящий сборник.

Даже драматурги подпали под обаяние старинных легенд. В пьесе Картара Сингха Дуггала «Сокрушитель гор» (1958) инженер Фархад строит гидростанцию.

В век кибернетики и бионики, в эпоху обновления форм общественного бытия кисса приобщает читателя к своему чистому, гордому миру, учит сложнейшей из наук — науке жизни.

И. Рабинович

■ РАДЖА РАСАЛУ

В древнем храме города Спалкота бродячий йог взывал к милости всевышнего. Горячая молитва его устремлялась к небесам. И рани Лунаи вдруг встрепенулась: впервые за долгие годы супружества ощутила она счастье близкого материнства. Радость опьянила ее — земля закачалась под ногами, дух захватило, ресницы смежились, словно ослепила ее дивная красота ребенка, который только должен был родиться.

— Махарадж! — сказала рани, склоняясь перед святым. — Всем известно, что йоги — повелители счастья. Они прозревают грядущее, читают в судьбах людей. Сделай милость, поведай, кого ношу я под сердцем?

И йог возвестил:

— У тебя родится сын, рани, прекрасный муж с пылкой душой. Но жизнь его исполнится блеска и величия лишь при условии, что он выдержит двенадцатилетний искус. Да, ровно двенадцать лет, начиная от самого рождения, светлое чело его не должно знать нежного родительского прикосновения, а очи — видеть любящих лиц отца и матери. Иначе многие беды ожидают твоего сына.

Прорицание мудрого йога повергло в печаль раджу Салвахана. Увы, иногда исполнение самого заветного желания приносит лишь сердечные муки. Иметь сына, единственного, долгожданного, и не прикоснуться к его челу, не обласкать его взглядом... Тяжко задумался раджа Салвахан.

— На пороге старости приходит ко мне радость отцовства. Но и тут не познаю я полного счастья: двенадцать лет не увижу сына. Неужто родительская любовь и в самом деле навлечет на него беды?!

Однако с прорицанием не поспоришь. И когда в положенный срок младенец появился на свет, он тут же был заточен в крепость, отделенную от мира высокими стенами. Вместе с царственным наследником разделили неволю те, кто предназначен был ему в друзья и наставники: мудрый попугай, два мальчика — один из касты ювелиров, другой — из касты плотников. Там же, в крепости, подрастал жеребенок, появившийся на свет в один день с сыном раджи; с годами он должен был стать верным конем своему хозяину.

Расалу — так называли юного раджу — и впрямь обладал пылкой душой; ею владела красота. Был он не из тех, чью жажду утоляет единая чаша влаги. Подобно пчеле, он готов был перелетать с цветка на цветок в поисках неизведанных опьянений. Всего миг реет пчела над цветком и вновь устремляется вперед, к другой прекрасной чаше...

И эти-то трепещущие крылья пытались удержать в сумрачной крепости, вдали от солнечной, манящей, пленительной жизни!

Ровно за год до истечения срока искуса Расалу потерял власть над буйными желаниями своей пылкой души.

В крепость проник слух, что некая принцесса одиннадцать лет ждала его на берегу реки — той самой, где Расалу должен был совершить омовение, освободившись от плена. Говорили, что принцесса поклялась принадлежать только ему — радже Расалу, и только его, никого другого, назвать своим мужем.

Услышав об этом, Расалу вмиг позабыл, что еще целый год надлежит ему оставаться в заточении. Быстро собрал он друзей — попугая, плотника и ювелира, сел на своего одногодка-коня и покинул стены крепости. Одновременно избавился он и от других стен, незримых — стен заговоров и поверий.

Прежде всего надлежало совершить омовение. Расалу знал, что, пока он не войдет в священные воды реки, он не смеет поднять взор ни на одно существо, особенно на женщину. И когда дорога привела его к берегу, туда, где вздымались к жаркому небу стройные стены дворца, он опустил глаза.

Звонкому цокоту копыт вторит тревожный стук одинокого сердца... Принцесса подбегает к окну. Уж не он ли это — единственный, несравненный, воплощение ее

мечты, тот, ради кого одиннадцать лет, не смыкая глаз, глядела она на пустынный берег?.. Принцесса смотрит на всадника... Это он!

Но юноша не поднимает взор на окна дворца. Очи его устремлены на дорогу. Что делать? Неужто позволить ему уйти, упустить долгожданное счастье? Принцесса в смятении. Как остановить милого всадника? Помертвевшие уста шепчут:

Со дня рожденья твоего
Жду появления твоего;
Коль ты раджа и сын раджи —
Свое лицо мне покажи¹.

Но Расалу, верный обету, не внимал пылким мольбам. Вот он уже миновал дворец. Чем глуше становился топот копыт, тем громче рыдало сердце принцессы. Уехал... Уехал, даже не взглянув... Как она будет жить без своей любви, без своей мечты! Прекрасный юноша, ты едешь по пыльной дороге, лицо твое поблекло от зноя... Едва лишь подумав об этом, принцесса тотчас превратилась в ястреба, расправила широкие крылья и устремилась за всадником, чтобы прикрыть его своей тенью от жгучего солнца.

Взглянул Расалу на парящую над ним птицу и сразу признал в ней принцессу. Так, значит, она колдунья? Нет, ворожба и колдовство не по душе юноше. И сердце Расалу навсегда закрылось для принцессы.

Весть, что юный раджа покинул темницу, достигла Сиалкота и взбудоражила город. Что теперь будет? Раджа и рани снова обратились к мудрости аскетов.

— Еще год вы не должны видеть своего сына, — изрекли провидцы-йоги.

Можно ли было не внять их наставлениям?

А Расалу не заботила вся эта суета. Счастливым, свободным, он не спеша приближался к Сиалкоту. На пути повстречалась стайка девушек с глиняными кувшинами на головах — и вот уже в руке юного раджи ярко оперенная стрела. Весело смеясь, натянул он тетиву своего лука — и посыпались на землю глиняные черепки, и пролилась вода. Девушки с плачем бросились кто домой, кто во дворец жаловаться радже Салвахану. Другие

¹ Здесь и далее стихи в переводе А. Якобсона.

девушки, прослышав об озорном стрелке, вышли по воду уже с медными и бронзовыми сосудами, но и их пробивали стрелы Расалу. Так, шая и забавляясь, доехал он наконец до родительского дворца.

Там царило уныние. Несчастный раджа Салвахан, одиннадцать лет снедаемый тоской по сыну, вынужден был, следуя наставлениям мудрецов, повернуться к нему спиной... Закипела от обиды юная кровь Расалу, не сдержался он и горько упрекнул отца:

К тебе с открытою душой
Я возвратился, мой отец,
Но если стал тебе чужой —
Не разделю с тобой венец!

Но уста раджи Салвахана оставались немые, не осмелился он пойти наперекор советам мудрецов... Понял Расалу, что тщетно взывать к сердцу отца, и в гневе покинул царские покои. «Пойду к матери, уж она-то не отвернется от меня!» — решил он, но тут же остановился, пораженный горькими рыданиями, доносившимися с женской половины дворца. Это плакала бедная Лунап. Она видела из окна, как подъехал Расалу, и душа ее разрывалась от скорби.

Не нашлось места Расалу в родительском доме. Однако возвращаться в крепость он не собирался. И вот пятеро друзей — Расалу, сын плотника, сын ювелира, конь и попугай — отправились куда глаза глядят. Ночь застала их в лесу. Усталые странники расположились на ночлег под большим деревом. Договорились, что первую часть ночи бодрствует Расалу, его сменяет ювелир, ювелира — плотник. Но спутники Расалу не сдержали слова, не захотели делить с ним тяготы изгнания, и когда на утро юный раджа открыл глаза, возле него были только конь и попугай.

Долгие годы скитался Расалу по свету и наконец прибыл в город Силан, что стоит в южном течении Атока² у переправы Багх Нилаб. Камни тех мест до сих пор хранят следы копыт коня Расалу. Предание гласит, что в Силане молодой раджа повстречал женщину, которая при первом взгляде на юношу засмеялась, а потом вдруг принялась плакать.

² Аток — р. Инд.

— Что с тобой, матушка? — спросил Расалу. — Почему ты то плачешь, то смеешься?

— Ты, раджа, не здешний, и беды нашей не ведаешь, — ответила женщина. — Тут неподалеку, за горным перевалом, живут злые дэвы. Чтобы смирить их гнев, народ наш что ни день посылает им на съедение буйвола и человека. У меня было семь сыновей, а в живых остался один: шестерых сожрали дэвы. Наступил черед последнего сына... Взглянула я на тебя — и пришло мне на ум, что такой молодец, как ты, уж верно придется по вкусу нашим дэвам; может статься, помилуют они мое дитя... Тогда я засмеялась от радости. А потом мне стало тебя жалко. Послушай меня, старую: уноси отсюда ноги, а уж мы тут как-нибудь... Все равно погибать...

Выслушал женщину Расалу, подумал и говорит ей:

Утешься, женщина, не вой
И слезы горькие не лей.
Твой сын не сгинет: головой
Он будет выкуплен моей.

Женщина всплеснула руками и в ужасе воскликнула:

Чернобородый удалец,
Герой на синем скакуне!
Ужасен будет твой конец!
Тебя, как сына, жалко мне!

— Не тревожься за меня, матушка, — успокоил ее Расалу. — Мне дэвы не страшны.

В это время подросли слуги людоедов, вывели из дома сына старой женщины и стали вязать ему руки.

— Отпустите этого юношу! — приказал Расалу. — Я пойду вместо него.

Но слуги не хотели расставаться с добычей. Немало-го труда стоило Расалу уговорить их. Он велел слугам гнать буйвола, а сам вскочил в седло и направился к жилищу людоедов. Навстречу ему попался дэв с громадным кувшином воды.

— Вот славно-то! Вот обед так обед! — обрадовался людоед, увидев Расалу, и протянул руку, норовя ухватить за уздечку коня раджи.

В тот же миг просвистал меч Расалу, и громадная рука дэва отлетела далеко в сторону. Людоед завопил от страха и боли.

При виде воина, бесстрашно вторгшегося в их владения, дэвы переполошились: астрологи давно предрекали, что некогда в горы явится раджа по имени Расалу, который уничтожит всех дэвов. «Может, он и есть Расалу?!» — шептались они между собой. Испросив совета у астрологов, дэвы заявили прищельцу:

— Если ты действительно Расалу, докажи нам это.

— Охотно докажу! — воскликнул раджа.

Он отцепил от седла веревку, взмахнул ею, и мгновенно все дэвы оказались в тугой петле. Выхватил Расалу меч и принялся крошить людоедов.

— Стой! Стой! — закричали дэвы. — Говорят, Расалу одной стрелой пробивает семь сковородок. Можешь ли ты так стрелять?

— Еще бы! — засмеялся Расалу.

Он поставил дно в дно семь сковородок и пронзил их одной стрелой. Затем одним взмахом меча обезглавил семерых дэвов. Только сестре их удалось спастись: пока раджа сводил счеты с ее братьями, она спряталась в пещере Гандхгарха. Расалу отыскал эту пещеру и воздвиг перед ее входом свое изваяние. Говорят, сестра дэвов до сих пор сидит в пещере, боится выйти.

Победа над дэвами прославила имя Расалу во многих землях и царствах.

Миновали годы с тех пор, как Расалу покинул родные места. Слава о его подвигах ширилась и озаряла светом жизнь раджи Салвахана и рани Лунан. Престарелые родители только и говорили, что о возвращении сына, придворные только и мечтали что о встрече с героем. Отец и мать каждый день посылали к Расалу гонцов, заклинающая его вернуться. Но молодой раджа не внимал их мольбам. Наконец получил он послание от своей кормилицы:

«В глухой крепости, вдали от людей, ты рос без отца и матери, без нежной ласки... В те годы одна я была возле тебя, только мне довелось скрасить суровые дни твоего детства. Я вырастила тебя, вскормила сладким молоком моей груди. Неужто сын мой забыл меня? Неужто и меня не хочет видеть?»

И сердце Расалу смягчилось. Быстрее ветра примчался он в Сялкот и склонился к ногам кормилицы.

— Добро пожаловать в родные места, — сказала ему кормилица. — Где побывал, сынок? Что повидал? Много

ли славы стяжал, забавляясь игрищами смелых? Не ранен ли в битвах? Не ожесточился ли душой?

Приветив гостя, ласково побеседовав с ним, кормилица послала добрую весть во дворец. Раджа и рани... Что можно сказать об этих несчастных? Радость взметнулась в их сердцах, подобно океанской волне в час прилива. Сын, прекрасный, смелый, стяжавший славу, будет наконец с ними!..

И вот бродяга, бездомный скиталец превратился в наследника престола, властелина царства. Вначале душа Расалу не лежала к лукавому мирку придворных интриг. Но время шло, и незримые нити мелких страстей постепенно опутывали молодого раджу. Придворные красавицы расставляли хитроумные сети, стремясь околдовать его сердце. Обеспокоенные этими домогательствами, раджа и рани уговорили Расалу вступить в брак с дочерью везира Моти Рама. Отпраздновали помолвку.

Поутру того дня, когда должна была состояться свадьба, вздумалось Расалу прогуляться за городом. Идя берегом реки, он дошел до луга, где резвились юные деревенские девушки. В их играх было столько неподдельного веселья, так милы и непосредственны были их шалости, что молодому радже вдруг расхотелось возвращаться во дворец.

А там уже готовился свадебный пир. Придворные и служители сбились с ног в заботах о предстоящих увеселениях. Крепя сердце отправился Расалу в дом будущего тестя. Моти Рам встретил молодого раджу с почтением, поднес ему бесценные подарки. Началась церемония бракосочетания. Но в тот самый момент, когда жрец хотел соединить руки жениха и невесты, чтобы вести их вокруг алтаря, Расалу вдруг воскликнул:

— Довольно! Я не хочу этой свадьбы!

Раджа Салвахан, жрец и гости принялись уговаривать Расалу, родственники невесты в отчаянии простирали к нему руки, в знак униженной просьбы хватали ртом травинки, молили, стенали... Молодой раджа никого не желал слушать. Выхватив из-за пояса меч, он разрубил узел, связывавший его платье с платьем невесты, вскочил на коня и умчался прочь.

А бедная дочь везира осталась одна возле алтаря. Рухнули мечты о власти, о великолепной жизни в цар-

ском дворце... Голова красавицы склонилась под бременем позора.

Захлебываясь от рыданий, она твердила:

О сын раджи, ты дурно поступил,
Ты женщину обманом оскорбил!
За это проклят будешь на века:
Тебе воздаст всевышнего рука!

Между тем тот, на чью голову дочь везира призывала гнев богов, достиг царства раджи Харичанда. В крови у Расалу бродил буйный хмель молодости, весь он был как зеленый побег, тянущийся к солнцу. Утомленный бешеной скачкой, Расалу решил отдохнуть. Увидев чей-то сад, он спрыгнул с коня, привязал его в кустах, а сам бросился на землю и сразу заснул. Тут-то, в саду, и заметили его горожане. Прекрасный облик, богатырская стать подсказали горожанам имя юноши. Ведь слава о подвигах Расалу разнеслась уже по всей земле.

Прослышала о появлении Расалу и юная принцесса, дочь раджи Харичанда. Прихватив с собой семь верных подружек, отправилась она в сад, где нашел приют прославленный герой. Взглянула на него принцесса, застыла, будто изваяние, глаз не оторвет от прекрасного пришельца. Сама не заметила, как сложила сердце к его ногам.

В то время Расалу как раз вздумалось проснуться. Подивился раджа тому, что увидел: великолепный сад благоухает, синее предвечернее небо отражается в чистой глади пруда, а возле, под манговым деревом, стоит юная принцесса с гирляндой цветов на груди, в одеяниях, блистающих алмазами и самоцветами, — стоит и не сводит с него глаз. Усмехнулся Расалу, попробовал перемолвиться с ней добрым словом. Принцесса с радостью отвечала. Тогда Расалу вновь усмехнулся — и вдруг исчез в густых зарослях сада. Принцесса с подружками бросились его искать, но славный раджа как в воду канул.

А Расалу был уже далеко от города. Полюбовавшись красотой принцессы и легко выведав ее сердечную тайну, он решил продолжать путь. Где-то в той стороне, куда он ехал, находилось царство раджи Сиркаппа. Дурная слава шла об этом радже. Говорили, что всякого, кто появляется в его владениях, он силой своего колдовства

лишает памяти, а если иному страннику удастся избежать беды, злодей засаживает его играть в кости. И тут не обходится без волшебства: Сиркапп умеет подменять число очков на костях. Раджа играет и хвастается: не родился, мол, еще человек, который обыграл бы меня. Если Сиркаппу случится зазеваться и проиграть, он шутит, смеется, заговаривает гостю зубы. Но стоит радже выкинуть большее число очков, как он призывает палача — и голова незадачливого игрока летит с плеч. Потому-то раджу и прозвали Сиркапп, что значит Головорез. Немало раджей и вельмож сложили головы во владениях Сиркаппа — в городе Сиркоте, что стоял на горе возле Атока, там, где сейчас расположен Кот Батхор. Имя Сиркаппа — раджи Головореза, воздвигавшего дома из человеческих голов, — вселяло ужас в сердца людей. С этим-то злодеем и вздумал помериться силой бесстрашный Расалу.

Неподалеку от Сиркота конь молодого раджи вдруг споткнулся и стал. Поперек дороги лежал человек. Расалу подумал было, что он мертв, и хотел объехать его стороной, но мудрый попугай, верный спутник молодого раджи во всех его скитаниях, сказал:

— Остановись, раджа, и сойди с коня. Постарайся вернуть жизнь этому человеку. Он не мертв, а заколдовал.

Расалу легко привел в чувства несчастного и рассказал ему, зачем направляется в Сиркот.

— Ох, раджа, не езд! — посоветовал тот. — Ты видел, что сделал со мной Сиркапп, а я ему родной брат. Зовут меня Сирсукх — Друг людей; за то, что я помогаю людям, Сиркапп поклялся меня извести. Если он со мной так расправился, то тебя он погубит.

Но Расалу оставался тверд в своем намерении. Тогда Сирсукх поведал ему обо всех хитростях и уловках Головореза. Запомнив все, о чем говорил добрый Сирсукх, Расалу простился с ним и поехал дальше. На обочине дороги сидел шустрый молодой кот. Расалу поймал его и посадил себе в карман. Так, не слишком торопясь, но и не мешкая, приближался он к городу Сиркоту.

Едва лишь вступил Расалу во владения Головореза, как поднялся ураган; ближе к ночи посыпал снег. Это колдовал у себя во дворце раджа Сиркапп. Но Расалу

только посмеялся над его фокусами и продолжал путь. Утро застало молодого раджу у стен города.

Возле главных ворот Сиркота висел громадный колокол. Въехав в город, Расалу с такой силой ударил в этот колокол, что разбил его на куски. В дворцовом саду дочь Головореза — рани Чандни качалась на качелях. Конь Расалу вихрем взметнулся над садовой оградой, а меч с одного удара перерубил качели, так что они распались на четыре части. Рани Чандни вскочила с земли и в испуге кинулась к отцу.

— В город явился раджа, который крушит все, что ни попадется под руку! — закричала она. — Он превратил в груды осколков большой колокол! Разрубил на части мои качели! Махарадж, спаси нас!

— Успокойся, дочка, нам не страшны никакие пришельцы, — сказал Сиркап. — Позовите-ка этого смельчака в садовую беседку! — приказал он. — Да прежде проведите его в амбар, сложенный из человеческих черепов. Пусть дерзкий раджа знает, что и до него здесь побывало немало прославленных воинов.

Когда Расалу увидел стены из черепов, его обуял неистовый гнев. «Пусть имя мое не будет Расалу, если я не отомщу злодею за погубленных им людей!» — поклялся он.

Верный своему обычаю, Головорез встретил Расалу как почетного гостя, заботливо усадил его и повел беседу:

— Зачем пожаловал, раджа? Или тебе надоела мирская суета, что ты вздумал прыгнуть в костер? Ну что ж, у нас еще будет время помериться силой, а пока ответь мне на вопрос: что в жизни служит величию?

— Величию дома служит жена, о раджа. Тело возвеличивают пышные одежды, землю — обильный дождь, выпавший в надлежащее время, битву — герой.

Головорез осведомился об имени гостя, о его родине. Расалу ответил. Узнав, что за человек к ним явился, рани Чандни затрепетала от страха: ведь слава о подвигах Расалу докатилась и до Сиркота.

— Не бойся, дочка, — снова успокоил ее Головорез. — Сейчас я обуздаю этого норовистого жеребенка!

И Сиркап распорядился, чтобы подали игральные кости. Первой ставкой было царство, второй — сокровища, третьей — жизнь. Когда бросали кости, Головорез

выпускал из тайника крысу или мышь. Шмыгает мышь мимо костей — и у хозяина больше очков, чем у гостя. Расалу уже проиграл все будущее наследство — и престол, и отцовские богатства. Решил играть на своего скакуна. А конь его пасся тут же, возле беседки. Не выдержал он и напомнил хозяину, что тому советовал брат Головореза — Сирсух. Обрадовался Расалу и поставил на кон сразу и скакуна, и оружие: рискну, мол, или все проиграю, или много выиграю. А сам незаметно выпустил из кармана подобранный на дороге кот.

Стучат кости, катятся по ковру, но нет больше удачи Сиркаппу: боятся крысы и мыши кота, не смеют высунуть нос из тайника. Отыграл Расалу свое царство.

Снова пустился на хитрости Головорез: приказал всем своим женам и дочерям надеть самые пышные одежды и выйти в сад. Увиваются красавицы вокруг статного гостя, каждая норовит околдовать его своими чарами. Но Расалу глядит не на женщин, а на кости. Он уже выиграл и царство Сиркаппа, и его несметное богатство, и его жизнь.

В тот самый миг, когда Сиркапп проиграл свою последнюю ставку, вошел вестник:

— Благословен этот час, раджа! Только что у тебя родилась еще одна дочь!

Головорез свету не взвидел:

— Как?! Эта девчонка посмела явиться на свет в тот самый час, когда отцу ее должны отрубить голову?! Задушить эту вестницу беды! Задушить!

«Чудно! — подумал Расалу. — Голову проиграл Сиркапп, а расплачиваться придется младенцу. За что?»

— Не смейте убивать девочку! — воскликнул он. — Покажите ее мне. — Затем схватил Сиркаппа за волосы, обнажил свой меч и, смеясь, проговорил: — Ну, раджа, пора платить долги.

Ух как струсил Головорез! Злодей, который выкладывал стены из срубленных голов, стал ползать в ногах у Расалу и, заикаясь, молить о пощаде. И Расалу смилостивился над ним.

— Хорошо, я дарю тебе жизнь. Но поклянись, что ты восстановишь благополучие тех семей, которые из-за тебя постигла беда; поклянись, что навсегда зарекаешься играть в кости. Клятву эту ты напишешь собственным носом на раскаленной сковороде. Жен и дочерей

можешь оставить у себя, мне они не нужны. С собой я беру только новорожденную.

На Головореза этот милостивый приговор как с неба свалился. Он с радостью согласился на все условия. Расалу приказал уложить новорожденную девочку в паланкин, а рядом поставить блюдо с веткой манго — символом благословения ребенка. Молодой раджа назвал девочку Коклан — по имени индийской кукушки. Известно ведь, что кукушки любят манго.

Когда ликующий Расалу ехал к городским воротам, к нему с надеждой потянулись руки бесчисленных пленников Головореза.

Отовсюду слышались стоны:

Цари что ночные совы,
Лишь ты — орел яснолицый.
Спаси нас, разбей оковы,
Пусть жизнь твоя вечно длится!

Расалу взмахнул рукой — и мгновенно все пленники были освобождены.

Неподалеку от Равальпинди, на горе Мурти, был воздвигнут великолепный дворец. Там Расалу поселил Коклан. У входа во дворец он приказал посадить ту самую ветку манго, которой благословил девочку, когда увозил ее из родительского дома. Молодой раджа рассчитал, что к тому времени, когда Коклан вступит в пору юности, эта ветка превратится в дерево и даст первые плоды. Расалу позаботился о воспитании маленькой рани, о том, чтобы она не терпела ни в чем нужды, — и уехал. Наблюдение за Коклан он поручил верному другу своему — попугаю, а чтобы тот не затосковал, женил его на очень славной скворчихе. Расалу был справедлив: обладатель пылкого сердца, вечно влюбленный, всегда находящий ответ на свою любовь, мог ли он допустить, чтобы друг его зачах в одиночестве?

И вот ветка манго превратилась в дерево, покрылась цветами, легкими и прекрасными, подобными маленьким танцовщицам; цветы тихо раскачивались, едва колеблемые ветром, и, казалось, нежно ласкали льнувшие к ним солнечные лучи. Потом появились плоды, тугие, налившиеся соком юности, чистые, как сама Коклан. Только где он, тот, для кого бродил этот сок, кто отведает сладкого плода? Где Расалу?

Наконец Расалу явился; он вкусил сока спелого манго, а потом повел с Коклан почтительную беседу. Затем Расалу отправился на охоту, воротился с добычей и угостил девушку душистым жареным мясом. Но рани было не до яств, не до тонких речей: в груди у нее бушевало пламя, которое могла утолить одна лишь ответная любовь.

— Я тоже хочу поохотиться, раджа! — капризно сказала она. — Расскажи, как ты стреляешь?

— Когда стрела попадает в бегущего на меня зверя, он делает еще десять шагов и падает мертвым у моих ног. Если моя милая рани хочет полюбоваться охотой, я с удовольствием возьму ее с собой.

— Я сама буду охотиться! — воскликнула рани.

На другой день раджа и рани отправились на охоту. Впереди на коне сидел Расалу, сзади к нему прильнула Коклан. Из лесной чащи навстречу им выскочил олень. Расалу пустил в него стрелу. Но странно: олень не сделал обычных десяти шагов к охотнику, а метнулся в сторону и только тогда ушал.

— Что это, раджа? Почему олень не побежал к тебе? — удивилась Коклан.

— Ты слишком тесно ко мне прижалась, рани, ты отвлекла меня от охоты, потому и сила моя уменьшилась.

— Сделай меня своей милой женой, раджа! — шепнула ему Коклан. — Женой, одно прикосновение которой отнимало бы все твои силы!.. А оленей я приведу к тебе, сколько захочешь!

Коклан распустила по ветру черную волну своих волос — и воздух заблагоухал мускусом. Спустя мгновение из лесу вышли олени: Хира — Красавец и Нила — Голубой, оба со своими самками. Опустив головы, они затеяли плавный хоровод вокруг рани. Расалу пустил вверх стрелу, чтобы напугать животных. Нила и его самка убежали, Хира же, видно совсем ошалевший от запаха мускуса, продолжал кружиться и мотать головой.

— Ну берегись! — пригрозил ему Расалу.

Но Коклан вступилась за Красавца: ей было жалко губить оленя. Тогда Расалу обрезал оленю хвост и уши и отпустил его. Предание говорит, что, не стерпев злой насмешки, Красавец взбесился и в ярости вытоптал все

цветы в саду некоего раджи Ходи. Раджа хотел убить оленя, но тот помчался прочь. Долго преследовал зверя рассерженный раджа — ведь недаром он носил имя Ходи, что значит Упрямый, — пока олень не привел его к дворцу рани Коклан.

В тот самый миг, как раджа Ходи показался у стен дворца, рани Коклан подошла к окну, прекрасная и сияющая, будто кусочек луны. Увидела она незнакомого раджу и, сама не заметив как, затеяла облаву на нового зверя, благо прежний не пожелал идти в капкан. Душа Коклан, исполненная жара расцветающей юности, жаждала слиться с другой душой. А Расалу уехал...

Вначале, увидев возле дворца чужого человека, Коклан чуть-чуть испугалась. Потом испуг прошел, и плутовка начала шаловливо поддразнивать незваного гостя. Ходи решил, что у рани, видимо, есть супруг. Но может быть, сейчас она одна? Желая разузнать, кто она такая, раджа Ходи ответил на шутку и в свою очередь задал вопрос рани. В речах Коклан и Ходи не содержалось как будто ничего особенного, но вот глаза их встретились — а что может быть красноречивее, чем язык взоров?

Постепенно Коклан все больше теряла над собой власть. Долго ли может сдерживать свой пыл юное существо, прошедшее жизнь в четырех стенах, вдали от людей? И вот из кратера вспыхнувшей страсти хлынул поток огненной лавы.

— Могу ли я войти к тебе, о рани? — спросил Ходи.

И полилась любовная беседа, которую можно передать разве что словами старой песни:

- К о к л а н : Скорей во дворец, о раджа, проходи!
Утехи любви тебя ждут впереди.
- Х о д и : Боюсь я, о рани, сломать твой дворец,
Он хрупок на вид, как стеклянный ларец.
- К о к л а н : Въезжай по ступеням смелей, о раджа!
Твой конь во дворец так и рвется, дрожа.
- Х о д и : На эти ступени, о рани, взгляни!
Здесь конь охромеет, господь сохрани.
- К о к л а н : Ты серьги возьмешь из ушей у меня,
Продашь их и нового купишь коня.
- Х о д и : Серееккам твоим — сорок рупий цена,
Но тысяча рупий — цена скакуна.

— Укажи, как я могу войти к тебе, красавица! — взмолился раджа Ходи. — Вход во дворец заслонен скалой, я не в силах ее сдвинуть.

Словно жаркое солнце, вспыхнуло сердце Коклан от этой мольбы. Ведь она жаждала поцелуев и ласк. Пронзая раджу пылающим взором, она бросила ему конец тетины от лука и помогла проникнуть во дворец. А введя гостя в свои покои, принялась потешаться над Расалу, чтобы скрыть неловкость за веселой шуткой.

Любовные утехы Коклан и Ходи не укрылись от попуга и его супруги. Скворчиха стала сетовать на поведение своей госпожи.

— Смотри и молчи, — сказал попугай. — Говорить будешь, когда приедет наш раджа.

На заре раджа Ходи стал собираться домой. Коклан в тоске заломила руки. Она уже не могла жить без тех радостей, которые подарила ей близость возлюбленного. Косы ее расплелись, из глаз лились бурные потоки слез.

— Раджа! О раджа! Не покидай меня! Останься здесь или возьми меня с собой! — рыдала она.

Ходи обнял Коклан, вытер ее слезы, и на руках у него остались черные полосы — следы сажи, которой были подведены глаза рани.

— Клянусь, я не стану смывать эти полосы до тех пор, пока вновь не встречу с тобой, моя рани! — пылко воскликнул Ходи. — Пусть пятна сажи на моих руках каждую минуту напоминают мне о тебе!

Он ушел, а Коклан осталась одна, печальная и заплаканная. Такой и нашел ее Расалу, воротившись с охоты.

Зоркий глаз Расалу сразу заметил перемены во дворце. Вода в небольшом бассейне возле колодца была грязной: как видно, в ней недавно совершался омовение; куда ни поглядишь — повсюду обсосанные косточки манго. Коклан выглядела какой-то опустошенной, будто лимон, из которого выжали сок. Щеки и губы пылали, глаза подернулись хмельной поволокой, волосы разметались, одежды в беспорядке. Теперь она уже не напоминала чистый, прохладный плод манго. Любовь мужчины наложила на нее свою печать. А Коклан подняла глаза, увидела приближающегося Расалу и грустно усмехнулась. «Вот добрый человек, — подумала она, — который так мучил меня, бедную цаплю, изнывающую от любовной жажды...»

Попугай рассказал Расалу обо всем, что творилось без него во дворце. Затем раджа приступил с вопросами

к самой Коклан. Как она жила без него? Отчего сидит неубранная? Почему повсюду такой беспорядок? Суровое обращение Расалу привело Коклан в отчаяние.

— А почему ты, раджа, запер меня здесь, на горе, среди этих постылых стен? — в гневе спросила она. — Разве я тебе жена или сестра?

— Я выиграл тебя в кости в час твоего рождения, рани, и привез сюда. Я заботился о тебе, я тебя вырастил. Ты — моя. Скоро ты будешь моей женой, а я — твоим мужем. А теперь скажи, кто был без меня во дворце? Говори правду. Я вижу, здесь был мужчина.

Коклан, обезумевшая от разлуки с Ходи, кинулась на шею Расалу.

— Ты, верно, забыл о бешеном вихре, который зовется молодостью, раджа! — воскликнула она. — Знал бы ты, как я тут без тебя тосковала! Как вздыхала и томилась бесконечными днями и ночами! Мне казалось, что я никогда не буду твоей! Я умирала от любви, я изнывала в разлуке с тобой, мой единственный...

Льстивые речи Коклан успокоили Расалу. Он решил, что птицы обманули его, и разбранил их за лживую болтовню. *

И снова Расалу собрался на охоту. На этот раз попугай расспросил раджу, где он думает охотиться, чтобы в случае нужды можно было разыскать его. Спустя несколько дней во дворец явился Ходи. Опять ласки и поцелуи, объятия и любовные игры. Честная скворчиха не выдержала.

— Нехорошо ты поступаешь, рани! — упрекнула она свою хозяйку. — Добрые жены не затевают пашни с чужими мужчинами!

Разгневалась Коклан, вытащила скворчиху из клетки и свернула ей шею. Тогда попугай пустился на хитрость.

— Правильно ты сделала, что избавилась от этой пустомели, рани, — сказал он. — Так ей, глупой, и надо. Вот я — другое дело, от меня ты плохого слова не услышишь. А теперь пусти-ка меня полетать.

Коклан открыла клетку, и попугай вышел. Чтобы усыпить подозрения рани, он вонзил когти в перья своей мертвой подруги, затем плотно закусил сладким чурри, и лишь после этого вылетел в окно и уселся на выступе крыши. Оттуда он принялся поносить Коклан:

— Ты убила мою жену! Ты свернула ей шею! Ну погоди, я тебе отомщу!

Коклан испугалась.

— Не гневайся на меня, о мудрейший махарадж! — взмолилась она. — Вместо одной подруги я дам тебе четырех! Только прости меня... Вернись в клетку!

Но попугай не послушался Коклан и улетел. Вот и лес, где собирался охотиться Расалу. Мудрая птица нашла своего хозяина возле ручья, под большим деревом. Расалу спал. Попугай обмакнул крыло в ручей и побрызгал водой в лицо раджи. Тот проснулся. Тогда верный страж рассказал хозяйну о лукавом воре, пробравшемся в его дворец.

Юности свойственна горячность, зрелости — спокойствие мудрости. Расалу не спешил увенчать свою бурную жизнь браком с Коклан, медленно смакуя любовный мед. «Днем раньше, днем позже — все равно она будет моей», — думал он. И вот чаша счастья выпала у него из рук и разбилась. Расалу не ожидал такого обмана. Он вскочил на коня и вскоре уже был возле дворца.

Услышав цокот копыт, Коклан велела Ходи лечь на пол, накрыла его циновками, а сама спряталась в дальних покоях. Но попугай разгадал ее хитрость, уселся на циновки и начал долбить клювом незадачливого любовника. Ходи пустился бежать, Расалу настиг его неподалеку от дворца и зарубил мечом. Потом он вырвал сердце своего врага, поджарил на очаге, положил на блюдо и поднес Коклан со словами:

— Нынче у меня удачная охота, рани. Отведай этого мяса.

Рани попробовала мяса, и ей показалось, что в жизни своей она не ела ничего вкуснее. Она осыпала похвалами и охотника и его стряпню. Но когда Расалу сказал, что она съела сердце Ходи, Коклан швырнула блюдо на землю, взбежала по крутой лестнице на крышу дворца и кинулась вниз головой на острые камни.

Расалу подобрал ее тело, привязал вместе с телом Ходи по обеим сторонам седла и пустил коня на волю — пусть мчится куда хочет...

Потом Расалу обошел опустевший дворец. Вот и манговое дерево, выросшее из ветки, которой много лет назад благословил он маленькую Коклан. И в голове его

сложилась погребальная песня, в которой давние, ушедшие в прошлое события переплелись с тем, чем был полон последний прожитый рани день:

Манговой веткой благословил
Я в колыбели тебя, Коклан.
Дерево манго плоды принесло,
А ты простилась с миром, Коклан.

Расалу вернулся во владения своих отцов. Братья раджи Ходи, узнав, кто виновник его смерти, воспылали жаждой мести и осадили Сиалкот. А силы Расалу были уже не те, что прежде. Долго он бился, многим молодцам из войска братьев Ходи постелил смертное ложе на бранном поле, немало ударов и сам принял от противников, пока наконец вражья стрела не выпустила пчелу жизни из его могучего тела.

■ ЙОГ ПУРАН

— Прими мой поклон, матушка-джи! — проговорил Пуран и, как и подобает скромному, доброму сыну, почтительно склонился перед рани Лунан.

Высокий, широкий в кости, с глазами нежными и чистыми, как у оленя, с тонким, прекрасным лицом, озаренным сердечной улыбкой, — таким впервые предстал перед своей юной мачехой сын Салвахана и Иччхаран, красавец Пуран, едва лишь вышел он из угрюмой крепости, где провел детские годы. Рани Лунан почудилось, что в сумрачных, прохладных покоях ее дворца кто-то развернул циновку, сотканную из лунного света. Молодая супруга раджи забыла вдруг о собственных чарах. До этого дня непревзойденная красота ее властвовала над Сиалкотом, околдовывала всех и все вокруг. Сама же Лунан не знала над собой ничьей власти. Теперь, впервые в жизни, она растерялась. Храм гордыни, возведенный ею во славу собственной красоты, рухнул, рассыпался в прах. Сердце ее затрепетало, устремившись навстречу юному пасынку, огненные языки заплясали по телу, сжигая его, рождая неукротимое желание. Истома сразила молодую рани, молния разбила амфору сдержанности, любовная жажда овладела грешной душой, воспламенила прежде спокойный взгляд. Все помыслы о достойном материнстве отошли в небытие. Лунан забыла нежный, полный любви взор своего супруга, отныне она помышляла лишь об одном — овладеть пленительной, свежей красотой юного царевича.

Так, дивной красотой поражена,
Стыд позабыла царская жена,
И всю ее, от головы до ног,
Огонь безмерной похоти прожог.

Чтоб юношу вернее совратить,
К утехам сладострастья обратить,
Лунаан готова небеса распять,
Разверзнуть землю, двинуть реки вспять.

Так еще Кадар-Яр говорил о коварстве женщин. Все стрелы разящей красоты Лунаан в мгновение ока были выдернуты из колчана. Вот она огладила руками свое гибкое тело — ну точь-в-точь так, как чистит перышки влюбленная горлица. Вместо того чтобы по-матерински спокойно коснуться лба юноши, она опустила веки и из-под ресниц заглянула ему в глаза безумным, полным страсти взглядом. И вдруг потянулась — медленно, томительно и сладко... Потом, убежденная, что неопытный птенец уже попался в тенета, красавица-рани взяла его за руку, божественными тонкими перстами другой руки коснулась нежного подбородка и приподняла опущенное долу лицо, чтобы, встретив смущенный взгляд юноши, сразить его силой своего губительного взора. На губах ее плясали тысячи дьявольских усмешек.

Тебя не носила я в чреве своем.
Какой ты сын? Ты ровесник мне!
Так будем, будем, вдвоем, вдвоем!
Мой взор в тумане, а грудь в огне...

Истинны слова Кадар-Яра: пленительны, неотразимы чары лукавства.

— Не понимаю, раджа, почему ты склоняешься передо мной, как перед старшей в роду? — сказала рани Лунаан. — Я тебе не мать, не родственница, я не носила тебя под сердцем, не вскармливала грудью... Подними-ка глаза. Взгляни на меня, о мой ровесник Пуран! Видишь, я вся горю от любви? Разве ты не знаешь, что юность промчится, как мгновение... Торопись же! Иди ко мне... Охлади ладонями мою пылающую грудь! Сожми меня в объятиях! Измучай меня! Пойми, ты создан для меня, как я — для тебя... Не искушай судьбу! Кто знает, повторится ли этот счастливый миг...

Двенадцать лет — все свое детство — юный Пуран провел в заточении. Впервые он покинул хмурые стены крепости, которые скрывали от него мир, и по приказу отца, раджи Салвахана, явился во дворец. Никогда еще его чистота не подвергалась столь сокрушительным ударам. Тем более неожиданным был этот удар — от самой

Лунан, любимой супруги отца. Но юноша устоял. Он не дрогнул, не поколебался. Ему лишь стало стыдно при виде затуманенного страстью лица мачехи.

— Полно, матушка! Не заставляй меня выслушивать то, чего и быть-то не может,— проговорил он, незаметно высвобождая свою руку из ее пальцев.— Разве реки устремляются из долин в горы? Случись такое, наступил бы всемирный потоп... Земля и небеса содрогнулись бы... Матери не пристало вожделеть к собственному чаду — это было бы все равно что дать ему чашу с ядом. Прижми же меня к своей груди не как возлюбленного, а как почтительного сына, подари мне свою материнскую нежность.

Этот осторожный отказ лишь подлил масла в огонь. Кокетство и горячую мольбу, очаровательное лукавство и тонкий соблазн — все пустила в ход пленительная рани, чтобы покорить пасынка.

— Оглянись вокруг, Пуран, много ли насчитаешь ты счастливых, которые удостоились прикосновения к столь нежному, дышащему божественными ароматами телу? Послушать тебя, так не поверишь, что ты достиг возраста любви. Подумай, может ли настоящий мужчина отвергнуть мое ложе?

Сердце Пурана загорелось гневом.

— Стыдись! — резко сказал он.— Ты, видно, забыла, кто ты? Тот, с кем ты делишь ложе, приходится мне отцом. Любая мать, будь она хоть людоедкой, не покусьтся на жизнь своего ребенка. Так соберись же с мыслями! Приди в чувство!

Красивые губы Лунан искривила ядовитая усмешка.

— Если для тебя старый раджа Салвахан — отец, то для меня, для моего юного, подобного чистому золоту, тела он — болезнь, злая костоеда! Ты, а не он, мне под парю. Так не топчи благословенного дара, который упал к твоим ногам. Я стою перед тобой, как нищая. Кинь же в мою бедную суму милостыню соединения! А материнская любовь ждет тебя во дворце Иччхаран. Я же никогда не пела тебе колыбельных песен, не поила молоком своих грудей...

Но Пуран прервал мачеху:

— Не впадай в грех, рани! Если тебе не нравится моя почтительность, я вернусь, матушка, туда, откуда пришел.

И юноша повернулся, намереваясь оставить покои. Тогда отвергнутая страсть обратилась в ярость. Подобно неудачливому игроку, Лунан прибегла к последнему средству:

— Остановись, Пуран! — приказала она. — Прежде ты слышал мои мольбы, теперь узришь мой гнев. Ненависть — оборотная сторона любви. Хочешь добра — раздели со мной ложе, хочешь зла — пойдешь на казнь. Возьмись за ум, пока есть время. Перестань прикидываться святошей, не то умрешь собачьей смертью. Клянусь, я успокоюсь лишь тогда, когда утолю жажду твоей кровью.

— Грех, на который ты меня склоняешь, не по мне, — ответил юноша и покинул дворец рани.

Оставшись одна, Лунан в гневе раскидала покрывала и подушки на своем ложе, задула все светильники, порвала на себе одежды, разбила браслеты, в кровь исцарапала лицо, разметала волосы и угрюмо уселась, небуванная, посреди разоренной опочивальни. Так она подготовила представление, которое должно было помрачить рассудок Салвахана.

Вскоре пожаловал раджа.

— О чем скорбит моя рани? — удивился он.

Лунан молчала. Он повторил вопрос — молодая супруга безмолвствовала. Салвахан ласково коснулся ее плеча — глаза Лунан налились слезами. Но уста не разомкнулись. Раджа не на шутку встревожился.

— Да говори же, в чем дело! — воскликнул он.

Чувствуя, что стрела поразила цель, Лунан с тяжким вздохом прошептала:

— Меня ограбили, раджа... В сердце мое вонзили кинжал...

— Но что, что за горе тебя постигло?

— Зачем спрашивать меня? — сквозь рыдания проговорила Лунан. — Спроси лучше твоего дорогого сына, твоего несравненного Пурана, которого ты вырастил в темном хлеву, будто теленка! А теперь он вертится вокруг матери, словно бык возле коровы... Спроси его, пусть он тебе ответит!

Слезы любимой супруги, юной красавицы-пери, привели в смятение разум и чувства старого раджи Салвахана.

— Если Пуран посмел тебя обидеть, он мне не

сын! — торжественно поклялся раджа. — Но расскажи толком, что он сделал?

— Погляди! — Лунан зажгла светильник и показала мужу исцарапанное лицо, разбитые браслеты, порванные одежды. — Погляди, что натворил твой драгоценный Пуран. Он явился сюда. Я думаю: все-таки сын, встала навстречу, обласкала... Вдруг он хватает меня, сжимает в объятиях и увлекает на ложе... Я стала вырываться, звать на помощь. Тогда он убежал... — И Лунан снова зарыдала.

Ложная буря, поднятая лукавой рани, повергла раджу Салвахана в неистовый гнев. Его словно ядом опоили. Лоб навис тяжелыми складками, глаза пылали. Всю ночь промучился он без сна, всю ночь вертелся на пышном супружеском ложе, будто на колючках. Он задыхался, подобно рыбе, вытащенной из воды. Огонь, раздутый рани, испепелил отцовскую любовь.

Едва лишь занялся день, Салвахан призвал слуг и велел привести Пурана.

Слуги передали юноше приказ раджи. Пуран понял: это месть Лунан. Но правде не пристало прятаться, и Пуран спокойно предстал перед отцом.

Тот сидел, до краев налитый гневом.

— Негодяй! — зарычал он при виде сына. — Что ты замыслил?! Только накануне толковали мы о твоей свадьбе... Тогда ты прикидывался аскетом, девственником... А вчера посмел поднять глаза на собственную мать?! О подлый! Да я тебе кости переломую!.. Отвечай! Отвечай!

Юноша стоял, будто громом пораженный, не в силах произнести ни слова. Подобной клеветы он не ждал. Потом из уст его вырвался крик:

— Это ложь! Поклеп! Я чист перед тобой! Вот моя рука, сунь ее в котел с кипящим маслом. Если на ней вздуется хоть один волдырь, тогда вели подвесить меня за ноги и ободрать, как барана.

От этих слов раджа еще пуще распалился. Он вскочил и ударил юношу по щеке.

— Так ты, оказывается, не просто вор, ты еще и обманщик! — завопил он. — Прикидываешься праведником! Творишь мерзости и прикрываешься лживыми речами... О всевышний, во сто раз лучше умереть бездетным, чем иметь растленного сына! Но довольно, сейчас

я отрежу этот палец, отравленный смертельным ядом! Эй, люди! Зовите палачей! Четвертовать негодяя!

Гнев раджи — гнев божий... Стражники ввели палачей. Весть о горестном событии со скоростью пожара пронеслась над городом. Умолкли рога, трубившие на пирах, созванных по случаю возвращения в родной дом сына властителя, утихли песни, замерли танцы. Праздничные сборища опустели. Над улицами и кварталами нависла тень скорби, ибо люди успели полюбить Пурана и не верили в его страшную вину.

Рани Иччхаран, благочестивая мать Пурана, разбила свои запястья, порвала монаста, разметала косы и посыпала их землей. Бия себя в грудь, вопя и плача, прибежала она во дворец Салвахана.

— Подумай, какой грех берешь на душу, раджа! — восклицала она. — Предаешь палачам сына, юного и безгрешного... Да он невиннее телянка! Что за злодей накинул черный покров на твой разум?! Или не знаешь ты, что мачеха может истребить под корень весь род?! Беда нависла над нашим родом! О люди, люди! Спасите моего сына!

Мог ли кто удержаться от слез, слыша вопли несчастной матери? Но сердце Салвахана не смягчилось.

— Ступай прочь! — прогремел он. — Убирайся с глаз моих, иначе и тебя ждет участь злодея! Негодница! Родить такого сына! Да одним этим ты опозорила мой род! И ты еще смеешь заступаться за него и проливать слезы?!

— Не клевети на мое дитя! — прервала его рани Иччхаран. — Еще раз говорю: он чист перед тобой. Не верь злой мачехе, не гаси свет собственных глаз! А если уж ты решил погубить Пурана, то прежде убей меня!

И рани Иччхаран прильнула к юноше, защищая его своим телом от палачей. Раджа Салвахан оторвал несчастную мать от сына и приказал стражникам:

— Уведите рани в ее покои. Усильте караул, чтобы она не могла выйти.

Рыдающую мать увели. Тогда раджа обратился к палачам:

Пусть от ножа умрет Пуран,—
В чан перелейте кровь из жил.
Кто смерть баранью заслужил,
Зарезан будет, как баран.

Покорные повелению своего властителя, палачи связали Пурана и повлекли к месту казни. При виде готовящегося злодеяния город наполнился воплями и стонами, небо и земля содрогнулись, померк солнечный свет. Но и это не разжалобило раджу, не смягчило палачей. Они вывели свою жертву из города. В нескольких кохах¹ от городских стен на обширной пустоши, поросшей кустарником, их догнал вестник и передал Пурану послание Лунан.

«Ну как, понравилась ли тебе твоя „матушка”? Доволен ли ты ее угощением? Полюбила ли тебе ее колыбельная песня? Может быть, ты передумаешь? Тогда ты увидишь, как растет на ладони горчичное зерно: уста моей клеветы вмиг обернутся в другую сторону, и ты будешь спасен. Иначе ты погибнешь от руки палача, а твоя родная мать — Иччхаран — разобьет голову о каменные стены дворца. Еще есть время. Одумайся. Возвращайся скорей!..»

Юноша прочел послание мачехи, и перед глазами его встала рыдающая, бьющаяся головой об стену Иччхаран. Он вадрогнул, но тут же заглушил в себе голос жалости. «Проживи хоть тысячу лет — все равно от смерти не уйдешь. Я не хочу навлекать на себя позор. Можно ли жить, когда потеряна честь?!» — Такие мысли мгновенно пронеслись в его голове, но успели закалить сердце. Твердой рукой порвал он письмо мачехи — это посягательство на его чистую душу, рассыпал клочки по дороге и втоптал в землю.

Обычно палачи — народ нежалостливый, но и среди них встречаются люди с сердцем. Тем, кому было велено расправиться с Пураном, пришлось по нраву ласковый, открытый взор юноши, мужество, с которым тот шел на казнь. А когда их догнал вестник от Лунан, сомнений уже не оставалось: конечно, царевич гибнет из-за козней злой мачехи! Однако они, слуги раджи, хорошо знают, какая кара ждет того, кто вздумает ослушаться воли повелителя: несчастного поставят в яму, закидают по пояс землей, а затем спустят на него собак... Жаль, жаль юношу, но что поделаешь...

Посоветовавшись между собой, палачи сделали на теле Пурана глубокие надрезы, наполнили его кровью

¹ Ко х — равен примерно четырем километрам.

чашу и бросили обессилевшего царевича в находившийся посреди пустоши колодец. Вскоре Лунаан уже могла омочить губы в крови пасынка.

Но случилось так, что неподалеку от заброшенного колодца расположился на отдых отшельник-вероучитель Горакхнатх со своими учениками. Расстелили на земле шкуры антилоп, возожгли курения, подняли к небу трезубцы, на которых развевались золотисто-желтые лоскуты. Пустошь огласилась трубными звуками и призывами к богу... Кое-кто из йогов отправился в лес за дровами, а один, взяв кувшин, пошел к колодцу. Вот он опустил вниз бадью, вот потянул веревку. Однако не тут-то было: бадья не поднималась. Йог заглянул в колодец — ему почудилось, что там кто-то есть. Человек? В заброшенном колодце? Быть того не может! Тогда — дух?.. Едва лишь подумав об этом, йог завопил от ужаса и со всех ног кинулся к братьям-отшельникам.

— Что с тобой? Почему кричишь? — принялись спрашивать его йоги.

Но бедняга не мог вымолвить ни слова, лишь трясся от страха.

— Махарадж, в этом колодце сидит джинн! — сказал он Горакхнатху, немного придя в себя. — Я опустил в воду ведро, а он ухватился за веревку и не пускает...

— Чего же ты испугался? — спросил вероучитель. — Йог — повелитель судеб, ему не страшны никакие духи. Успокойся, я сам пойду и погляжу, что это за джинн.

И Горакхнатх в сопровождении нескольких учеников направился к колодцу. Опершись о сложенную из камня стенку, он заглянул в черную глубину и в самом деле увидел там человеческую фигуру.

— Кто ты? — спросил вероучитель.

— Я — несчастный, обойденный судьбой, — ответил Пуран. — Вытащи меня отсюда, и я поведаю тебе свою печальную историю.

В сердце Горакхнатха запылал огонь сострадания. По его совету ученики срубили крепкое дерево, сделали рычаг, с помощью которого вытянули юношу из колодца. Пуран припал к ногам йога и рассказал ему горестную повесть своей жизни, начиная от предсказания астрологов и проведенного в темнице детства и кончая ввержением в колодец. Сочувственные взгляды доброго учителя исцелили сердечные раны Пурана, умелые при-

косновения Горакхнатха у врачевали раны телесные, и прежняя красота вернулась к сыну раджи. Душевная стойкость юноши, который готов был скорее умереть, чем преступить священные законы, расположила к нему вероучителя. «Что поделаешь — такова жизнь во дворцах, — подумал Горакхнатх. — Однако что было, то прошло. Теперь юноша должен вернуться в отчий дом».

— Возвращайся в столицу, сынок, — сказал Горакхнатх, ласково погладив Пурана по плечу. — Все плохое позади. Там тебя ждет счастье. Ступай же, да пребудет с тобой всевышний.

Но юноша с мольбой обратился к Горакхнатху:

— Окажи мне честь, махарадж, помоги стать йогом. Жизнь во дворце меня не манит. Однажды я уже вырвался из ада и не хочу оказаться там снова.

Горакхнатх покачал головой:

— Сделаться йогом — не так просто. Нередко приходится терпеть холод и голод, питаться лишь сухим зерном. Сможешь ли ты умерщвлять плоть, гасить в себе гнев и алчность, отказаться от гордыни и тщеславия, от обольщения богатством? Ведь тебя ждет царство, роскошь и наслаждения. Что даст тебе скорбный путь аскета? Он не для мирских людей, не для царевичей.

Однако Пуран не захотел внять увещаниям вероучителя. Сложив руки лодочкой, он сказал:

За краем одежды твоей святой
Готов идти до конца времен.
Да свыкнусь с голодом и нищетой,
Да будет мне слово твое — закон.

Юноша так горячо и искренне упрашивал учителя, что тот призвал своих учеников и приступил к торжественному обряду: остриг длинные кудри Пурана, проколол ему мочки ушей, вдел в них серьги, натер белое тело царевича пеплом и набросил на него лимонно-желтые одежды аскета. Грянули трубы, гонги, прозвучали слова молитвы... И духовные очи юноши озарились светом, дремавшая в течение многих рождений способность прозрения грядущего пробудилась, а пепел лишь увеличил божественную красоту его тела, так что солнечные лучи стали отражаться от его членов. Когда он стоял, полускрытый клубами голубого дыма, поднимающегося от священных курений, казалось, что это некое

божественное существо, плывущее высоко в небе, среди легких облаков, стало вдруг доступно человеческому взору.

В те дни по всему миру шла молва о щедрости и красоте принцессы Сундаран. Даже йоги и факиры не могли хладно взирать на прелестную рани. Немало прославленных властителей домогались руки красавицы, многие потеряли из-за нее разум и покой, но сердце рани билось бестревожно: не встретила еще та сила, которая способна была покорить принцессу. У рани Сундаран было все — и обширные владения, и пышные дворцы, и сонмы челяди, тщившейся угадать любое ее желание, не было лишь одного: друга, которому она могла бы отдать любовь свою.

И вот однажды возле стен блистательной столицы Сундаран разбили свой лагерь бродячие йоги. Горакхнатх повелел Пурану идти во дворец рани за милостыней, причем особо указал, что юноша может принять подавание лишь из рук самой властительницы, ибо, как сказал Кадар-Яр:

Аскета на земле тревожен путь,—
Избрал его — так осторожен будь.

Итак, Пуран захватил сосуд для подаяния, щипцы со звонкими колокольчиками и отправился в город. Он шел, громко взывая к богу и раскачиваясь так, как от века привыкли ходить все йоги.

Вот и дворец рани. Юноша остановился и воззвал:

— Пусть вечно живет сей дом! О мать, подай милостыню йогам!

Служанка, да нет, скорее подруга рани Сундаран, показалась на пороге. Увидев прекрасное лицо, измазанное пеплом, она глазам своим не поверила. Долго не отрывала она взгляда от лица йога. Когда же опомнилась и протянула руки к сосуду для подаяния, Пуран отвел его назад.

— Учитель повелел мне принять милостыню лишь из рук самой рани, — сказал он.

Девушка прибежала к своей повелительнице и, смеясь, доложила:

— Госпожа! Внизу, у дверей, стоит йог. Такой странный... Такой красивый! Он не захотел принять ми-

лостыню из моих рук. Говорит: «Пусть сама рани подаст...»

— Вот полоумный гордец! — воскликнула рани Сундаран.

— Не сердись, госпожа! Клянусь всевышним, когда ты увидишь этого йога, ты пожалеешь о своем гневе.

Сундаран выглянула в окно, туда, где стоял этот протак Пуран. Потом отступила в глубь покоя.

— Введи сюда йога,— приказала она.— Да спроси у него, с чего это он вздумал шутить со мной? Его дело — собирать милостыню, а не заигрывать с девушками.

Служанка мигом выбежала на улицу и передала йогу повеление госпожи.

— Йогам не подобает входить во дворец,— сказал Пуран, помня о наставлениях своего учителя.— Если рани хочет подать милостыню, пусть сама спустится вниз, а нет — и не надо. Йоги уйдут. В мире много дверей, возле которых можно просить подавания.

Снова прибежала служанка и передала госпоже слова странного йога. Тогда рани до краев наполнила большое блюдо алмазами, рубинами; с этим подаванием она спустилась к аскету. Вот она чуть приспустила покрывало, глянула в лицо Пурану, в это прекрасное лицо, густо осыпанное пеплом, и почувствовала, что отныне у нее нет больше своей воли. Сердце упало, по телу разлилась сладкая истома, душой овладели мечты о счастье — мечты, которые в течение многих столетий владеют людьми... Ей показалось, что наступил наконец желанный миг: ко дворцу ее пришел он — он, единственный, которого она так долго ждала. Поставив на землю блюдо с драгоценностями, Сундаран склонилась к ногам йога.

— Прошу тебя, войди во дворец! — взмолилась она.— Зажги светильник моего счастья! Я омою твои ноги, я выпью воду, оставшуюся после омовения! Окажи же мне милость, войди! Даруй радость моему одинокому миру!

Тот, кого хоть раз коснулось пламя пожара, пугается светлячка. Пуран едва выпутался из одной сети и теперь не хотел попадаться в другую.

— Положи милостыню в сосуд, рани,— сказал он.— Я пойду дальше. Йогам не подобает останавливаться.

Вернувшись в лагерь, юноша высыпал драгоценные камни перед учителем.

— Что это ты принес, Пуран? — удивился Горакхнатх. — Откуда эти камни?

— Это милостыня, которую дала мне рани Сундаран, — ответил Пуран.

— А к чему аскетам такая милостыня? Что мы будем делать с камнями? Нам нужен хлеб. Иди, мальчик, верни все это рани и попроси чего-нибудь съестного. Ступай, глупый.

Пуран вновь отправился в город. Он подошел к стенам дворца, воззвал о подавании. Не прошло и мгновения, как рани Сундаран выбежала из дверей, словно она поджидала прихода юноши.

— Возьми назад свои камни, рани, — сказал Пуран. — Они навлекли на меня гнев учителя. Аскетам драгоценности не нужны. Если в доме твоём есть еда, — пожертвуй немного, если еды нет, — мы попросим милостыню у других дверей. Мои братья-йоги голодны, они ждут, чтобы я накормил их.

Вмиг во дворце закипела работа: повара готовили яства, слуги раскладывали их по блюдам, а подносы с едой устанавливали у себя на головах. Вскоре к пригорку, на котором расположились аскеты, направилась пышная процессия. Впереди, еле касаясь земли, подобная грациозной лани, шествовала Сундаран, шалая от любовного опьянения, обуреваемая тысячами надежд, прекрасная, как весенний цветок, ведомая божественной красотой юного йога.

Как светоч красоты, мелькнул Пуран, —
И устремилась следом Сундаран.

Аскеты с изумлением взирали на приближающееся шествие. Вот рани Сундаран склонилась к ногам учителя, вот отбросила покрывало и окинула взглядом стоявших вокруг йогов. Но разве это был взгляд? Скорее сотни остроконечных стрел! Рухнула прославленная стойкость аскетов, выработанная годами сурового воздержания, обессилели йоги, ослепленные блеском женского лица, сраженные силой женского взора. Одни глядели на прелестную рани расширенными безумием глазами, другие, потеряв сознание, упали в священные костры, те стояли, непрестанно облизывая языком пере-

сохшие губы, эти изумленно хлопали осыпанными пеллом ресницами. Кто-то в смятении вырвал из земли трезубец с желтыми лоскутами, а затем вновь вонзил его в землю, дабы укрепить твердость сердца, кто-то бессмысленно улыбался... И все, позабыв слова молитвенных песнопений, твердили одно лишь слово: «Сундаран! Сундаран!»

Да, только Горакхнатх да Пуран выдержали испытание. И учитель, довольный уже тем, что хоть один его ученик проявил должную стойкость, решил исполнить самое заветное желание прекрасной рани.

Сундаран вновь склонилась перед мудрым Горакхнатхом.

— Твоя щедрость велика, махарадж, и благодаря тебе у меня есть все, чего может пожелать смертный, — богатство, власть... Слуги мои покорны и добры. Я не в праве жаловаться на судьбу. И все же я припадаю к стопам твоим...

— Нынче йог милостив. Проси! Проси все, к чему лежит твое сердце! — повторил Горакхнатх.

— Если на то будет твоя воля, учитель, то... даруй божество, которое я поселю в пустующем храме моей души! Божество, которому я стала бы поклоняться, которому могла бы открыть сердце, который одарил бы меня любовью, а взамен принял мою любовь. Отдай мне своего ученика Пурана! Он рожден для меня, как я — для него! Отдай Пурана, и, клянусь, даже смерть не сможет разлучить нас!

Так молила красавица Сундаран. Учитель уже дал обещание и теперь не мог его нарушить. Ласково похлопав по спине юношу, он сказал:

— Иди, сынок. Видно так уж записано в твоей судьбе. Любовь рани — истинная любовь. Она чиста. Это тоже достойный путь. Не сворачивай с него, и мои благословения вечно пребудут с тобой.

Рани Сундаран поймала вольную птицу, летающую в бескрайнем небе, и заточила ее в любовную клетку. Казалось, радость приподняла ее над землей: она не шла, а парила. Когда молодая чета прибыла во дворец, в городе началось ликование: загрохотали барабаны, заиграли рожки, послышались благословляющие клики.

Но сердце Пурана изнывало в тоске, стремясь прочь от земной любви. Когда же он вступил во дворец, ему

стало душно в этих тенетах роскоши и богатства. И тут он пустился на хитрость.

— Я хочу сходить к озеру, совершить омовение, — с улыбкой сказал он рани. — Надо смыть пепел; здесь, во дворце, он ни к чему.

Рани повелела служанкам проводить юношу к озеру. Но едва лишь миновали они стены города, как Пуран свернул не к озеру, а к пригорку, на котором нашли приют йоги. Служанки валялись у него в ногах, умоляя вернуться, но Пуран не внимал их речам.

С плачем вернулись служанки во дворец и объявили рани, что Пуран предал ее. Схватилась за сердце бедная Сундаран, ввергнутая с небесных высот в темную яму. Велика была ее радость, столь же безмерным оказалось и отчаяние.

— Пуран! О Пуран! — воскликнула несчастная и кинулась с высокой крыши дворца на раскаленные солнцем камни.

А Пуран тем временем уже предстал перед Горакхнатхом.

— Что ты наделал, Пуран!? — грозно спросил учитель. — Ты не оценил чистого алмаза любви Сундаран! Ты нарушил мою волю!

Он сурово поглядел на юношу, увидел залитое слезами лицо, скорбный взор — и сердце его смягчилось.

— Человек не в силах отвратить предначертания судьбы, — вздохнул Горакхнатх. — Рани Сундаран больше не придет за тобой. Возвращайся туда, где живут твои родители, утешь несчастную мать, верни ей радость. Я дарю силу твоим речам, твоему взору, твоему прикосновению. Взглянешь на сухое дерево — и оно зазеленеет, прикоснется к твоим стопам страждущий — и желание его исполнится.

И Пуран направился к Сиалкоту. Вот он достиг сада, что был разбит возле заброшенной крепости, служившей ему приютом в невеселые годы детства. Сад этот давно зачах и высох. Но едва лишь могущественный йог ступил на его землю, как отовсюду потянулись свежие побеги, зазеленели деревья, заблагоухали цветы. Воздух задрожал от радостного шелканья лопающихся почек, от влажного аромата распускающихся роз. Ласковый ветерок раздул священное пламя и понес по земле дым курений, возжигаемых простодушным йогом.

Слава о его могуществе достигла самых дальних уголков земли. И потянулись к заброшенной крепости страждущие, согбенные болезнями, убитые нищетой. Йог умерял страдания, изгонял болезни, исполнял заветные желания, даровал потомство бесплодным. Счастливыми и довольными уходили от него люди.

Рани Лунан давно уже оставила позади прекрасную страну, которая зовется юностью, но чрево ее до сих пор не знало радостной тяжести материнства. И вот во дворец проникла весть о могущественном йоге, исполнителе желаний.

— Пойдем и мы, махарадж, преклоним головы перед йогом,— предложила она радже Салвахану.— Быть может, и наш гороскоп напроорочит радостную перемену. Ведь известно — где йог, там и благодать...

На другой же день раджа Салвахан и рани Лунан, босые, в нищенском рубище, направились к приюту прославленного йога.

Пуран издали заметил приближающихся путников и сразу узнал в них своего отца и мачеху. В первое мгновение он растерялся. Что делать? Как встретить их? Ведь они — виновники всех его бед, они обрекли его на смерть...

Однако тут же пришли другие, зрелые мысли. Он называл Лунан матерью, относился к ней, как к матери. Значит, и сейчас она ему мать. А отец? Отца просто обманули. Нет, их следует принять с почетом!

Тем временем царственные паломники приблизились. Пуран поднялся им навстречу и, склонившись до земли, взял прах от их ног.

— Зачем ты возлагаешь на нас такое бремя, махарадж? — в смущении проговорил раджа.— Это нам надлежит склониться перед тобой... Для того мы и пришли сюда...

— Нет, раджа, поклониться должен был я. Ты, повелитель страны, для аскета — отражение божественной власти. Поведай, какое горе привело тебя в обитель йога.

Видя, что сердце могущественного йога полно милосердия, раджа рассказал ему о своей беде:

— Махарадж! Без наследника и царство мое, и пышные дворцы, и великолепная столица — мертвая пустыня. Всевышний, воплотившись в твоём облике, пришел

в мир, чтобы творить благое. Окажи нам милость, даруй сына.

Лицо Пурана стало серьезным. Он погрузился в глубокое раздумье, потом, словно бы прозрев нечто, скрытое от всех, сказал:

Мне было виденье, что сына имел ты, раджа,
И сын твой когда-то погиб, как баран,— от ножа.

Грозовым раскатом прозвучали для раджи Салваха на слова йога. Старому властителю показалось, что дряхлое тело его сражено ударом тяжелой дубины. Глаза его налились кровью.

— Остановись, махарадж! — в ярости прорычал он. — Не поминай при мне имени этого осквернителя!

Пуран понимал, что раджа считает его преступником, и потому был терпелив.

— Каким же великим грехом запятнал себя твой сын, что ты повелел предать его смерти? — кротко спросил он.

— Не приведи всевышний кому бы то ни было совершить такое!.. — еле сдерживая гнев, ответил раджа. — Он покусился на честь собственной мачехи, моей дорогой рани, и...

— Что же было дальше? — прервал его Пуран.

— Что могло быть? — угрюмо проговорил раджа. — Палачи его казнили...

— Так ли все было, раджа? — усомнился йог. — Мне как-то не верится, чтобы сын мог столь низко пасть.

— Поверь мне, так оно и было.

Тогда Пуран обратился к мачехе.

— Правдив ли рассказ твоего повелителя, матушкаджи? — спросил он, пристально глядя в лицо Луна. — Помни, что испрашивая помощь у аскетов, следует говорить одну лишь истину.

Рани Луна почувствовалось, что взгляд йога прожег ее насквозь. Страшное бремя, в течение многих лет лежавшее у нее на душе, стало, казалось, во сто крат тяжелей. Но все же она сумела скрыть охватившую ее тревогу.

— Мой повелитель говорит чистую правду, — сказала она, как могла спокойно.

Услышав такой ответ, Пуран смежил веки и некоторое время хранил молчание. Потом снова взглянул на матушку Луан и важно, как и подобает йогу, проговорил:

— Твои речи темны, матушка-джи, они заслоняют от моего взора грядущее. Благодаря неизреченной милости всевышнего нам, йогам, открыты судьбы людей. Но при этом, повторяю, мы должны знать истину. Только она позволит исполниться тому, чего жаждет твоя душа. Обманывать аскета — тягчайший грех. Если ты будешь упорствовать во лжи, чрево твое никогда не познает материнства.

Это был удар, окончательно сразивший лукавую рани. Сознание тяжкой вины, с одной стороны, жажда материнства — с другой, вырвали из греховной души Луан признание. Вся в слезах повалилась она в ноги аскету, исступленно твердя:

Пуран был невиновен! — Я сама
Сошла от вождения с ума.
Был клеветой моей загублен сын —
Чистейший лал, сверкающий рубин!

Услышав эти слова, выхватил меч старый Салвахан, чтобы покарать преступную жену. Йог успел удержать его руку.

— Опомнись, раджа! — воскликнул он. — Этот гнев не достоин твоего величия! Много лет назад, поддавшись вспышке ярости, ты предал палачам сына, теперь же поднимаешь меч на собственную жену. Берегись! И утешься: Пуран принял лишь то, что было суждено ему судьбой.

Раджа внял увещаниям йога. А Луан, под которой земля горела от стыда, все прижималась лицом к ногам аскета. Пуран с великим почтением поднял мачеху, дал ей зернышко риса, прочитал заклинание и сказал:

— Съешь это зернышко. Милостью великого учителя Горакхнатха, даровавшего мне силу исполнять желания, у тебя родится сын.

Вскоре посетила прославленного йога и рани Иччхаран. Убитая горем мать ослепла от слез. Спотыкаясь и падая, с трудом брела она к пристанищу аскета. Вид ее говорил о великой печали: одежды были разорваны, во-

лосы серы от пепла, лицо исцарапано. И сердце Пурана изошло кровью, когда увидел он скорбь своей матери.

— Поведай мне о своем несчастье, матушка-джи,— дрожащим голосом спросил йог, поднимаясь навстречу престарелой рани.

Слова аскета прозвучали для слепой сладкой музыкой утешения: несчастной почудилось, что перед ней — ее погибший Пуран.

— Как ты сказал, сынок?.. Повтори еще раз... Ну точь-в-точь, как Пуран... Может быть, ты и в самом деле мой бедный чудом спасшийся сын?

Тут уже Пуран не мог сдержаться: рыдая, бросился он на шею матери. И свершилось невиданное: едва лишь прикоснулась Иччхаран к йогу, едва прильнула к его плечу, как брызнул свет в ее померкшие очи, а из переполненной материнской любовью груди хлынули потоки молока.

Весть о том, что прославленный йог — не кто иной, как чудом спасенный сын раджи Салвахана, достигла дворца. Раджа со всей поспешностью начал собираться в обитель аскета, но тем временем Пуран вместе с матерью прибыл во дворец. Рани Лунан, мучимая стыдом и раскаянием, готова была бежать, забиться в любую щель, умереть... Пуран почтительно склонился перед мачехой и, как мог, ободрил ее.

Радже Салвахану все не верилось, что Пуран стал истинным аскетом, преданным слугой всевышнего. Он умолял сына наследовать его царство:

Ключами владей от сокровищ раджи,
На голову царский тюрбан повяжи!
В уста Салвахана вложил Кадар-Яр
Слова: «О сынок, я бессилен и стар!»

— Радости мира не для меня,— отвечал ему Пуран.— Я не могу наследовать твой престол — пусть на него воссядет мой брат, который родится от матушки Лунан. Я йог и останусь йогом. Да живут матушка Лунан и матушка Иччхаран в мире и счастье. А ты, раджа, будь справедлив к народу, и царство твое прославится в веках. Пуран же больше не царевич, он — йог.

С этими словами вольная птица покинула золоченую клетку дворца, чтобы соединиться со своими братьями-аскетами и учителем Горакхнатхом.

САССИ И ПУННУ

Это случилось в древнем городе Бхамборе. Однажды, в вечерний час, дхоби¹ Махмуд стирал на берегу реки белье раджи. В трудах миновала ночь. Едва лишь забрезжил рассвет, на берег пришла жена дхоби и стала вместе с мужем развешивать белье.

— Нет у нас с тобой детей! — с горьким вздохом сказала жена Махмуда, расправляя складки тахимада². — Нет детей... Видно, мне уж не стирать пеленок...

— У нашего раджи и у нас — одна судьба... — печально отозвался Махмуд.

— Что ты, говорят, рани ждет ребенка!.. — начала было жена и вдруг умолкла, с удивлением разглядывая плывущий посреди реки странный предмет. — Гляди! Гляди! Что-то плывет! — закричала она.

Махмуд бегом спустился к реке, прыгнул в воду и вытащил на берег ящик, сделанный с немалым искусством. В крышке ящика были просверлены отверстия. Когда дхоби снял крышку, он даже зажмурился от блеска: в ящике лежала грудка золота, а посреди него — крошечная, недавно родившаяся девочка. На шейке ее сверкал самоцветами бесценный амулет.

Жена Махмуда возблагодарила всевышнего и с благоговением прижала девочку к груди.

— Верно, дочь какого-нибудь раджи или знатного человека, — сказала она. — Подумать только — доверили волнам золотую судьбу...

Она поцеловала ребенка и отдала его мужу.

— Ходжа Хизр, бог моря, охранил ее от беды, — проговорил дхоби, с умилением глядя на девочку. — Посмотрим, что-то будет дальше.

¹ Д х о б и — стиральщик белья.

² Т а х и м а д — набедренная повязка.

Дхоби Махмуд был человек почтенный, славный работник. Жил он в достатке и пользовался уважением всей общины. Немало подарков и наград получил он от раджи. Теперь дхоби поспешил во дворец и объявил, что у него родилась дочь и что жена его на седьмом небе от счастья: ведь именно дочку молили они у всевышнего!

В ознаменование столь радостного события раджа приказал отвести дхоби хороший участок земли, построить красивый дом и разбить сад.

Наступил вечер. Нежный, прекрасный лик луны медленно скользил между грядями облаков. Жена дхоби взглянула на небо, и ей почудилось, что только что обретенная дочь как две капли воды схожа с красавицей луной.

— Я нашла тебя, моя лунолика! Ты тоже плыла по волнам...— приговаривала она, целуя ребенка.

— Ну что ж, тогда дадим нашей дочке одно из имен луны — Сасси,— предложил Махмуд.

— Сасси! — добрая женщина еще раз поцеловала девочку.— Луна, взошедшая над миром моих надежд!

Дом вскоре был построен, сад цвел, Махмуду по приказанию раджи платили за стирку больше, чем прежде, а в семье дхоби росла и наливалась, словно луна, маленькая Сасси.

Никакой рани не перепадало столько солнечного света, вольного ветра, речной шири, небесной синевы — всей той благодати, которой жизнь одарила Сасси. Эти неисчислимы богатства запечатлели сто волшебств на облике девочки, отразились в каждом ее члене.

Лицо ее излучало сияние, подобное восходящему солнцу, стан был гибок, как речная волна, глаза ясны, будто летнее небо, походка легка и стремительна, словно дуновение ветра, в речах звучали звездные песни. Где бы ни прошла она — людям казалось, что за ней, словно за кометой, тянется сверкающая дорожка. Долго смотрели вслед ей горожане, одни спрашивали, другие объясняли:

— Это дочка дхоби Махмуда, простая девочка с судьбой рани. Говорят, ее обучает сам мунши Акхунд Лал!

В унылую, полную речной сырости жизнь девочек из квартала стиральщиков Сасси принесла тепло и вдохно-

вение. Подруги в ней души не чаяли. Они готовы были с раннего утра трудиться вместе с родителями, лишь бы вечером те отпустили их поиграть с дочкой Махмуда.

В серую юность мальчиков-дхоби Сасси ворвалась, как звонкая песня радости. Чего только они ни делали, лишь бы угодить своему кумиру: грели утюги, когда Сасси гладила белье, стерегли ее сад. А иные с утра до ночи торчали на берегу, ожидая прихода девочки...

Был среди них один малый по имени Дара, который не очень-то рассчитывал очаровать Сасси своим умом и красотой. Он не обольщал себя надеждой на то, что судьба милостиво подарит ему благосклонность всеми признанной красавицы, и потому норовил тайком пробраться в сад Махмуда, чтобы хоть глазком взглянуть на его дочку.

Однажды подружки Сасси застигли парня врасплох, накинули ему на шею свои покрывала и — ну тянуть: эта — в одну сторону, та — в другую. Если бы Сасси не помешала девушкам, погибнуть бы несчастному от удушья.

Дара был убежден, что именно Сасси устроила на него облаву.

— Ну берегись моей мести! — пригрозил он ей, утирая рукавом нос. — Ты резвисься, словно птичка... Погоди, я засажу тебя в клетку!

...А во дворце раджи все еще не слышно было детских голосов. Многие советовали повелителю Бхамбора вступить в новый брак, подыскивали для него невесту. В эту-то пору и пришел во дворец Дара с вестью, что дочка дхоби Махмуда не даром затмевает красотой всех женщин: ведь она по рождению рани! Дхоби украл царского ребенка!

К тому времени слухи о красоте Сасси распространились уже по всему городу и достигли ушей раджи. Он тотчас же повелел, чтобы стиральщик Махмуд привел Сасси во дворец.

Ужас объял душу честного дхоби: «Раджа отнимет у меня дочку!..». У Сасси на сердце тоже было тревожно, но она, как могла, старалась ободрить Махмуда.

Девушка была еще неопытна, а о жизни во дворцах знала и вовсе лишь понаслышке. Ее законами были воля, труд и веселые забавы. Она не ведала ни страха, ни опасений. Когда это воплощение радости и красоты

явилось во дворец, темное сердце раджи и мрачные покои словно озарились ярким светом.

— Кто твои родители, красавица? — спросил изумленный раджа.

— Дхоби Махмуд и его жена.

— Но ты похожа на принцессу, а не на дочь стиральщика!

— Никогда в жизни не видала ни одной принцессы! Я дочь дхоби.

— Хорошо, пусть ты дитя дхоби. Хочешь, я сделаю тебя рани?

— Как это?

— Женюсь на тебе.

— Не пойму я, раджа, как это — быть твоей женой...

— Придет время — поймешь, — усмехнулся раджа.

Сасси ему понравилась. Он встал и протянул было руку, чтобы обнять девушку, как вдруг на глаза ему попался золотой амулет, висевший у нее на шее. Раджа вздрогнул.

— Откуда у тебя этот амулет?..

— На меня еще в детстве надела его моя мать.

— Дай посмотреть!

— Я не могу снять его, раджа. Матушка говорит, что этот амулет — мой хранитель.

По повелению раджи в зал явилась его супруга.

— Посмотри хорошенько на амулет этой девушки, — сказал он.

Рани подвела Сасси к окну, взглянула на амулет:

— О небо! Пусть я умру, если не повесила этот самый амулет на шею моей несчастной дочери! — воскликнула она.

Раджа и рани были потрясены. Спешно послали они за Махмудом, поджидавшим дочь у ворот. Дхоби явился ни жив ни мертв от страха. Раджа строго приказал стиральщику отвечать по чистой совести, откуда в его доме взялась Сасси. Бедняга был так перепуган, что и не думал заператься. Едва лишь рассказал он о найденном в волнах сундуке, как супруга раджи заключила девушку в объятия.

— О, дочь моя!.. О рани!.. — со слезами повторяла она.

А добрая Сасси смотрела на дхоби Махмуда, который едва держался на ногах, потрясенный неожиданной по-

востью. Как только рани ослабила объятия, девушка кинулась к тому, кого в течение восемнадцати лет считала своим отцом, нежно поддержала его и попросила, чтобы раджа позволил дхоби сесть. Раджа и рани усадили Махмуда между собой, и повелитель Бхамбора рассказал бесславную историю, ведомую до тех пор лишь царственным супругам.

— Восемнадцать лет назад жена моя ждала ребенка. Призванный по этому случаю астролог объявил, что у рани родится дочь, которая запятнает позором наш род: выйдет она замуж за мусульманина и любовь ее станет притчей во языцех для всего мира. Вскоре появился на свет младенец. Как и предсказывал астролог, родилась девочка. Горько и страшно было решиться на разлуку с долгожданной дочкой, но иного выхода мы не видели... Рани надела на шею девочки драгоценный амулет, потом уложила ее в деревянный ящик, а вместе с ней и пять тысяч золотых, после чего пустила ящик по течению реки... С тех пор я больше не слышал смеха моей рани, а дворец наш не оглашался веселыми голосами пирующих гостей... Мы виноваты перед тобой, Сасси, мы не смеем поднять на тебя глаза, но прости нас, несчастных! Я верю, добрый Махмуд вернет нам нашу дочь, он не захочет, чтобы род его раджи угас. Это будет бесценный дар, всей моей сокровищницы не достанет, чтобы отплатить за него...

Губы Махмуда застыли, отказываясь произнести то, чего ждал от него раджа. Сасси пришла на помощь повергнутому в отчаяние дхоби:

— О раджа, отец мой! То, о чем ты просишь своего слугу, зависит не только от него.

— Кто же еще может распоряжаться жизнью девушки? — спросил удивленный раджа.

— Та, кому принадлежит эта жизнь.

— Твои слова справедливы, Сасси, — сказал раджа. — Решай же свою и нашу судьбу.

— О дочка! О лунолика! Прости нас... — взмолилась рани. — Прими, что принадлежит тебе по праву! Окажи милость мне, ничтожной!..

Сасси сжала в своих ладонях сложенные лодочкой руки матери.

— Нелегкую задачу задали вы мне, матушка-рани, — сказала она. — Решить ее так же трудно, как

трудно было тебе доверить свою дочь на милость волн. Я хочу провести эту ночь в доме тех, кого привыкла считать своими родителями, и вместе с ними обсудить, что мне делать дальше. Завтра я сообщу вам свое решение. А сейчас, прошу вас, прикажите заложить повозку и отвезти моего приемного отца домой: самому ему, пожалуй, не дойти.

Миновала ночь. Раджа и рани с самого утра поджидали прихода красавицы-дочки, но часы шли, а ее все не было. Лишь под вечер во дворец явился Махмуд с письмом от Сасси. Дрожащими руками развернул его раджа. Вот что там было написано:

«Мои царственные родители!

Всю эту ночь я провела на коленях. Бурное течение реки уносило меня, в руках моих был амулет, который надела на меня когда-то матушка-рани, ее мольба звучала в моих ушах, ее слезы застилали мой взор.

Но все это — скорбь мгновений и часов. Идут ли они в сравнении с теми ласками и заботами, любовью и жертвами, которые вьют вокруг меня свой хоровод уже восемнадцать лет? Тем, кто взрастил меня, могу ли я достойно отплатить, если даже останусь в их доме на всю жизнь? Вот почему я не покину их, несмотря на слезы моей родной матушки.

Вчера вы просили у меня прощения, сегодня я молю: отпустите мне мою вину! Я буду приходить к вам всякий раз, как вы захотите меня видеть.

Ваша Сасси»

— Как Сасси решила, так и будет,— сказал раджа.— В свое время мы сами пустили наше счастье по течению реки. Теперь нам осталось одно: свято хранить нашу тайну и не мешать девочке жить так, как ей хочется.

Сасси вновь почувствовала себя вольной птицей. Махмуд и его жена вздохнули с облегчением. В первые дни после посещения дворца добрая женщина то и дело принималась обнимать Сасси, чтобы убедиться: девушка тут, с нею, даже раджа — и тот не смог отнять ее сокровище!

А между тем дивную красоту Сасси славил уже по многим городам и странам. Изящество, стройность ста-

на, прелесть взора и черт лица, плавность походки и речи, пленительная игра, которую дает смелость и свобода, — этот пышный букет, достанься он в удел одному человеку, озарил бы все вокруг, и людей, и город, наделил бы каждого частицей прекрасного. Милое лицо Сасси в легком облаке кудрей и впрямь напоминало светлый лик Луны.

Однажды через Бхамбор проходил караван из Кач Макрана. Купцы прослышали о несравненной красавице. Предводителю каравана Бебио довелось даже увидеть девушку.

— Клянусь Аллахом, эта юная Луна как раз под стать нашему ясному Месяцу — принцу Пунну! — воскликнул он.

Дело в том, что у раджи Кач Макрана было три сына. Два младших уже обзавелись семьями, старший же, Пунну, не нашел еще себе достойной подружки. Был он так прекрасен, что при виде его первые красавицы столицы прижимали руки к груди, чтобы унять рвущееся наружу сердце. Но Пунну отвечал им спокойным взором. Его сердце молчало.

Завершив дела в Бхамборе, купцы вернулись на родину, и Бебио, большой друг Пунну, поспешил во дворец, чтобы рассказать принцу об удивительной красавице. И Пунну вдруг загорелся желанием увидеть Сасси. Он жаждал любви — освободительницы от унылых догм, он стремился к встрече, которая высоко взметнула бы качели его сердца и позволила хоть однажды прикоснуться к небу. В отличие от братьев Пунну обладал тонкой и мужественной душой, он не вертелся, подобно младшим принцам, возле юбок и покрывал, и до сих пор женская красота лишь радовала его взоры, но не утоляла жар сердца. Одна богатая красавица готова была чем угодно пожертвовать ради Пунну, однако «купец» искал не этот «товар».

Когда Бебио рассказал принцу о Сасси, Пунну и впрямь решил уподобиться купцу. Над горами того края реяли тончайшие ароматы; душистые смолы, травы, масла и эссенции растекались из Кач Макрана по разным странам и городам. Пунну задумал стать торговцем благовониями. Нагрузив караван, уселся он на черную верблюдицу и отправился в путь. Вскоре он пересек пустыню и прибыл в Бхамбор.

Лавку свою Пунну поставил в густой зеленой роще, возле самой переправы. И смешались с воздухом, поплыли по роще ароматы жасмина, кевры, мускуса, душистых трав.

Торговец восседал посреди лавки на белоснежном шерстяном ковре. Широкая грудь, богатырские плечи, сияющие умом глаза, чистое сердце, горячая голова... Казалось, это сама молодая кровь и пылкие юношеские желания источали благоухание, наполнявшее тенистую рощу.

Мужественная красота Пунну манила красавиц Бхамбора сильнее, чем духи и благовония. В роще с утра до ночи толпились женщины. Каждую из них хозяин лавки почтительно величал — «рани», а когда он проводил смоченным духами комком белой шерсти по нежной девичьей ладони, самые застенчивые не могли устоять перед искушением и одаряли купца улыбкой.

Миновали четыре дня. Хорошая половина товаров была распродана, хорошая половина горожанок побывала в лавке Пунну, однако девушка, один взгляд которой изменил бы для юного сердца облик мира, придал ему новое, несказанное очарование, — эта девушка до сих пор не приходила.

Весть о появлении в городе удивительного торговца благовониями дошла до Сасси, но она медлила отправиться в рощу и, словно готовясь к некоему поединку, то и дело поглядывала в зеркало, изучала свою красоту. В тот день, когда Сасси надумала посетить лавку купца, подружки ее работали с особым рвением и покончили с делами раньше обычного. Нарядные и сияющие явились они к Сасси. Осмотрели ее сари, расправили складки, приколотили получше самоцвет, украшавший ее прическу, поправили тикку на лбу. Они гордились своей Сасси. Сегодня красота их соотечественницы должна была вступить в соперничество с красотой чужеземца. О, как они хотели, чтобы победа осталась за их подругой! Они готовы были с ног до головы убрать ее драгоценностями, однако Сасси, всегда такая покладистая, на этот раз наотрез отказалась их слушаться. Наконец приготовления были окончены. Мать дала девушке бархатный кошелек, в который положила золотой мухар.

Вот и роща. Сасси вошла в лавку, и словно туман за клубился в воздухе. Взвешивание, отмеривание — все

было забыто. Разум оказался ниспровергнутым, престолом завладело сердце.

Пунну, истинный дух розы, провел клоком шерсти по руке девушки, по руке, трепещущей, как пойманная горлица.

— Этот божественный жасмин с наших гор, о рани,— сказал он.

Сасси подняла взор. Во взгляде Пунну застыла растерянность.

— В ваших горах на кустах жасмина цветут розы? — с усмешкой спросила красавица.

Пунну взглянул на флакон.

— Прости, рани, я ошибся... Это и в самом деле роза...

Сасси поняла: все двери, ведущие к сердцу молодого купца, для нее открыты.

— За такую ошибку следует уплатить пеню,— сказала она.

— Пусть рани только прикажет! — воскликнул ободренный Пунну.

— Намочи клочок шерсти самыми лучшими духами и проведи по руке каждой моей подруги.

Пунну с радостью исполнил повеление красавицы. Он будто очнулся от долгой дремы. Кровь плясала в его жилах. «О, сколько очарования таит в себе благословенный взор возлюбленной!» — думал он, не сводя глаз с прекрасной девушки.

Несколько флаконов он положил в корзиночку Сасси. Та развязала шелковый шнурок и достала из кошелька золотой, но Пунну не взял денег.

— Подождем до завтра,— сказал он.— Сначала посмотрите, понравятся ли вам духи.

Очень уж ему хотелось снова увидеть девушку.

Сасси пришла в лавку на другой день, на третий, однако торговец все не брал плату. Во взгляде Сасси, в ее речи и походке поселилась трепетная птица надежды. И сама она будто обрела крылья, летала над землей, не касаясь ее ногами. Вечером, обнимая мать, она призналась:

— Матушка! Я нашла себе жениха!

— Кто же он, дочка?

— Торговец благовониями...

— Ох, доченька моя, не выдаст тебя отец за купца!

— Да он только с виду купец, на самом деле он мне пара.

На следующее утро Сасси снова отправилась в рощу, прихватив с собой кошелек с золотом и флаконы благовоний. В лавке она вынула флаконы и обиженно сказала купцу:

— Раз не хочешь брать с меня плату, получай обратно свои благовония.

— Я не могу, рани, дважды брать плату за один и тот же товар,— ответил Пунну.

— Разве я тебе уже платила? — изумилась дочь гончара.

— А как же? В первую нашу встречу я получил от тебя больше, чем стоит вся моя лавка.

— Да ты насмешник, купец! Когда это было?

— Еще там, на родине, я твердо знал, что одно прикосновение к твоей руке будет для меня более выгодной сделкой, чем десятикратная выручка за все мое добро!

— Ты, верно, шутишь, красавец-купец!

— Я не купец.

Сасси чуть не запрыгала от радости.

— Я же говорила матушке, что ты не купец! Ну что ж, Пунну, однажды ты уже заплатил за то, что коснулся моей руки. Завтра в это время приходи к нам в сад, и если ты всегда будешь так высоко ценить счастье, держать мою руку в своей, считай, что сделка состоялась. Пунну придет?

— Да, да! Завтра, в это время, в твоём саду...

Перед расставанием Пунну смочил ладони возлюбленной самыми тонкими благовониями. И они простились до следующего дня.

В назначенное время Сасси и ее подруги поджидали Пунну. Он явился с грудой подарков. Девушки окружили прекрасного чужестранца: ведь в какой-то мере он был их собственностью, подобно всякому совершенству, которое принадлежит тем, кто испытывает радость, любясь красотой. Подружки соединили руки возлюбленных и завертелись вокруг них в такой веселой пляске, что раззадорили даже молодых кукушек, и те залились веселыми песнями.

— Но знаешь, Пунну, мой отец говорит, что отдаст меня только за стиральщика,— предупредила Сасси. Она сразу хотела разрешить все сомнения.

— Не беда, моя Сасси! Если таково условие твоего отца, Пунну будет стирать белье.

— Но ведь ты, наверное, принц?

— С завтрашнего дня я стану дхоби.

Наступило еще одно «завтра». Болтая о разных пустяках, Сасси как бы между прочим сообщила отцу о своем выборе.

— Пунну говорит, что на самом деле он — дхоби, — сказала она.

— Ну что ж, я посмотрю, как он умеет стирать, — отвечал Махмуд.

На следующее утро, в новой куртке и набедренной повязке, с коротко стриженными волосами, Пунну явился к реке, чтобы показать будущему тестю свое умение. Махмуд положил перед ним узел с грязным бельем, велел дочери принести все необходимое для стирки и занялся своей работой.

Пунну изо всех сил колотил мокрым бельем по доске, а глаза его тем временем не отрывались от Сасси. Какое наслаждение получал он от этого молчаливого лицезрения, от этой безмолвной беседы! А белье рвалось, расползалось под неловкими ударами... Заметив дыры, Пунну пришел в отчаяние. Но Сасси сообразила, как выпутаться из беды.

— Придется бросить на ветер несколько мухаров. Как ты на это смотришь?

— Мои мухары — твои, поступай с ними, как тебе вздумается.

Сасси поведала свой план: она аккуратно свернет белье и на каждую дыру положит по золотому.

Так они и сделали. Махмуд отнес сложенное дочерью белье заказчикам и вскоре вернулся. Никто не пожаловался ему, что белье порвано или плохо постирано. Наоборот, все, казалось, были особенно довольны работой.

Сияющий Махмуд объявил:

— Я согласен с твоим выбором, дочка. Этот Пунну — славный дхоби!

Сыграли свадьбу. Раджа и рани прислали Сасси богатые подарки. На пиру была вся община стиральщи-

ков. Повеселились на славу. Особенно довольны были молодые парни: их гордость и слава — несравненная Сасси осталась жить в родном квартале, да еще привела под стать себе мужа, как видно, тоже доброго дхоби. С некоторого времени берег реки, где работали стиральщицы, квартал, в котором они жили, дом и сад Махмуда уподобились месту паломничества, где божеством была красота.

Пунну и Сасси целые дни проводили на реке, рядом с Махмудом: мужчины стирали, Сасси развешивала и складывала белье. Как бура очищает золото, заставляет его еще ярче сиять, так труд на свежем воздухе оживил и озарил прелесть юных супругов. Молва о них шла и раньше, теперь же ходила легенда о счастливой, райской жизни на берегу. Многие, судьба которых оказалась плачевной, приходили туда полюбоваться сияющими лицами Сасси и Пунну, чтобы радость влюбленных озарила и их убогую, скудную жизнь.

А тем временем над родиной Пунну, над Кач Макраном, нависла печаль и уныние. Родители тосковали, изнемогали под бременем стыда. Братьям, Умару и Тумару, в сущности не было дела до Пунну: этим плутам и пройдохам он был чужим. Но тут речь шла о «чести семьи». Ведь люди судачили, потешались: «Старший принц, наследник престола, женился на девушке из семьи дхоби! Сам стал стиральщиком!» По наущению принцев рани слала в Бхамбор гонца за гонцом. Те возвращались с одним ответом: «Я всегда буду помнить тебя, матушка! Но престол отца не для меня. Его разделят Умар и Тумар. Если память о брате тяготит их — пусть они меня забудут. Я же счастлив хотя бы тем, что ничего не забыл. Каждая крупинка моего Кач Макрана, земли, где я родился, где узнал зависть самых близких мне людей, вечно пребудет со мной».

Братья поняли, что сколько бы они ни посылали гонцов, ничего им не добиться. И замыслили они недоброе дело.

«Ты выбрал свой путь в жизни, и не нам осуждать тебя, — писали Пунну Умар и Тумар. — Живи как знаешь. Но дозволю нам хоть повидать тебя, нашего луноликого брата».

Сасси была на седьмом небе от счастья. Как же, ведь приедут братья ее Пунну, младшие братья — принцы!

Для их жен заранее приготовили подарки, к приезду желанных гостей был празднично украшен дом.

Все стиральщики Бхамбора буквально потеряли головы в ожидании принцев. Ведь они останутся не в царских палатах, а здесь, в квартале дхоби! Каждая хижина была убрана, как невеста перед свадьбой.

Наконец караван принцев прибыл в Бхамбор. Через город вереницей прошли белые, коричневые, черные верблюдицы; на коленях их сверкали золотые украшения, на шеях позвякивали бубенцы, на спинах возвышались обитые шелком сиденья, отделанные по бокам бахромой; тугие затылки напоминали девичьи груди. Рядом с верблюдами шествовали стройные красавцы-белуджи, с плечами борцов, с блестящими черными кудрями, выбивавшимися из-под дерзко заломленных тюрбанов. Спины верблюдов, казалось, прогибались под тяжестью бесчисленных подарков, корзин со свежими и сушеными фруктами.

Четыре дня длился пир в доме Махмуда. Певцы охрипли от песен, бродячие актеры — бханды — дивили всех своим искусством, подружки Сасси с утра до ночи плясали гиддху³. Щедрость Умара и Тумара не знала предела; весь Бхамбор благоухал ароматами Кач Маркана.

Сасси, жаждавшая скрепить мир между братьями, не знала чем услужить Умару и Тумару: она выспрашивала у их жен о сходстве принцев с родителями, выискивала счастливые приметы, заказала для свекрови ожерелье из мухаров, для свекра — пышные одежды; не забыла она о подарках и сестрам-принцессам.

И вот уже близко расставание. На завтра белуджам предстояло отправиться в обратный путь. Однако грустно ли было жителям Бхамбора расставаться с гостями, или причиной тому было вино, которым щедро потчевали Умар и Тумар, только плясали в этот вечер совсем не так, как раньше, словно бы плясунам никогда до этого не доводилось выходить в круг. Может, утомил их четырехдневный праздник, может, в вино и шербет были подмешаны сонные зелья, но к полуночи веселье стало гаснуть, люди — разбредаться по углам, и часа через два все уже спали, кроме гостей-белуджей.

³ Г и д д х а — народный танец.

Быстро и неслышно оседлали они верблюдиц, погрузили тюки с вещами, прихватили с собой бесчувственного Пунну и исчезли в ночной тьме.

Уже давно занялся день, когда в доме Сасси один за другим стали пробуждаться люди. Сасси протерла глаза, изумленно огляделась по сторонам. Казалось, во сне привиделся весь этот многодневный пир. Нет ни Умара, ни Тумара, нет никого из белуджей. И... нет ее Пунну! Здесь нет... Там нет... В доме нет... В саду нет...

— О мама! Меня ограбили! Они приехали не для того, чтобы увидеть брата, им надо было его украсть!..

Мать ласкала и успокаивала Сасси, подруги ее обнадеживали, отец уговаривал:

— Стоит только Пунну очнуться, он мигом примчится сюда! Тот, кто мог стать ради тебя дхоби, не примирится с разлукой!

— Нет, нет! Я знаю, теперь он во власти злодеев-белуджей... Они оторвали его от меня, потащили через пустыню!.. Не видать мне больше Пунну. Принц — стиральщик! Да это для них как стрела в сердце! Они скорей убьют его, чем выпустят из рук...

— Наберись терпения, дочка. Судьба переменчива, — увещевал Сасси отец.

— Любовь владеет мной, она не знает терпения! Нет мне жизни без моего Пунну! Я пойду... Знаю, вряд ли я одолею пустыню, но здесь все равно погибну. Не удерживай меня, матушка!.. Сейчас мое спасение в одном: бежать следом за Пунну...

Сасси совсем обезумела: сбросила с себя все украшения, разметала косы. Мать и подруги, весь день от нее не отходившие, к полуночи валились с ног от усталости. Увидев, что Сасси задремала, они тоже легли. В глухой предутренний час, в тот час, когда накануне Умар и Тумар похитили сонного брата, Сасси вдруг вскочила. Весь дом был погружен в глубокий сон. Подойдя к стене, она сняла с крючка накидку Пунну, поцеловала ее, сунула себе под кофточку и тихо вышла на улицу, под черное звездное небо.

— Пунну! О Пунну! — глухо воскликнула она.

Так Сасси покинула родной Бхамбор. Всех встречных она расспрашивала о богатом караване, описывала внешность погонщиков-белуджей. Словно безумная, шла она все вперед и вперед. С уст ее слетали слова печали, в глазах трепет надежды сменялся мраком безнадежности. Путники относились к ней с участием, но Сасси отходила от них, не дослушав объяснений: в ушах ее стоял звон бубенчиков верблюдницы, которая увозила от нее Пунну, и этот унылый звук торопил, гнал ее, не давал остановиться...

В полдень она увидела пустыню — море песка, без конца и края. Нигде ни дерева, ни кустика, ни тени.

Раскаленный песок жег ноги, красная краска стерлась с них⁴. Сасси решила, что полуденный зной она переждет по эту сторону пустыни, в тени большого дерева. Рядом звенел ручей. Сасси наклонилась к нему, чтобы напиться, и увидела в воде свое отражение. Что случилось с ее красотой!

— Пунну! Дай мне еще раз увидеть тебя! — взмолилась она. — Возведи разрушенный храм нашей жизни!

Она легла под деревом, закрыла глаза. И Пунну услышал ее мольбу: вновь Сасси с подругами стояла в лавке торговца благовониями, а милый купец проводил клоком надушенной шерсти по ее руке... Потом ей стало трудно дышать... она проснулась. Солнце уже клонилось к западу.

Сасси бросилась искать путь, по которому прошел караван. Пядь за пядью обшаривала она бескрайные пески пустыни, пока не увидела наконец цепочку верблюжьих следов. Один след показался ей не таким, как другие: животное шло размеренным шагом, небольшие копыта глубоко зарывались в песок.

— Эта верблюдница несла моего Пунну! — воскликнула Сасси. — Вот вехи, которые приведут меня к тебе, любимый!

Снова в небе загорелись звезды. Выпала роса. По щекам Сасси катились слезы. Ночной ветер трепал ее волосы. Из груди рвались вздохи. В ушах стоял призывный звон бубенцов. Пламя жизни медленно угасало...

К утру Сасси совсем изнемогла от жажды. Останав-

⁴ В Индии женщины окрашивают красной краской ноги во время празднеств.

ливалось сердце, а кругом — ни тени, ни ручейка... Вдруг неподалеку сверкнуло зеленое пятно. Сасси подошла поближе и увидела кусты махинды. «Как они растут здесь, среди раскаленного песка? — подумала она. — Должно быть, тут поблизости есть вода!» Она стала искать, но вокруг простиралась лишь знойная пустыня. А губы, язык, горло совсем пересохли, казалось, даже кровь высыхала в жилах. Сасси потеряла сознание и упала на песок.

Как раз в том месте бежал подземный ручей, питавший корни зеленых кустов. Под тяжестью бесчувственного тела молодой женщины песок осел, вода проступила наружу, смочила голову Сасси, удержала отлетавшую жизнь. Сасси поднялась, выкопала небольшой кустик махинды, посадила возле источника, подвела к корням влагу, укрепила и подровняла края водоема, окропила водой каждый листик. Говорят, влюбленные до сих пор чтят этот куст, память любви красавицы Сасси: они целуют его листья и молят об исполнении желаний. Водоем в пустыне, порожденный великой печалью, — таков дар Сасси жаждущим путникам.

Сасси отправилась дальше, чтобы, воспользовавшись утренней прохладой, пройти еще часть пути, а к тому времени как полуденное солнце накалит печь пустыни, отыскать хоть какой-нибудь приют. Вначале песок был теплым, потом горячим и наконец стал жечь. Чтобы хоть как-то защитить себя от беспощадного солнца, Сасси закуталась в накидку Пунну. Она шла, с трудом ступая по земле, озираясь по сторонам, как вдруг впереди увидела какое-то подобие жилья, небольшое стадо, щипавшее скудную зелень возле ручья, и пастуха.

— Выслушай меня, о герой! — обратилась Сасси к пастуху.

Тот вздрогнул и оглянулся. Что за лицо у этой женщины! Словно обломок раскаленного солнца...

— Я — несчастная! Я — разлученная! — продолжала между тем Сасси. — Я бегу, тороплюсь в пасть смерти... В этом мире — я гостя немногих часов...

Может ли измерить всю скорбь этих слов тот, кого еще не коснулась смерть? Жизнь уже покидала Сасси, пастух видел это по ее лицу, и сердце его отозвалось на горе женщины. Она поведала ему историю своей разлуки, спросила, далеко ли до Кач Макрана. Заметив, что

путница еле держится на ногах, пастух взял ее за руку, отвел в тень, усадил. Рука несчастной горела огнем.

— Ты больше не можешь идти, сестра,— сказал он.— Солнце сразило тебя. К тому же здесь кончаются пески, дальше идет твердый грунт, на котором не видны следы верблюдов. Останься пока в моей семье. Я сам отправлюсь в Кач Макран, разыщу твоего Пунну и передам весть от тебя.

Сасси сто раз возблагодарила всевышнего и тысячу раз — пастуха. Потом сказала:

О добрый герой! Красавцу Пунну
Скорбную весть от меня принеси —
Скажи, что исходит болью Сасси,
Что у безумья она в плену.

Возлюбленному передай моему:
Тьма обнимает Сасси без него,
Вокруг не видит она никого,—
Пусть лик его светлый рассеет тьму!

Доброго пастуха тронуло горе Сасси, ее печаль стала его печалью. Он провел гостью в хижину, а сам поспешил в Кач Макран за Пунну.

Сасси сгорала в лихорадке. Вся семья пастуха не отходила от нее: кто охлаждал ей лоб влажным полотном, кто поил студеной водой, кто возносил молитвы всевышнему о ее спасении...

Так миновали два дня. Иногда, казалось, душа ее уже готова была расстаться с телом. Но стоило только кому-нибудь сказать: «Кто-то едет!» — и слабый огонек жизни вновь вспыхивал.

Полтора дня до Кач Макрана, полдня на обратный путь... Вот-вот покажется верблюдица Пунну... Все глаза были устремлены в ту сторону, откуда он должен был приехать. Выпадали и рассеивались туманы... Ни пастух, ни Пунну не появлялись.

Сасси уже не могла говорить, дыхание стало совсем слабым. Когда поблизости раздавался чей-нибудь голос, она лишь на мгновение открывала глаза и тут же снова закрывала их.

— Глядите, глядите! Верблюдица! Черная верблюдица! Она скачет сюда!

Ресницы Сасси дрогнули, она взглянула перед собой, но ничего не увидела и вновь смежила веки.

Черная верблюдица остановилась возле хижинны. На землю сошли двое — пастух и какой-то человек.

— Где она, моя Сасси? Отведите меня к ней! — закричал в отчаянии незнакомец.

Его взяли за руки, провели в хижину.

— Сасси! Моя Сасси!

Сасси открыла глаза. Губы ее улыбались, руки дрожали. Пунну поднял жену, прижал к груди, поцеловал в глаза. Как ждали глаза этого поцелуя! Но дождались — и больше не открылись. Страшный вопль Пунну пронзил сердца:

— Сасси!.. О Сасси!..

Последнюю ночь Пунну провел около любимой, рассказывая ей о злодейском умысле своих братьев. На другой день Сасси приготовили могилу. Увидев ее, Пунну сказал:

— Расширьте могилу. Сасси не будет лежать одна.

Люди сделали так, как он просил. Принесли носилки с телом Сасси. Пунну не мог оторваться от возлюбленной — целовал ее лицо, ноги...

Вот тело опустили в могилу.

— Не кладите ее посредине, подвиньте к краю, пождите засыпать, — попросил Пунну. — Я хочу помолиться.

Он опустился у изголовья могилы, прикрыл рукой глаза, и ему привиделось, что Сасси поднимается, подходит к нему радостная, нарядная, в свадебном уборе. Руки Пунну обвиваются вокруг ее стана, и они, счастливые, танцуют. Слышится ему беззаботный смех, будто стоит он не возле могилы, а в прекрасном саду, и кругом резвятся подружки Сасси. Вдруг Пунну и Сасси остановились, взглянули друг другу в глаза, губы их затрепетали, руки переплелись... Потом губы Сасси прижались к руке возлюбленного, и она медленно отошла от него и ушла под землю...

Пунну отнял ладонь от глаз, вскочил. Сасси попрежнему лежала в могиле — холодная, бездыханная... Кругом стояли сумрачные, печальные люди. Тогда Пунну воскликнул: «О моя Сасси!» — и прыгнул в могилу.

Говорят, в тот же миг земля сомкнулась над его головой. Многие из тех, кому довелось изведать настоящую любовь, видели, как в лунные ночи Сасси и Пунну

танцуют на своей могиле. И ведь именно они — Сасси и Пунну — подносят пиалу соединения истинным возлюбленным.

МИРЗА И САХИБАН

Ласковым весенним утром деревня счалов из Джанга была совсем пустынна — только изредка встречался случайный прохожий. Мужчины работали в поле, женщины хлопотали по хозяйству. Лишь дети с сумками под мышкой бежали к мечети.

По улице легко, чуть раскачиваясь на ходу, шла девочка. Вот она остановилась возле одного из домов и звонко окликнула:

— Мирза!

Дверь тотчас отворилась, словно там, в доме, давно ждали этого зова, и к девочке вышел мальчик тех же лет, что и она. Он взял из ее рук сумку, и они продолжали путь вместе.

— Ну что тебе за охота каждое утро носить мою сумку, Мирза? — спросила девочка.

— Знаешь, Сахибан, я, кажется, весь день вот так шел бы и шел с тобой и нес твою сумку... А учиться мне вовсе не хочется, — признался мальчик.

— Но ведь учиться надо! Знаешь, какую я сейчас книгу читаю... Ты только постарайся и увидишь, как это интересно! — горячо проговорила девочка, и ее тоненькая рука обвилась вокруг стана друга.

— Душа моя, Сахибан! Если тебе и вправду хочется, чтобы я учился, я буду. Но наш маулви¹ так непонятно учит... — и мальчик умолк, затаив дыхание, мысленно пересчитывая нежные пальчики, прикасающиеся к его боку.

Так, болтая о своих ребячьих делах, шли они по направлению к мечети. Обоим им было лет по одиннадцать-двенадцать, но девочка выглядела взрослее и смышленнее мальчика.

¹ Маули — учитель в мусульманской школе.

Возле мечети девочка отобрала у друга свою сумку и вместе с ним вошла во двор. Мгновенно к Сахибан подбежали еще два мальчюка.

— Сегодня моя очередь! — заявил один из них, ухватившись за сумку девочки. — Хамидиа позавчера весь день сидел рядом с тобой!

— Врешь, Маннха! Это еще когда было! Сахибан, скажи ему, что он говорит неправду!

Сахибан отняла у спорщиков сумку.

— Вы, видно, оба забыли мое условие, — с улыбкой проговорила она.

— Какое условие? — в один голос спросили мальчюки.

— Я вам говорила, что с теми, кто любит спорить, сидеть не буду.

Мальчюки вздохнули и опустили головы.

— Ну хорошо, завтра со мной будет сидеть Маннха, — смилостивилась Сахибан. — А послезавтра — Хамидиа.

— А сегодня?!

— Сегодня я сижу с Мирзой. Он никогда с вами не спорит.

— Несправедливо! Мирза каждый день провожает тебя до мечети!

Но тут во дворе показался маулви, и дети побежали в школу.

— Что, Сахибан? Эти сорванцы тебя не слушаются? — спросил маулви, вешая на крюк свою длинную трость.

— Нет, джи, они хорошие мальчюки и всегда делают так, как я им скажу. Только все ссорятся из-за того, кому со мной сидеть.

Маулви уселся на возвышение. Это был плотный человек в белой домотканой куртке и голубом тахимаде. Из-под белого тюрбана падали на плечи длинные пряди черных волос, которые маулви то и дело отбрасывал назад. У него была солидная бородка и спокойный благочестивый лоб. С первого взгляда в нем можно было угадать не ученого и мудреца, а именно учителя.

— Откройте книжки и читайте по очереди то, что я велел вам выучить, — приказал маулви.

Сахибан вынула из сумки две книги: одну, толстую, отложила в сторону, другую, что потоньше, от-

крыла на нужном месте и приготовилась читать. Внимание маулви привлекла толстая книга.

— Что у тебя за книга, Сахибан?

— «Тысяча и одна ночь», джи. Очень интересная книжка! Думала, а вдруг вы не придете, тогда я читаю...

Маулви перелистал книжку и с удивлением спросил:

— Ты разобрала все слова?

— Некоторых слов я не знаю, но в общем почти все понятно...

Возвращая девочке книгу, маулви взглянул на ее соседа. Мирза сидел, равнодушно уставившись в какую-то точку на стене.

— Сахибан, дитя мое, почитай нам, чтобы друг твой хоть немного оживился. Посмотри-ка, ведь он нем и недвижим, будто камень. А стоит ему выйти из мечети — и откуда только прыть берется!

— Джи, мы с ним сегодня говорили... Он обещал, что будет стараться...

— Послушай, Мирза! Если ты и впредь будешь на уроках считать ворон, я напишу твоему отцу, — пусть забирает тебя в Данабад, — пригрозил маулви.

— Подождите еще недельку, маулви-джи! — умоляюще проговорила Сахибан. — Увидите, все переменится! Я буду ходить к тетушке Бибо и помогать Мирзе... Вы не думайте, он очень умный, только... только еще не распробовал, что такое учение.

Мирза с благодарностью посмотрел на свою заступницу, но, заметив взгляд маулви, потупился.

— Ну что ж, давайте подождем, — согласился маулви. — Имей в виду, Мирза, с завтрашнего дня я каждый день буду проверять твои успехи.

После занятий Сахибан вместе с Мирзой пришла к тетушке Бибо и рассказала ей об угрозе маулви.

— Ах, какая беда! — огорчилась Бибо. — Если маулви напишет братцу-старосте, тот подумает, что я плохо за тобой смотрю, мигом примчится и заберет тебя... Как я тогда буду глядеть в глаза твоим родителям?

Бибо приходилась теткой Мирзе и Сахибан: племянник был сыном сестры, племянница — дочерью брата. Своих детей у Бибо не было, и она упростила

мужа сестры отдать ей на воспитание Мирзу, тем более что маульви их деревни славился как хороший учитель.

— Нам ведь с Мирзой недолго учиться вместе, — сказала девочка. — Мама давно говорит, что я уже большая и нечего мне ходить в мечеть. Если бы не Мирза, с которым мы вместе ходим, она бы меня из дому не выпустила.

Мирза нахмурил брови и задумался.

Тетушка Бибо с жаром проговорила:

— Ты оживил мой пустой дом, сынок, согрел его холодные стены! Прошу тебя, ради моей к тебе любви прошу: учись хорошо! Пусть моя сестра увидит, как я выполнила то, что взяла на себя!

Мирза поднял глаза на тетущку Бибо. Как видно, слова ее проникли в сердце мальчика.

— Я буду учиться, тетущка! — пообещал он. — Сахибан и ты, вы обе мне поможете... Я буду учиться...

Обещание ребенка, душу которого всколыхнули нежность и любовь, подчас бывает куда более твердым, чем обязательство взрослого человека. Мирза выполнял свое обещание так, что не только тетущка и Сахибан — сам учитель глазам и ушам своим не верил. То, что мальчик одолел сейчас за какой-нибудь месяц, прежде не укладывалось у него в голове в течение целого года. В школе маульви то и дело хвалил его.

Раньше день нес Мирзе только одну радость: идти с Сахибан по улице. В мечеть, из мечети... Теперь счастливым был весь день: тетущка ласкала и лелеяла, маульви не мог им нахвалиться, Сахибан сияла, глядя на его успехи... Ежедневно заглядывала она в дом Бибо, задавала своему другу уроки, и когда он учил их, ему казалось, что рядом сидит Сахибан.

К тому времени Мирзе пошел тринадцатый год, и перед ним вдруг зазеленел пышный сад мечтаний и надежд... От этого сада веяло свежим и сладким ароматом юности, заставлявшим сжиматься сердце мальчика. Стоило только звякнуть неподалеку колокольчикам ножных браслетов Сахибан — а Мирза уже смотрел на дверь. Едва лишь взглянет на него с улыбкой милая подружка — и урок сам льется из уст.

Прежде он грезил о длинной-предлинной улице, по которой он сможет идти рядом с Сахибан, нести ее

сумку и пересчитывать нежные пальчики обвившейся вокруг его стана руки... Мечеть где-то впереди, ее не видно, и они все идут и идут... Теперь он видел другие сны. Сахибан учит его. Они прочли уже все книги, какие есть на земле, осталась одна — последняя. Сахибан берет эту книгу, смотрит на него блестящими глазами и, взяв за руку, говорит:

— Чему еще я могу научить тебя, Мирза? Ведь ты взял у меня все, чем я сама владела...

Страница за страницей, глава за главой вливается в душу мудрость книги, стекая с кончиков пальцев Сахибан. И тут наступает пробуждение...

В сравнении с этим сном явь казалась унылой, тусклой, и мальчик опять закрывал глаза.

— Ах, Мирза, ты еще не насытился учением? Снова пришел читать? — лукаво спрашивает девочка.

— Нет, радость моя, на этот раз я пришел не за тем. Моей душе снится скакун, который умчит нас с тобой под облака. Я привел такого скакуна, Сахибан. Садись позади меня.

И он взвивался вместе с подругой высоко-высоко, в синее бескрайнее небо...

Для Сахибан и Мирзы этот год был полон чудес. Радости дня к вечеру обращались в лучистые звезды и мерцали в удивительных снах; земля и небо переливались причудливыми красками, словно удивительные перламутровые раковины: двое детей — он и она, его рука — на ее плече, ее рука обвилась вокруг его стана — торжественно вступали в волшебный сад молодости.

До Бинджала Кхарана, отца Мирзы, дошли слухи об успехах сына. Приехав как-то в деревню счалов, он диву дался при виде выросшего и возмужавшего Мирзы. «Ладный молодец из него выйдет! — подумал почтенный староста. — Пора обучить его наукам, которыми подобает владеть мужчине. Надо, чтобы в стрельбе из лука и в верховой езде никто не мог сравниться с моим Мирзой, чтобы сын мой смеясь мог расправиться с десятком врагов. Тогда уж никто не посмеет наступить ему на ногу!»

О своем намерении староста объявил тетушке Бибо. Та заикнулась было, что мальчику полезно бы еще год поучиться у маулви. Но Бинджал Кхаран покачал головой.

— Зачем? — спросил он. — Чтобы из мальчишки вышел книжный червь? Школьную премудрость мой сын одолел, теперь пусть овладеет искусством, подобающим воину и мужу. «У кого земля, у того и враги», — знаешь ли ты эту истину, Бибо? Мирза уже достиг порога юности. Пора ему стать славным рубакой, стрелком и наездником.

Итак, Мирзу увозили в Данабад. Сахибан уговорила дядю Бинджала, чтобы тот разрешил сыну провести последние два дня в доме ее отца, и хотя почтенного старосту ожидало немало дел в родной деревне, он не смог отказать племяннице. Он сдался так же, как сдавалась обычно тетушка Бибо, никогда не умевшая противиться желаниям девочки.

— Ах, Сахибан, Сахибан! Ну и ловка же ты упрямивать... — вздыхала подчас добрая женщина. — Слова твои обнимают, слова твои ласкают...

Нет, не одни слова Сахибан имели такую власть: ласкали и убеждали полные мягкого огня глаза девочки. Когда она обращалась к кому-нибудь с просьбой, глаза ее расцветали, подобно пышным весенним цветам, и в них трепетной бабочкой билась легкрылая жизнь.

Эти последние два дня друзья не разлучались ни на мгновение.

— Сахибан, прочти мне свою любимую сказку! — попросил мальчик.

Подружка его взяла книгу, перелистала, и ясным, чистым голосом прочла историю принцессы «Зеницы Любви». Мирза слушал, не шелохнувшись, не спуская с нее глаз.

— Ты так читаешь, Сахибан, будто эта сказка о тебе самой... — еле слышно сказал он, когда девочка закрыла книгу.

Сахибан коснулась пальцами его губ.

— Ах, Мирза, ты единственный в мире! — проговорила она так, словно вдруг отошла от снов отрочества и разбуженная прикосновением любви превратилась из девочки в девушку.

— Почитай еще, Сахибан! — попросил Мирза.

Одну за другой прочла она четыре сказки. И кто знает, что в это время было у нее на сердце... Потом оставила книгу и, положив руку на плечо Мирзы, спросила:

— Ты будешь вспоминать меня, Мирза?

Бывает так, что внезапно откроют дверь, в темную комнату ворвется сияние полной луны, и душа вдруг онемевает от восторга. Так онемел Мирза, сраженный вопросом подруги.

— Ну что же, Мирза? — повторила Сахибан. — Ты меня забудешь?

О милое женское лукавство! Разве не знала Сахибан, какой ответ готов был сорваться с уст ее друга? И все же спрашивала, притворялась незнающей.

— Как могу я тебя забыть, Сахибан! — одолев наконец волнение, проговорил мальчик.

Сахибан глядела на его губы — они трепетали, перевела взгляд на глаза — в них застыла непролившаяся влага. Еще мгновение — и друг ее скажет, чего еще никогда, никому не говорил... Сахибан вдруг испугалась и задала первый пришедший в голову вопрос:

— А что ты запомнишь лучше всего? — обе руки ее легли на его руку.

— Что запомню?.. Твою руку вокруг моего стана... Нет, нет! Как ты меня учила... Нет, и по это... Как ты спрашивала, что мне приснилось... и твое лицо, когда я рассказывал... Ох, я и сам не скажу, что запомню лучше... Одно знаю твердо: тебя я никогда не забуду!

Наутро, чуть свет, Бинджал Кхаран выпил чашку молочной сыворотки и взгромоздился на коня. Мирза вырвался из объятий горько плачущей тетушки Бибо.

— Вот... На память... — сказал он, протягивая Сахибан красивый, остро отточенный нож — предмет зависти всех учеников досточтимого маульви.

— Что ты там копаешься? Живее садись! — прикрикнул на мальчика Бинджал Кхаран.

Как ни медлил Мирза с отъездом, но время все-таки пришло, когда он очутился рядом с отцом, позади седла. Староста замолотил пятками по лошадиным бокам. Мальчик все глядел назад, туда, где остались тетушка Бибо и Сахибан, пока отец не заметил:

— Что ты наваливаешься на меня? Сиди прямо!

Сразу же по возвращении в Данабад Бинджал Кхаран собрал у себя в доме самых прославленных наставников, посулил им большую награду, нескончаемые милости и отдал им на попечение сына.

— Помните, я лишь тогда признаю ваши заслуги, когда мой Мирза превзойдет в искусстве стрельбы из лука всех юношей нашей округи, когда не сыщется равного ему наездника! — предупредил почтенный староста.

— Да будет на то воля всевышнего! — хором протянули наставники.

Они ощупали руки и ноги юноши, один из учителей сошелся с Мирзой врукопашную.

— О хан! В руках твоего сына скрыта невиданная сила! — заверил он старосту.

Для верховой езды отец предоставил Мирзе молодую кобылку по кличке Бакки. Собственно, настоящее имя ее было Арабская принцесса. Это маленькая сестренка Мирзы, не умевшая выговорить столь трудного имени, прозвала ее Бакки. Животное было на редкость ладное: невысокое, стройное, с широким лбом, огромными прекрасными глазами и тонкими, круто вырезанными ноздрями; грудь у Бакки была крепкая, спина небольшая, ноги сильные. Мчалась она быстрее ветра. А уж умна была! Не всякому наезднику удавалось обуздать ее. А вот Мирзу она признала с первого взгляда. С тех пор вся деревня стала звать кобылку «Бакки Мирзы», один лишь староста продолжал величать ее по-прежнему — Арабская принцесса.

Наставник, обучавший стрельбе из лука, до небес превозносил Мирзу.

— Еще и года не прошло, как он впервые натянул тетиву, и такие успехи! И это в юном, почти нежном возрасте! Ручаюсь, года через четыре он не глядя сумеет поразить любую цель.

Шло время. Люди уже слагали легенды о Мирзе и его Бакки. В окрестных деревнях девушки распевали песни о юноше. У парней загорались глаза при виде легкой иноходи Бакки.

Лошадь у Мирзы была и в самом деле будто из сказки. Он грезил о том дне, когда посадит на эту лошадь сказочную принцессу — свою маленькую рани, ту самую, которая при расставании подарила ему книжку сказок — «Тысяча и одна ночь». Случалось, что наставники его уставали от занятий или запаздывали, а то и просто ленились. Тогда, уловив свободный часок, Мирза возвращался к прекрасным вымыслам, которыми некогда упивался вместе с Сахибан, становился красивым принцем, обладателем сердца возлюбленной рани, и верная Бакки уносила его в страну грез.

Заветной мечтой Мирзы было побывать в деревне сиалов. Но какое там! Наставники из кожи вон лезли: каждый стремился, чтобы именно в его роде искусства Мирза как можно раньше возобладал над сверстниками. Бинджал-хан был знатоком человеческих душ, он ловко разжег огонь соперничества между наставниками, и они не давали своему ученику ни дня передышки.

И вот деревня сиалов, до которой Бакки добежала бы за один переход, оказалась недоступной для юноши. Однако душа его осталась там, рядом с милой рани его грез.

До него доходили слухи, что деревню сиалов захлестнуло половодье красоты: высокая тоненькая девочка стала чудом женственности, в кудрях ее свило гнездо колдовство, в очах, подобных летней ночи, зажглись звезды, губы расцвели, а гибкий стан уподобился прихотливому горному потоку. Вся она трепетала восторгом весеннего расцвета, в голосе звенел напев однострунного ситара, милая речь ее отзывалась в сердцах мужчин, рождая в них скрытое желание.

Сахибан стала взрослой девушкой, и мирная равнина ее жизни превратилась в сверкающий, беспрепятственно зыбящийся океан.

Редко выдавался день, когда она не забегала к тетушке Бибо поговорить о Мирзе. Та частенько навещалась в Данабад, поэтому новостей у нее всегда было хоть отбавляй.

Едва лишь речь заходила о племяннике, тетушка Бибо принималась расхваливать его на все лады:

— Какой он стал красавец! Какой ловкий, какой храбрый!

У девушки голова шла кругом.

— Тетушка, милая тетушка! Неужели он так и не навестит нас?! — не раз спрашивала она.

— Да он не чаёт, когда сможет к нам вырваться! — заверяла ее тетка. — Только братец-староста наш будто помешался: задумал он сделать из сына первого наездника, первого стрелка да рубаку. Вот наставники и не отпускают от себя нашего красавца.

— Тетушка, а Мирза не забыл свою первую наставницу?

— Как же ему забыть тебя? Он сам показал мне книгу, которую ты ему подарила, каждый день он выкраивает часок, чтобы почитать... Так и сказал: передай Сахибан, что я ее помню...

Долгими бессонными ночами Сахибан думала о своем друге. Каков-то он теперь? Сможет ли она обнять его, как когда-то? Ляжет ли его рука на ее плечо?

— Мирзиа, приезжай к нам! Покажись мне хоть разок! — шептала девушка. — Посмотри на меня, Мирзиа! Такая ли я теперь, какой была прежде?

Потом глаза слипались, приезжал Мирза на своем коне, сажал Сахибан позади себя, и они уносились далеко-далеко...

Родные начали поговаривать о том, что Сахибан пора подыскивать жениха. Бибо горой стояла за своего любимца — Мирзу.

— Другого такого юноши днем с огнем не сыщешь! — уверяла она свою невестку — мать Сахибан.

Та зайкнулась было мужу, что неплохо бы выдать дочь за племянника. Но Кхива-хан недаром стяжал славу человека хитрого и расчетливого.

— Простая ты душа, матушка! — усмехнулся он. — У нас не десять дочерей, а одна. Только через нее мы и сможем породниться с сильными людьми. А дом Бинджала и так наш дом, тут нам искать нечего.

— Так что же ты медлишь? — удивилась жена. — Сахибан в самой поре, надо засылать сватов.

— Я подумываю о семье Чандаров: и по достатку они нам ровня, и род властный, сильный. Сын у них подрос — Тахар... Если породнимся, вся округа будет в наших руках.

Узнав о намерении отца, Сахибан расплакалась. В слезах прибежала она к тетушке Бибо. Та принялась утешать ее, обещала уговорить отца. Но Кхива-хан слышать не хотел ни о ком, кроме Чандаров.

— Тетушка! Родная! Поезжай в Данабад, передай Мирзе, что меня хотят выдать за другого! — молила Сахибан. — Пойди к отцу! Неужто он тебя не послушает!

Бибо поспешила в Данабад, и рассказала обо всем сестре и зятю. Однако Бинджал был человеком заносчивым и крутым.

— Пусть Кхива на своей шкуре испытает, что такое Чандары! — заявил он. — Ноги моей не будет в его доме!

Только после этого тетушка Бибо поведала Мирзе, какая беда нависла над ним и Сахибан. Она посоветовала племяннику самому отправиться к отцу девушки и просить ее руки.

— Только торопись, мой красавец! Цирюльник уже отправился к Чандарам, а Сахибан, бедняжка, совсем извелась, не ест, не пьет от горя...

Стрелы и луки, мечи и конские состязания — все словно ветром выдуло из головы Мирзы. Он вскочил на свою Баки и помчался в деревню счалов.

Говорят: одно дело — услышать, другое дело — увидеть. Казалось, даже стены домов счалов зашатались, признав в богатырском всаднике прежнего озорника — Мирзу. Девушки побросали свои дела и уставились на красавца-наездника. Сверстники радостно приветствовали его. Маулви, к которому по дороге заглянул юноша, подумал, что в деревню приехал новый начальник, и почтительно поднялся ему навстречу.

— Я Мирза, ваш бестолковый ученик, — сказал юноша.

— О Аллах! Славу Аллаху! Ты ли это, мой мальчик?! — воскликнул маулви, обнимая Мирзу.

И деду своему — отцу матери — Мирза пришелся по нраву. Бабушка и тетка — мать Сахибан — обняли и расцеловали юношу. Сахибан же словно окаменела. Сколько раз, грезя о Мирзе, представляла она их первую встречу. И вот он стоит перед ней, а руки не поднимаются, чтобы обнять любимого, губы не раскрываются... Она боится шелохнуться, спугнуть свою мечту, вдруг ставшую явью. Мирза глядит на девушку не от-

рываая глаз. Ему хочется положить руку ей на плечо,— прежде он так свободно это делал,— коснуться ее руки... Но плечо не то. И рука не та, что когда-то обвивалась вокруг его стана...

— Сахибан...— только и мог выговорить он.

— Мирза...— только и могла прошептать она в ответ.

Родственники усадили гостя и стали расспрашивать о здоровье близких. Это с Сахибан Мирза терял мужество, с другими же разговаривал бойко. Улучив момент, он завел беседу с дедом. Дед не советовал ему говорить с Кхивой-ханом.

— Почему? — удивился Мирза.— Мое право на Сахибан бесспорно. Я — ваш внук, в детстве играл с Сахибан, вместе с ней учился. Несправедливо отдавать ее в чужую семью!

Кхива-хан выслушал племянника, и ему даже понравилась горячность, с которой тот отстаивал свои права. Но цирюльник уже вел переговоры с Чандарами, и не в характере Кхивы-хана было отказываться от раз принятого решения.

— Послушай меня, сынок! — сказал он.— Ты мне по душе. Если бы у Сахибан была сестра, я не стал бы тебе перечить. Но у меня свой расчет: породниться с Чандарами, чтобы никто и взгляда косога не смел кинуть на нашу тень! А вы — что ж, вы люди свои...

Юноша пылко доказывал, что и сейчас никто не кинет на их тень косога взгляда, что он, Мирза, единственный сын у своего отца, что он любит Сахибан всю жизнь...

Кхива-хан дивился про себя настойчивости и твердости племянника, однако не забывал, что у Чандаров семь сыновей и каждый из них не уступит в мужестве льву.

— Мне жаль, что приходится разбивать твоё сердце, мальчик, да дело с Чандарами уже слажено. Не хочу прослыть бесчестным.— Такими словами закончил беседу с племянником упрямый Кхива-хан.

Мирза бросился к тетушке Бибо и стал молить ее, чтобы та привела Сахибан. Это было нетрудно: родичи относились к Бибо с большим уважением. Бездетная тетушка много лет занималась тем, что обучала всевозможным работам чужих малышей, и потому слыла женщиной умной и почтенной. Здесь Мирза прожил не-

сколько лет. Каждое утро, бывало, поглядывал он на дорогу — не идет ли Сахибан, а завидев ее, прятался, ожидая, пока милый голосок окликнет: «Мирзиа!»

И вот прошли годы, и в этом же самом доме он снова дожидался Сахибан, но разве это ожидание было похоже на прежнее? Тогда лишь глаза его ждали подругу, теперь же весь он рвался навстречу девушке.

— Иди же скорей, Сахибан! — шептал он. — Раньше ты была выше меня, теперь ты мне лишь по плечо. Приди, и я приму тебя, спрячу в своем сердце!

И Сахибан пришла. В этот раз на ногах ее не было браслетов с колокольчиками, но Мирзе казалось, что от шагов ее все вдруг зазвенело. Он взглянул на девушку и понял: для нее, как и для него, все решено.

Вот Сахибан подошла к нему. Легкая, будто пустая, рука ее обвилась вокруг его стана. Рука Мирзы, еле касаясь, легла на ее плечо... В руках их билась жаркая, как юная кровь, жажда прикосновения, и оба были смущены этим необоримым желанием.

Они стояли рядом, не спуская друг с друга глаз! Как Сахибан смотрела! Мирза и раньше ловил на себе нежные взоры девушек: ведь он был видным юношей, и многие деревенские красавицы по нем вздыхали. Но разве хоть одна из них глядела так, как Сахибан? Разве был в их глазах этот удивительный трепет? Птица души Сахибан притаилась в ветвях ее длинных ресниц, готовая вот-вот перепорхнуть в нишу милого ей сердца, чтобы навсегда там угнездиться... Мгновение — и вот юноша уже завладел птицей... В этом единении душ был предельный покой, в плене рук — высшая свобода.

Когда руки опустились, глаза уже глядели светло и доверчиво, тревога отчужденности ушла. Встреча связала две человеческие судьбы в тугой узел.

— Что с нами будет, Мирза? — спросила Сахибан.

— Самое страшное уже позади, любимая, — в словах Мирзы звучала спокойная уверенность.

— Так ли это, милый!

— Теперь, когда я знаю, что ты моя, клянусь, нас никто не разлучит. Не родился еще такой человек, который мог бы это сделать!

— Говорят, в доме Чандаров целое войско сыновей?!

— А в этих руках — сила, способная победить войско! — сказал Мирза, кладя руки на плечи девушки.

Сахибан побледнела.

— А мои братья? Дай слово, что ты не тронешь их!

— Твои братья — мои братья, Сахибан. Не бойся: когда при мне Бакки и мой меткий лук, ни один противник не посмеет напасть на меня. Но может быть, ты боишься позора, страшишься гнева родителей?.. — и руки Мирзы соскользнули с плеч девушки.

— Они сами навлекли на свои головы этот позор! — сказала Сахибан. — Я хочу лишь одного: чтобы дерево, которое дало мне жизнь, вспоило меня своими соками, — чтобы это дерево не сломал ураган.

— Не тревожься, моя милая! Постарайся только вовремя подать мне весть — я и Бакки примчимся по первому твоему зову.

Сахибан бросилась на шею тетушке Бибо.

— Ничего, ничего, доченька! — успокаивала ее добрая женщина. — Ты права: твой дом — это дом Мирзы. Я с вами, что бы ни случилось. Ваша радость — мое счастье, ваша печаль — моя беда.

— Вся наша надежда на тебя, тетушка! — сказал Мирза. — Не отходи от Сахибан. Едва лишь почувешь опасность — посылай за мной!

Мирза говорил так уверенно, во взоре его было столько мужества, что сердца женщин исполнились радостной надежды.

И снова Мирза глядел и глядел назад, туда, где осталась его возлюбленная Сахибан. Когда деревня счалов скрылась из виду, Бакки, шедшая до того медленным шагом, припустилась во весь опор. Пыль нависла над дорогой плотным облаком, которое венчали лишь головы всадника и его коня.

Встреча с Мирзой перевернула всю жизнь Сахибан. Души их лишь на мгновение соприкоснулись — и вот уже робкое желание превратилось в неодолимое стремление, в решительность... Как-то во сне девушке привиделась красавица Хир. Некогда счалы вмешались в судьбу гордой Хир, попытались сломить ее волю, отнять

у нее любовь, а отняли... жизнь. Похоронили Хир неподалеку от деревни. Многие паломники навещали место ее успокоения, не одна девушка находила на могиле несчастной душевное исцеление. Только силы никогда там не бывали.

Сахибан проснулась в серый предутренний час и, никем не замеченная, прокралась к священной могиле. Склонившись до земли, стала она молить Хир — эту рани любви, чтобы та взяла под свою защиту Мирзу.

Весь день Сахибан ликовала: казалось, она ощущала нежные объятия Хир. Легко и незаметно выполняла девушка домашние работы. Душа ее звенела и смеялась. Так было с утра. А вечером грянула беда: в деревню вернулся сват — цирюльник.

— Чандары ног под собой не чуют от радости! — возвестил он. — Такую свадьбу затевают, весь мир поминать будет!

И деревня силлов начала готовиться к торжественному событию.

Мирза как в воду канул. Тетушка Бибо ждала-ждала, да и отправилась сама к племяннику. Тот сказал:

— Знаю, все знаю. Пусть Сахибан не тревожится.

Сахибан ходила ни жива ни мертва, считала дни, оставшиеся до прибытия свадебного поезда. Пятнадцать дней... Неделя... Три дня... Два... И наконец — завтра!

И вот пышный свадебный поезд остановился возле дома Кхивы-хана. Грянула музыка, полились песни. Вся деревня пустилась в пляс! Только Сахибан и тетушка Бибо, каждая у себя, изнывали от страха. Обе до тех пор глядели на дорогу, пока слезы не застлали им глаза, пока ранние зимние сумерки не окутали всю округу.

Вечером какой-то человек, укутанный с головой в одеяло, привязывал коня на конюшне Бибо. Конечно, это приехал Мирза. Тетушка обрадовалась, зазвала племянника в дом.

— Что ты задумал? — спросила она.

— Скажи Сахибан, пусть приготовится и с первым криком петуха выйдет из дому. Я и Бакки будем ждать ее. Вся деревня уснет, никто не приметит, как мы уедем.

А бедняжка Сахибан совсем истомилась.

— Если Мирза не придет завтра, свадебный паланкин станет моим смертным ложем... — рыдая, шептала она. — Без Мирзы нет мне жизни, а с ним — и в темнице рай... — Сердце девушки разрывалось от горя. — Ох, Мирза! Где ты, Мирза? Нет Мирзы...

И Сахибан стала думать, каким образом она наложит на себя руки.

Тут-то и явилась к ней тетушка Бибо. Обняв девушку, она шепнула ей лишь два слова — и куда девались мысли о смерти! Жизнь снова засияла радостью и надеждой.

К полуночи, когда луна поднялась на самый верх небосвода, люди, оглушенные грохотом барабанов, веселыми песнями, звонкими кликами, полумертвые от игр и плясок, свалились с ног. Деревня спала непробудным сном. Одна лишь Сахибан одетая сидела на постели и тревожно вслушивалась в каждый шорох.

Цок-цок-цок... Все ближе, ближе... Сахибан уже на ногах. Вокруг все спят. Девушка в последний раз глядит в милые лица близких... «Впервые покидаю я этот дом такая чужая...» — вздыхает она. Миновав двор, она выскальзывает на улицу и прижимается к стене. Через мгновение перед ней вырастает всадник. Он освобождает стремя, протягивает девушке руку — и вот Сахибан уже на крупе коня. Полная любви и благодарности, она приникает сзади к возлюбленному, обхватывает его руками. Всадник опускает голову, целует эти нежные руки. Бакки срывается с места и мчится во весь опор. Мечты Мирзы и Сахибан начинают сбываться.

— Не бойся, любимая, я не причину беды твоим братьям! — сказал юноша, вспомнив обещание, данное возлюбленной. «Однако если они вздумают нас преследовать, схватки не избежать...» Подумав так, Мирза свернул с дороги, ведущей к Данабаду, и пустил коня лугом. — Радость моя! К утру мы умчимся далеко от моего и твоего дома. На пути нам встретится дивный сад — к нему, как и к тебе, постоянно обращались мечты мои. Там, в этом саду, я загляну в твои глаза, прочту в них мою новую судьбу...

— Что ты говоришь, Мирзиа! — испуганно возразила Сахибан. — Как раз в том направлении, куда ты сейчас едешь, пасутся наши стада. Их сторожит догар² Фироз — очень нехороший человек.

— Пустяки! — засмеялся Мирза. — Мне не страшны никакие догары!

Как и опасалась Сахибан, на пастбище они действительно повстречали Фироза. Догар стал поносить Мирзу, угрожать ему.

— Эй, не суйся в чужие дела, Фироз! — прикрикнул на него Мирза. — Того, в чьих руках играют стрелы, все равно не остановишь. Этот гашиш слишком дорог для тебя — смотри, как бы не поплатиться за него жизнью!

Но догар не унимался. Мирза в гневе схватился за меч. Если бы не Сахибан, удержавшая его руку, плохо бы пришлось догару, этому злему репью.

— Пощади его, Мирзиа! — шепнула Сахибан. — Пусть ночь нашей встречи будет чиста. Я не хочу, чтобы ее обагрила кровь!

— Если оставить его в живых, он донесет на нас сисалам, и твои братья, вместо того чтобы ехать в Данабад, пустятся по нашему следу. Тогда конец нашим мечтам...

— Пока они узнают, куда мы направились, нам удастся скрыться, — заверила его подруга.

— Прочь с дороги! — крикнул Мирза догару, и Бакки рванулась вперед.

Лишь на рассвете добрались они до цветущего сада, в который так стремился Мирза. Юноша спрыгнул на землю, помог сойти Сахибан и привязал Бакки к стволу джанда, привольно раскинувшего шатер своих ветвей на краю небольшой рощицы.

Наконец настал миг бесконечного покоя. Руки переплелись, уста слились в поцелуе, а взор одного погрузился в самую глубину взора другого... Наконец возлюбленные были одни и существовали только друг для друга. Вот они опустились в цветущую траву. Неподалеку на дереве залилась звонкой песней какая-то птица.

² Догар — одна из этнических групп Пенджаба.

— Она славит наше счастье, моя Сахибан! — сказал Мирза.

Но девушка уже стряхнула с себя блаженную дрему. Душа заняла от тревоги: «Конечно, догар успел сообщить в деревню, что встретил нас. Братья, верно, уже мчатся сюда...»

— Для чего мы мешкаем, Мирза? Едем домой... — торопила она.

— Не спеши, любовь моя! Все равно нам не миновать тех бед, которые нас ждут. Прежде чем эти беды завладеют нами, я хочу слиться с тобой, заключить тебя в свое сердце, утолить жажду истомленных разлукой губ, увидеть звезды надежды в ночи твоих кудрей... Только на час, на единый час позабудь все, о Сахибан, свет души моей!

Страстные речи возлюбленного увлекли девушку к чистому, безоблачному небу любви. Она распахнула объятия. В светлых волнах счастья утонули тревоги будничной жизни.

Две последние ночи Мирза не смыкал глаз, сердце и мозг его изныли в тревоге. Наконец наступил долгожданный миг: сердечный друг был возле сердца, пустота, томившая его все эти годы, заполнилась, тяжелые цепи, сковывавшие душу, распались.

— Сахибан! За счастье, которое подарила нам эта ночь, я готов заплатить своей жизнью. Теперь меня ничто не пугает. Позволь, я положу голову тебе на колени и еще раз погляжу в твои глаза.

Голова Мирзы покоилась на коленях Сахибан, рука обнимала ее шею. То и дело он тянулся к устам возлюбленной. Этот безудержный поток нежности расслабил усталое тело. Юноша заснул. Сахибан сидела и, еле дыша, вглядывалась в милые черты. Вот он, тот миг, который грезился ей долгими темными ночами... Лицо Мирзы осветилось улыбкой. Сахибан тихонько наклонилась и поцеловала любимого. Заметила, что лук и колчан мешают ему, и сняла их.

Тут ей снова подумалось о неминуемой погоне. В кустах неподалеку послышался порох, Сахибан испугалась, хотела было разбудить Мирзу. «Догар, должно быть, уже побывал в деревне и навел на наш след погоню...» — подумала она. Но тут вновь наступила тишина.

Сахибан пересчитала стрелы в колчане — их было двенадцать. Провела ладонью по луку — этому безжалостному пособнику смерти — и вспомнила о своих братьях. Сердце замерло от страха. Мирза — славный стрелок, он не промахнется. Да, но он обещал пощадить их... А если они примчатся сюда и первые начнут стрелять, разве он сможет сдержать гнев?

— Проснись, любимый! Нам надо бежать...

Мирза, убаюканный сладкими грезами, не открывая глаз, спросил:

— Кто-нибудь едет?..

— Нет еще...

И он снова заснул.

Но братья были уже недалеко, любящее сердце Сахибан чуяло их приближение. Мысль, что они погибнут, ужаснула ее.

Осторожно опустив голову возлюбленного на землю, девушка встала, повесила колчан со стрелами на дерево и вернулась на прежнее место. «А что, если они убьют Мирзу?!» Это предположение впервые пришло ей в голову. Она помертвела от страха... «Нет, я не позволю! Я встану между ними, я заслоню Мирзу от мечей! Раз я не хочу гибели братьев, то и они не смогут поднять на меня руку».

Немного успокоенная этими доводами, девушка склонилась над спящим, нежно откинула с его лица разметавшиеся волосы, поцеловала высокий лоб...

Вдруг совсем близко раздался конский топот. Сахибан подняла голову. Вот они! Впереди младший брат — любимец и баловень всей семьи.

— Вставай, мой любимый! Надо бежать! Скорее отвязывай Бакки!

Мирза вскочил.

— Колчан! Сахибан, куда девался мой колчан? Я не стану никого убивать, но только вой стрел может отвлечь от нас беду! Где мой колчан?!

— Прости меня, любимый! Тревога за жизнь братьев заставила меня потерять жалость к тебе... Твой колчан далеко, да он и ни к чему тебе. Скорее садись на Бакки и беги. Ты еще можешь спастись!

— Нет, моя Сахибан, один я не побегу, — и Мирза вынул из-под седла меч. — Теперь перевес на их стороне — я один против многих. Прости, если я пролью

кровь твоих родичей, но смерть я могу принять лишь в бою.

Сахибан обняла Мирзу, всем телом прижалась к нему. Юноша отстранил ее:

— Не надо, моя любимая! Все равно твои братья оторвут тебя от меня, и уж тогда мне не избежать их мечей. Лучше отойди и не мешай мне принять мою судьбу.

Мирза обнажил меч.

Тотчас впереди блеснула сталь семи мечей. Семь человек, только что спешившихся, устремились навстречу Мирзе. Сахибан метнулась вперед и преградила им путь.

— Стойте, герои! — воскликнула она. — Ни я, ни Мирза, уже не уйдем от вас. Не торопитесь же и выслушайте меня!

— Мы не хотим ничего знать! — слышалось в ответ. — Мы окружили вора, ограбившего наш дом, и сейчас с ним разделаемся!

Человека, произнесшего эти слова, Сахибан видела впервые. Это был Тахар Чандар. Если бы не бегство, сегодня она стала бы его женой.

— Братья мои, — сказала Сахибан, — я обращаюсь к вам! К вам, ради верности которым я предала моего Мирзу.

— О какой это верности ты болтаешь?! — возмутился младший брат.

— Один лишь раз в жизни я была верна своему сердцу, не подчинилась чужой воле. Но оставим это. Если бы я не спрятала колчан Мирзы, многие из вас сейчас не стояли бы, а лежали. В благодарность за это прошу вас, выслушайте меня!

— Мы не будем тебя слушать! — истушленно закричал Тахар.

— Я говорю не с тобой, а с моими братьями, — отвечала Сахибан, с презрением глядя на того, кто силой хотел взять ее в жены.

— Мы слушаем тебя, Сахибан. Говори, — сказал старший брат.

— Чтобы мы выпустили его живым! Этого вора! — завопил Тахар, замахиваясь мечом на Мирзу.

Меч скользнул мимо, не задев Мирзы, но тот уже не мог сдержаться и, как лев, ринулся на врага.

— Вспомни, Сахибан! Этого человека я не обещал щадить! — крикнул он.

Будто стрела молнии сверкнула в глазах братьев Сахибан, и незадачливый жених рухнул на землю, разрубленный надвое.

Не взвидя света, братья Сахибан кинулись на Мирзу. Мечи с лязгом и звоном ударялись друг о друга. Мирза был знатным рубакой, легко и неустойчиво отражал он сыпавшиеся со всех сторон удары.

Сахибан рыдала, валялась в ногах у братьев, хватала их за руки, цеплялась за полы одежды.

— О героиня! — бессвязно твердила она. — Ведь это я — грешница... На меня должен пасть ваш гнев... Это меня просватали по выбору семьи, я вероломно нарушила данное вами слово... Будьте справедливы, героиня... Ради вас... Ради вашей сестры...

Но звон мечей заглушал слова девушки.

Мирза начал уставать. Руки его отяжелели и не могли уже отражать удары шести мечей. Выше локтя вспыхнуло кровавое запястье, алый фонтан забил из плеча, зардела рубинами грудь. Не в силах видеть гибели возлюбленного, Сахибан вырвалась вперед и заслонила собой Мирзу.

— Убирайся отсюда! Прочь!

Один из братьев схватил девушку и силой оттащил в сторону.

Каждый удар, нанесенный Мирзе, исторгал из уст девушки отчаянный крик. И вот чей-то меч рассек грудь Мирзы, и юноша упал.

Словно разъяренная львица выхватила Сахибан меч у одного из братьев и встала в изголовье поверженного возлюбленного.

— Отойдите! Все отойдите! — неистово закричала она. — Отныне я вам не сестра, у меня нет ни памяти, ни разума. Вы убили Мирзу, лишь краткие мгновения прогостит он еще в этом мире. Дайте же мне вымолить у него прощение за то, что я предала его...

Кто устоит перед такой скорбью, перед столь ярким мужеством? Братья отошли в сторону.

Сахибан откинула со лба Мирзы смоченные кровью волосы, обтерла своей накидкой его лицо, приникла поцелуем к глазам.

— Мирзна!

— Сахибан?..

— Ты простишь меня?

— О чем ты, Сахибан?.. За свое счастье я заплатил полной мерой... всей жизнью...

— Я ничего не сумела тебе дать... одну смерть... Мирзиа, ты меня слышишь? Открой глаза! Только на минутку открой!

— Это не в моей власти... Но если ты хочешь... Возьми мою руку...

Сахибан взяла его руку и прижала к губам.

— Ты должен видеть мою жертву, Мирза,— сказала она.— Я хочу, чтобы ты узнал: я предала не тебя, а свою судьбу. Смерть приходила не за тобой, а за догаром Фирозом. Я спасла его и этим завершила историю моей великой любви. Не подумай, что братьям я была более предана, чем тебе. Но я привыкла любить чужие радости больше своих, и эта привычка стала твоим убийцей. Знай, Мирзиа, я твоя, и никто не сможет нас разлучить.

Сахибан выпрямилась, встала во весь рост так, чтобы Мирза мог ее видеть. В руке у нее был кинжал Мирзы. Поцеловав рукоять, она твердой рукой вонзила клинок себе в грудь и опустилась на землю рядом с возлюбленным.

— Помнишь, когда-то, когда мы были детьми, я обнимала тебя... Так и теперь, в последние мгновения нашей жизни, я обнимаю твою храбрую грудь...

Глаза Мирзы смежились, но на губах еще было дыхание.

— Са... хи... бан...

— Да... Мир... зиа...

ШИРИН И ФАРХАД

Обитель красоты — любимое и любящее сердце. Любовь, подобно нежному аромату цветка, поднимается из сердечных глубин и придает несказанную прелесть и без того прекрасному лицу.

О, как хороши были дочери султана Салима — старшая, гордая красавица Махиман Бано, и младшая, нежная Ширин. При взгляде на них у мужчин подкашивались ноги, сводило в ознобе плечи, непроходимые горы житейских трудностей прорезались ущельями и самое невозможное начинало казаться достижимым.

Любовь и изобилие щедро питали почву, на которой росли эти молодые побеги. Однако судьба своенравна и нередко забывает свои обещания: безвременно скончалась добрая, ласковая супруга султана. Самого Салима увлекли ратные подвиги; позабыв об отцовских заботах, мчался он от победы к победе, пока не сложил голову в жестокой битве. Тогда на опустевший отцовский престол взошла его старшая дочь.

Прекрасна была султанша Махиман Бано, однако не было у нее сердца милой Ширин, один взгляд которой дарил людям несказанную сладость. Недаром народ позабыл ее пышное шахское имя и называл просто «Ширин», что значит «Сладостная». Отведав власти, Махиман Бано стала выявлять крутой и недобрый нрав. «Эх, если бы Ширин была старшей в роду!» — вздыхали люди. Но с провидением не поспоришь. Султанша любила лишь одно существо во всем свете — Ширин, и младшая сестра отвечала старшей нежной привязанностью. Об этой безмерной любви слагались легенды. Когда бремя государственных забот становилось непосильным и красота Махиман Бано меркла под маской холодной гордыни, султанша забрасывала дела и запиралась в своих покоях. Там она обвивала руками шею сестры, глядела в ее ясные, не знающие притворства глаза, слушала ровное биение ее чистого сердца и, заставляя свое сердце биться в лад, вновь обретала покой и прелесть женственности.

— Как ты прекрасна, сестра моя! — говорила Ширин, не в силах оторвать от нее взора.

И вот случилось так, что Ширин занемогла. Сорок долгих дней металась она в жару и беспомощности. Сколько ни бились придворные врачеватели и астрологи, все усилия их пропадали втуне. Тогда Махиман Бано разслала по стране глашатаев, которые возвещали народу: «Тому, кто вылечит прекрасную Ширин, будет даровано сорок деревень и сорок повозок с бесценными сокровищами!»

Неподалеку от шахского сада жил мудрый лекарь. Не раз случалось ему видеть, как царственные сестры гуляют по дорожкам, как младшая ласкает и оделяет цветами детей садовника, а старшая распаляется гневом по самому пустячному поводу. «Жаль, что не Ширин наша султанша! — думал лекарь. — Пусть бы хоть детям ее достался престол».

Услыхав призывы глашатаев, лекарь принялся листать свои книги, затем приготовил порошки из редких лекарственных трав, а когда покончил с трудами, долго сидел в глубоком раздумье. Потом он поднялся и поспешил во дворец.

Султанша облобызала руки почтенного старца и попыталась увлечь его в покои больной. Но лекарь почтительно остановил ее.

— Султанша, твоя сестра уходит в иной мир, — сказал он. — Трудно вернуть ее к нашей жизни и немало это будет стоить.

— Я дам не сорок — четыре сотни деревень! — в отчаянии воскликнула Махиман Бано.

— И четыре тысячи деревень слишком скудная плата за жизнь, — возразил лекарь. — Владыка Времени требует большей жертвы...

Как видно, этот лекарь и в самом деле был очень мудрый.

— Твоя речь полна загадок, о мудрец! — сказала Махиман Бано. — Я не знаю ничего, что стоило бы дороже жизни Ширин. Пусть Владыка Времени возьмет, что ему угодно.

Но лекарь не торопился. Он потребовал, чтобы султанша провела его в свою опочивальню.

— Если на то будет воля Аллаха, Ширин сегодня же очнется. Сорок дней прометалась она в жару, столько же потребуется, чтобы к ней вернулось здоровье. Но тебе, султанша, придется пожертвовать своей красотой, навсегда скрыть лицо за покрывалом. Пусть не введет оно в соблазн ни одного мужчину. Цена дорога, я знаю, однако лишь так ты можешь спасти сестру. Часы ее сочтены.

— Часы сочтены... — побледневшими губами прошептала султанша, прижимая руки к груди. — Но как же это — ни единый мужчина не увидит моего лица? А если я захочу выйти замуж?

- До свадьбы жених не должен тебя видеть.
- Тогда никто меня не полюбит!..
- Да, госпожа. Такова воля Владыки Времени.

Махиман Бано подошла к столику, на котором лежали ее драгоценности, взглянула на себя в зеркало; потом протянула руку к висевшему на стене покрывалу и закутала им лицо.

- Я готова... — тихо сказала она.

Прошло сорок дней — и Ширин оправилась от своего недуга. Она не только окрепла, но стала еще краше и милее. Казалось, жертва сестры одарила ее новой прелестью. И чело Махиман Бано было ясно, а на душе у нее — покойно, ибо народ полюбил ее, поверил в доброе сердце султанши. Именно тогда задумала она возвести «Касар-и-Ширин» — пышный дворец, подарок младшей сестре. Самых именитых зодчих, самых добрых мастеров созвала к своему двору Махиман Бано для работы. И часто людям случалось видеть возле высоко взметнувшихся к небу лесов пышные шахские носилки, а на них двух неразлучных сестер, одну — плотно укутанную покрывалом, другую — с открытым лицом, дышащим прелестью и весельем. Они жаждали поскорей увидеть во всей красе памятник их беспримерной любви.

Наконец строители завершили свой труд, осталась лишь роспись стен. Это было поручено мастеру из мастеров, славному живописцу Фархаду. Ни один юноша не мог сравниться с ним красотой, ни у кого не было столь благоуханной души. При одном прикосновении Фархада любая вещь оживала, от одного его слова любой человек становился чище и лучше. Стоило какой-нибудь девушке услышать имя Фархада, как она отбрасывала покрывало и жадно глядела по сторонам, надеясь хоть одним глазком увидеть красавца художника.

Люди на все лады расхваливали новый дворец. И в самом деле, он казался воплощением духа юной невесты: строгая красота, царившая возле бассейна для омовений, вспыхивала яркими красками, загоралась редкими самоцветами в покое, предназначенном для облачения, вольно дышала в зале для игр, исполненная спокойного достоинства властвовала в палате для гостей

и, наконец, в опочивальне, свободная от пышных тканей и тяжелых украшений, чистая и ясная, как утренняя заря, нежилась в пушистых одеялах. Причудливая мозаика полов, роспись потолков и стен — все носило печать великого искусства.

Наступил день, когда царственные сестры явились, чтобы полюбоваться чудо-дворцом. Фархад встретил их у входа и повел из покоя в покой. Махиман Бано засыпала художника вопросами, на которые тот отвечал сдержанно и кратко, так, словно повелительница была за тридевять земель от него. Но вот вопрос задала Ширин — и живописец уже не мог отвести от нее глаз, а слух его с трепетом ловил каждое слово красавицы.

Махиман Бано показалось, что черное покрывало жжет ей лицо. Губы ее свело от гнева, рука потянулась было сорвать постылый кусок шелка — пусть Фархад убедится, что уста ее ничуть не бледнее румяных уст Ширин, пусть увидит, что она не только султанша, но и прекраснейшая из женщин! Но обет, данный Владыке Времени, удержал ее. Ведь тогда ее, клятвопреступницу Махиман, постигнет кара. О-о!

А Фархад все показывал юной принцессе свои работы, и в речах его было столько огня, а взоры так горячо ласкали ее открытое прелестное лицо! Султанше не в чем было упрекнуть Фархада: в беседе с ней он был изысканно учтив, однако именно эта учтивость разбила на сотни осколков воспетую легендами любовь двух сестер... Махиман Бано перестала видеть в Ширин ту, ради спасения которой она принесла добровольную жертву и навеки скрыла от людей свою бесподобную красоту.

Наступила ночь, но сон бежал от глаз сестер. Одна горячо сожалела о принятом обете: «О, если бы этот лекарь не слышал призывов глашатаев! Время излечивает любые раны... Разлука с матерью, и та забывается...». Другая витала в упоительных грезах: «Разве с другими он говорил так, как со мной? Пусть бы даже лицо Махиман и не было скрыто покрывалом, он все равно не глядел бы на нее так, как глядел на меня».

Пришло утро. Сестры — каждая в своих покоях — совершили омовение, облачились в одежды. Сердце одной замкнулось в угрюмой печали, из сердца другой рвался призыв. Султанша дождалась в приемной палате Фар-

хада, за которым были посланы люди, Ширин, стоя у окна, любовалась новым дворцом, каждая пядь которого носила след души художника.

По велению султанши Фархад явился во дворец. Махиман Бано усадила его напротив себя и отослала слуг. Вначале она похвалила роспись нового дворца, потом стала превозносить красоту художника — его крепкий торс, похожий на взметнувшуюся к облакам скалу, тонкие черты лица, будто созданные резцом искусного ваятеля... Фархад молчал, он грезил о Ширин.

Махиман Бано заметила, что мысли живописца витают где-то далеко, и гневно спросила:

— Черное покрывало мешает тебе видеть мои губы, Фархад, но разве от этого смысл моих слов менее ясен?

Художник опомнился.

— Ты высоко оценила мой труд, госпожа, — сказал он. — Такое счастье не сразу осознаешь. Прости мою задумчивость и позволь в знак благодарности припасть к твоим стопам. — И он склонился к ногам повелительницы.

Рука Махиман Бано снова, в который уж раз, потянулась к ненавистному покрывалу — и снова не посмела его отбросить.

— Встань, Фархад, не надо целовать мне ноги... — пролепетала она.

О, какая мучительная борьба происходила в сердце султанши! Уста ее пылали желанием, все слова вдруг позабылись... Пусть не Фархад — она сама изберет его! Посмеет ли он воспротивиться ее воле? Ведь она — султанша, да к тому же красавица. Ширин не лучше ее. Проклятое покрывало! От него нет избавления... Но сорвать завесу с сердца — разве это не во власти Махиман?

— Слушай меня, мой ненаглядный! Дворец, который ты так искусно украсил, будет твоим. Он станет называться «Дворец Махиман и Фархада». Пусть лицо мое пока скрыто от твоего взора, — взглядишь в мое сердце, ощути его трепет и скажи «да»! Пусть это «да» положит конец твоим и моим мучениям.

Султанша приникла губами к руке Фархада.

— О, твои пальцы! — простонала она. — Каждый сустав — источник сладостных чар...

— Я не понимаю мою султаншу... — растерянно сказал юноша. — Ведь ты — повелительница, таким, как ты, подвластны горе и радость мира. А моя жизнь — в искусстве, в служении красоте, магии линий, волшебству красок... — он умолк, уставившись глазами в пол.

— Может быть, ты думаешь, что я некрасива? — спросила Махиман Бано. — Почему ты опустил глаза?

— Красоту султанши воспели все поэты мира. Я только не пойму, каким мучениям ты просишь положить конец?

— Моя мука — это покрывало, которое мешает твоему взору ласкать мое лицо. А твое несчастье в том, что ты всегда украшаешь лишь чужие дворцы и палаты. Протяни же мне руку, скажи «да»!

— Прости меня, великая султанша, — произнес вновь юноша, склоняясь к ногам Махиман, — я не достоин столь высокой чести! Стоит произойти этому несчастью, и Фархада задушит пышность шахского дворца. Ты освободишься от покрывала, но сознание страшной ошибки будет вечно терзать твою душу.

— Ты оскорбляешь свою султаншу! — прервала его Махиман, однако глубокая нежность, звучавшая в ее голосе, противоречила суровости слов.

— Я не позволю себе оскорбить даже пса у твоих дверей! — горячо возразил Фархад. — Но только... пойми, госпожа, мне нечего делать во дворце, в душе моей нет ничего от правителя. Если я покорюсь твоей воле, я предаю твою шахскую судьбу и мою судьбу художника.

Тут уж Махиман Бано не стерпела и дала волю своему гневу. Фархад получил два дня на размышления, а потом, если будет упорствовать, пусть пеняет на себя.

Ширин металась в своих покоях: она знала, что сестра призвала Фархада к себе. Земля колебалась под ногами юной красавицы. «Ведь Махиман — султанша, ее воля — закон. Она-то сумеет настоять на своем... Или выплет его из страны... О Фархад, Фархад! Зачем ты так глядел на меня? Казалось, весь мир смотрит мне в глаза... Я жила так безмятежно, приносила людям одну радость... Теперь же по ночам нет покоя, сон бежит моих глаз...»

Не совладав с сердечной тревогой, позабыв о строгих придворных правилах, Ширин, с одной лишь служанкой, поспешила в новый дворец, туда, где Фархад расписывал стены опочивальни.

— Зачем ты пишешь эту картину? — с улыбкой спросила она художника. — Султанше она не понравится.

Неожиданное появление Ширин, нестерпимое сияние ее красоты, потоки любви, изливавшиеся из ее очей, — все это сразило Фархада, как удар молнии.

— Другие покои в этом дворце я украшал, повинаясь общему замыслу, а тут писал, как писалось... — растерянно проговорил он. — Пусть султанша узнает о ней, когда все уже будет завершено. Если, конечно, ты сама на меня не рассердишься...

Говоря это, он не опускал глаза: наоборот, взор его не отрывался от взора любимой. Ширин сделала знак служанке; та вышла. И руки переплелись. И время остановилось. Два сердца слились воедино, два дыхания смешались, два сияющих взгляда утонули друг в друге, одно желание потрясло два тела.

Но вот руки разъединились — мир обрел прежние формы.

— Фархад! О Фархад! Я не хочу быть птицей в клетке. Сломай ее прутья, разбей решетки! Унеси меня к своим небесам. Я ощутила их просторы, и тело мое взбунтовалось!

Миновала еще одна ночь; утро испепелило Махиман Бано огнем ревности. В городе судачили: «Конечно, Фархад достоин Ширин. Они должны быть вместе...». Те, кого напугал гнев султанши, ломали руки: «Погибли две светлые жизни! Любовь сделала их добычей палачей!». Недовольные ворчали: «Не следовало Фархаду так поступать!». Однако никто не желал зла юному живописцу, всем хотелось уберечь его от гибели.

Махиман Бано призвала к себе главного везира и повелела как можно скорее схватить беглецов. Сотни всадников помчались во все концы страны. Султанша еще надеялась завоевать сердце Фархада, и потому она строго наказала, чтобы возлюбленных нашли, разлучили, но отнюдь не чинили им вреда, не казнили насмешками и срочно доставили обоих во дворец.

Для Ширин это было тяжкое испытание: дух ее за-

калится, тело же уподобилось вору. По следам ее мчалась погоня, солдаты врываются в дома, обыскивали хижины. Однако океан судьбы, вздымая все новые волны, уносил влюбленных от погони. Проходила неделя за неделей, а преследователи по-прежнему не могли настичь беглецов. Люди бережно укрывали их. Стоило Фархаду и Ширин прийти в какую-нибудь деревню, и над ней словно луна всходила; при одном их приближении пепел чужой, потухшей любви начинал заниматься жаром. Девушки с сердцами, исполненными добрых желаний, увивались вокруг Ширин, переплетали ей косы, красили хной ладони. Одна из них поменялась с беглянкой одеждой; она решила приберечь наряд Ширин до того часа, когда сама встретится с милым.

Так Ширин познавала мир Фархада. Как он отличался от того мира, который она оставила! Здесь ветхие одежды прикрывали крепкие тела. Тела, которым солнце передало частичку своего золота. У себя во дворце она и не знала, как прекрасно обнаженное человеческое тело. А каким огнем горели глаза этих простых девушек! Какой восторг пылал во взорах юношей! Как бедны были их убогие жилища, и как богаты души! Как мало было у них еды, но с каким вкусом они ели, как радостно делились последней лепешкой, как щедро любили, с каким жаром помогали друг другу!

— Ты чудо, Фархад! Как сладостен твой мир!

Все, с чем ни довелось столкнуться в эти дни Ширин, пленяло ее душу, вызывало восхищение.

Но мир Ширин объявил войну миру Фархада: раскрыли свои ненасытные пасти тюрьмы, начались пытки... Однако никакие истязания не могли заставить людей заговорить. Народ любил своих Солнечных возлюбленных. Он любил бы их даже если бы они не были так хороши. Ну а раз они были такими, какими были, раз красота их ломала на своем пути сотни преград и сквозь каждую трещину лилось благоухание весны, раз все это было так, то оставалось лишь одно — терпеть муки...

И все-таки на след беглецов напали. Возлюбленные были схвачены и доставлены в столицу.

Ширин бестрепетно глядела в глаза сестры. За радость, которую подарила ей любовь, смерть на плахе или вечное заточение представлялось не столь уж непо-

мерной платой. А для султанши видеть спокойное, веселое лицо сестры оказалось хуже самой страшной казни. Она заточила Ширин в новом дворце и повелела строго охранять его. Когда перед Махиман Бано предстал Фархад, она мановением руки удалила придворных. Теперь во взгляде Махиман Бано не было прежней суровости: она расплавилась в огне поражения...

— Фархад...— окликнула она юношу.— Фархад! Взгляни на меня! Глаза мои не скрыты покрывалом, почему ты не хочешь обратить ко мне свой взор?

— Я не в силах глядеть в твои глаза, госпожа...

— Лжешь! — гневно прервала его Махиман.— Ты просто не хочешь. Твои взгляды — только для Ширин. Запомни, Фархад: если ты не покоришься моей воле, я сделаю так, что ты будешь бояться даже воздуха, которым дышит Ширин! Подумай, Фархад, поразмысли хорошенько.

По мере того как султанша говорила, голос ее становился все мягче, последние слова она произнесла почти нежно.

— Если Ширин станет моей, я исполню любое повеление султанши,— сказал юноша, впервые поднимая взор на Махиман.— Тогда руки мои обретут такую силу, что я сведу воедино землю и небо!

Глаза султанши налились слезами.

— Фархад! Красавец Фархад! Сделай меня своей женой! — взмолилась она.— Тогда, клянусь небом, я сама отдам тебе Ширин!

Фархад нахмурился.

— Ты смеешься, госпожа. Смеешься над собой и над Ширин. Я художник, я живу сердцем, такие насмешки не по мне.

— Неправда! — в бешенстве воскликнула Махиман Бано.— Ты не художник! У тебя нет сердца! Ты камень! Камень!

С трудом поборов приступ ярости, она продолжала уже более спокойно:

— Я хочу убедиться, в самом ли деле есть в тебе божественная сила, которая может свести воедино землю и небо. Вот уже два года, как в наших местах не было дождей. Город гибнет без воды, поля пересохли, головы женщин разламываются от тяжелых кувшинов, в которых они таскают воду бог весть откуда. А совсем

рядом, в получасе ходьбы, громадная гора, видно созданная из того же камня, что и ты, преграждает путь реке, которая могла бы вернуть людям жизнь. Ступай, пробей гору, приведи воду в город, и я отдам тебе Ширин. Достанет ли у тебя мужества на такой подвиг? Говори!

Фархад на мгновение задумался, потом смело взглянул в глаза Махиман Бану.

— Я говорю «да», моя госпожа. Отныне это твоё повеление движет моим разумом, а надежда обрести Ширин укрепляет дух. Я полон сил и говорю «да»! Прикажи мне взять кирку.

Стон пронёсся над столицей: люди проведали о немилости, постигшей Фархада. До сих пор они лишь в сказках слышали о могущественных духах, которые вступали в единоборство с горами, чтобы добыть воду. Простому человеку разве сладить с горой? А Фархаду запрещено появляться в городе, пока он не пробьёт гору и не пустит к городским стенам воду... Это ли не изгнание? Девушки плакали, не осушая глаз, юноши вызвались было идти вместе с Фархадом, однако воля султанши...

Итак, кувалду в руку, на плечо кирку, и Солнечный возлюбленный, в последний раз поклонившись дворцу Ширин, покинул город. Первые дни он бродил по скалистым берегам, примерял, как лучше проложить русло канала, потом взялся за кирку и кувалду. Город стал жить под упорный мерный стук. По утрам этот стук призывал людей на работу, по вечерам, когда он прекращался, горожане знали: пора зажигать лампы. Для Ширин он сделался гимном её ограбленной жизни; под его мерный ритм она пела, размышляла и возносила молитвы всевышнему. Даже стражники прониклись сочувствием к этой великой любви и однажды тайком передали Фархаду письмо от Ширин. Вот что она писала:

«Твоя Ширин ждёт тебя. Она орошает слезами камень, который ты дробишь. Вечером, когда ты, усталый, отложишь свои орудия, она споет для тебя песню, ночью, когда заснешь, она видением войдет в твой сон. Люди говорят, что тебе вовек не пробить гору, но я знаю моего Фархада и верю: вода придет к стенам нашего города. Тогда возликуют друзья, опьяненные

твоей победой, тогда никто уже не посмеет вырвать Ширин из твоих объятий. А пока наступит этот час, я буду ждать».

Письмо это попало в руки Фархада, и стук железа о камень стал слышаться до самой полуночи. Однако гора и в самом деле оказалась из самого твердого камня: десять лет трудился Фархад над постройкой канала, а до окончания работ было еще далеко.

Ширин терпеливо сносила свое заточение, а Махиман Бано изнывала в муках: раскаяние, будто жучок древоточец, грызло ей душу. К чему привели султаншу все ее ухищрения? Да, она разлучила Ширин и Фархада, но этим и себя обрекла на разлуку. Не видеть прекрасного лица художника было выше ее сил, и время от времени она отправлялась к нему якобы для того, чтобы проверить, как продвигается строительство канала. Но как ни пыталась она вовлечь Фархада в разговор, тот лишь угрюмо молчал. После таких свиданий жажда Махиман Бано разгоралась еще больше. Смысл жизни был утерян. Да и десять лет — немалый срок: султанша понимала, что красота ее вянет, молодость уходит...

Наступил наконец день, когда Махиман Бано сдалась: она призвала к себе сестру и объявила, что прощает ее. Пусть только та уговорит Фархада оставить эту бесполезную работу, и султанша благословит его брак с Ширин.

Стража покинула свои посты, двери в мир распахнулись. Ликующая Ширин поспешила к возлюбленному.

Одежда Фархада превратилась в лохмотья, каменная пыль въелась в складки лица, взор светился угрюмым огнем одиночества, волосы сбились, руки потрескались, ноги покрылись язвами... Без усталости, без отдыха бил и бил он твердый неподатливый камень.

— Фархад! Фархад! О мой Фархад!

Удары прекратились. В глазах, затененных пыльными ресницами, мелькнул огонь. Но руки не распахнулись для объятия.

— Зачем Ширин здесь? Моя работа еще не кончена.

— Ширин пришла, чтобы увести Фархада.

— До тех пор пока Фархад не пробьет гору и не пустит к городу воду, он не может уйти отсюда.

— Султанша простила нас! Она позволила нам пожениться!

Ширин ждала, что Фархад тут же бросит кувалду и протянет ей руки. Но она ошиблась.

— Нет, Ширин,— сказал художник.— Милостыня госпожи мне ни к чему. Не ради нее я пробивал гору: ведь вода нужна не султанше, а моему народу. Я служу народу, и это дает мне столь же высокую радость, как и твоя любовь. Видеть воду в канале мне так же необходимо, как слышать биение твоего сердца. Любимая моя, оба эти желания должны исполниться. Ширин теперь не дочь султана Салима, а дочь народа, и в награду за свой труд я попрошу ее руку у народа.

Как ни упрашивала его возлюбленная, сколько ни молила,— Фархад был тверд в своем решении. Так и пришлось Ширин уйти ни с чем: гора не отпускала художника.

Миновало еще два года. Теперь работа двигалась быстрее: за этот срок Фархад сделал больше, чем прежде за пять лет. Люди стали поговаривать, что земля и впрямь вот-вот соединится с небом. Если бы не султанша, сотни юношей ринулись бы на помощь художнику и в одно мгновение смели бы остатки горы.

Но султанша боялась. Днем и ночью грызло ее страшное видение: вода подошла к стенам города, народ носит Фархада на руках, Ширин уже не нуждается в милостях сестры. Она соединяется с возлюбленным, у них дети... Рано или поздно кто-то из них унаследует престол. Нет тебе счастья, Махиман Бано! Ничего-то ты не сумела — ни привлечь к себе Фархада, ни оторвать его от Ширин...

Снедаемая тоской, султанша заболела. Не помогли ей лекари и врачеватели недугов. И тут явилась во дворец некая женщина — славилась она глубокой верой и высоким целомудрием: ни разу в жизни не подняла она взора на мужчину. Многие обращались к ней за помощью, и немало тайных бед отвела она от своих сестер — женщин. Ей-то и поведала султанша свои тревоги.

— Кто мог поверить, что Фархад одолеет гору? Никто. Потому-то я и послала к нему Ширин: пусть уж получит ее из моих рук, раз я все равно не могу ничему помешать. Но Фархад горд, он не хочет от меня милости, ему надо, чтобы народ, в награду за служение, соединил его с Ширин. С чем же тогда останусь я? Как буду жить?

Женщина взяла руку султанши, долго разглядывала, водила гвоздиком по линиям ладони.

— Успокойся, госпожа моя, — сказала она под конец. — Правда, я не могу соединить тебя с Фархадом, но оторвать от него неблагодарную Ширин — в моих силах. — Потом женщина помолилась, сказала: — Да сбудется воля Аллаха, — и ушла.

А султанша поднялась с ложа: недуг отпустил ее.

Океан людских надежд бушевал все сильнее. «Тот, кто вступил в единоборство с горой, победил! Не успеет смениться луна, как воды канала достигнут городских стен, прильнут к стопам иссохших, жаждущих деревьев. Те самые равнодушные воды, что веками текли мимо судеб людей... Фархад, истинный сын народа, посрамил тех, кому безразлично счастье многих!»

Согласно приказанию султанши, гору должен был пробить Фархад, а уж канал дозволялось строить всем, кто бы ни пожелал. Толпы людей принялись рыть землю, оттаскивать ее в стороны, выравнивать берега. В городе царили радость и веселье, как перед большим праздником. Все прибирали в домах, стирали одежду, возносили благодарственные моления.

Наконец наступил долгожданный день: последним ударом Фархад разрушил перемычку, преграждавшую путь воде, и она хлынула в канал. Художник поцеловал орудия своего многолетнего труда — кувалду и кирку — и склонился ниц, восславляя Аллаха.

Люди побежали к городским воротам, спеша передать в столицу счастливую весть.

Стряхнув с одежды каменную пыль, повязав голову тюрбаном, Фархад медленно шел берегом канала. По дну его с веселой песней бежала вода. Нет, не вода, а разлившаяся во всю ширь душа народа, душа, которую не засушили годы жестокого безводья. Живописцу хотелось, чтобы рядом были друзья, с которыми он мог бы разделить радость... Но горожане мчались вперед, ничего не видя вокруг, позабыв обо всем на свете, кроме одного:

— Вода! Вода!

И вдруг Фархад заметил женщину, которая быстро

шла из города навстречу толпе. Увидев живописца, она горестно вскрикнула и со слезами кинулась к нему на шею.

— Чем я могу служить тебе, матушка? — спросил художник, огорченный ее горем.

— Ах, сынок! — еле переводя дыхание, запричитала женщина. — Дом, где готовилась свадьба, стал домом скорби... Да будет проклят этот забытый Аллахом город! Султанша... — и она зарыдала, вытирая рукавами платья обильные слезы.

— Да о чем ты, матушка? Что-нибудь случилось с султаншей? Я слышал, она хворала.

— Что проймет эту злодейку? Она... Она...

— Говори скорее, мать! Что — она?

Женщина стиснула Фархада в объятиях, прижала его лицо к висевшим на ее груди четкам.

— Негодница... убила... Ширин!.. — как бы через силу проговорила она и, как подкошенная, повалилась к ногам художника.

— О-о... Ширин!..

Фархад ринулся к каналу. Удар кирки по виску... Всплеск волны... Алые струи воды...

Женщина мгновенно вскочила, словно бы не она только что рыдала и теряла память. Несколько мгновений она жадно вглядывалась в темные волны, потом злорадно прошептала:

— Готово!

И тут же вновь глаза ее налились слезами. Вопя и причитая, помчалась она к городу.

— Помогите! Помогите! — кричала она, мечась от человека к человеку.

Весть о странной кончине художника в мгновение ока облетела город и достигла покоев Ширин. Люди говорили, что при виде текущей воды Фархад обезумел, бросился в канал и утонул.

Не помня себя, помчалась Ширин к каналу. По дороге ей повстречалась женщина, которая с воплями сновала между людьми, вновь и вновь повторяя историю гибели художника. Ширин схватила женщину за руку и заставила ее пойти с ней на то место, где произошло несчастье.

Прослышала о смерти Фархада и Махиман Бано. Страшная весть повергла ее в трепет: султанша и в

мыслях не держала подобного злодейства. Когда она пришла на берег канала, первое, что представилось ее глазам, была Ширин: смятенная, потерявшая голову, она тянулась руками к горлу женщины, которая вызвалась избавить султаншу от беды.

— Правду... Только правду...— хрипела Ширин.— Говори, отчего погиб мой Фархад?

— Оставь ее, Ширин,— собравшись с силами, приказала султанша.— Я сама расскажу все, что ты хочешь знать...

— Молчи, сестра!— прервала ее Ширин.— Твоя власть надо мной кончилась, дни мои сочтены. Я сама вырву истину из этих подлых уст.

Ярость Ширин сломила злобный дух женщины: она не выдержала и рассказала, как обманула Фархада и толкнула его на гибель. Ширин отшвырнула от себя злодейку, и ее тотчас схватила Махиман Бану.

— Проклятая!— грозно воскликнула она.— Разве этого я от тебя ждала?!

— Отпусти ее, сестра,— сказала Ширин.— К чему теперь оправдания? В моем сердце больше нет гнева — ни па тебя, ни на нее. Мне надо было только слышать, что светлый разум моего возлюбленного не помутился, что Фархад до конца остался таким, каким я его знала: Фархадом народа, моим Фархадом.

Ширин подошла к каналу, выхватила из складок одежды кинжал и вонзила его себе в грудь.

— Фархад!— воскликнула она в последний раз, и волны сомкнулись над ее головой.

Султанша распустила косы, обмотала их вокруг шеи, склонила голову перед толпой и скорбно проговорила:

— Если вам нужна моя голова,— вот она, рубите. Но, поверьте, тут не было моей воли. Правда, я не могла примириться с тем, что Фархад и Ширин наконец соединятся. Почтенный вид этой женщины ввел меня в заблуждение. Она пообещала разлучить Ширин и Фархада, а как — я не спросила. Я любила обоих, и потеря хотя бы одного из них для меня более невыносима, чем их соединение. Эта женщина со злобным сердцем разрушила мой заветный мир...

Главный везир напомнил людям о том времени, когда велись розыски Солнечных возлюбленных: ведь и тогда султанша повелела, чтобы послушникам ее воли

не чинили вреда, не оскорбляли их насмешками. Говорил он и о великой жертве султанши во время болезни сестры.

В тяжком раздумье стояли жители столицы перед своей повелительницей. Ширин и Фархад покинули этот мир. К чему же еще новые жертвы? И что будет с престолом? Не лучше ли, храня память о прежних несчастиях, не вызывать новых?

Они разыскали в воде тела своих Солнечных возлюбленных, пышно убрали их, украсили цветами. Позади роскошного дворца Ширин они построили усыпальницу Ширин и Фархада. Влюбленные всего мира приходят к ее стенам, чтобы почтить память двух верных светлых душ.

СОХНИ И МАХИНВАЛ

На окраине города Гуджарата, в густой тени уединенной рощи расположился лагерь богатый караван. Посреди лагеря высились узорчатые парусиновые шатры, в стороне позвякивали колокольчиками дородные буйволицы, сверкали крупы арабских скакунов, повсюду сновала расторопная челядь. Всего за какую-нибудь неделю до дня, которым начинается наше повествование, роща эта была глухой и уединенной, теперь же в нее будто веселый дух вселился. Сын некоего бухарского купца, по повадкам — истинный принц, облюбовал рощу, плененный ее красотой, очарованный прелестью текущего неподалеку Ченаба, этого друга всех влюбленных, для веселых волн которого не жалело позолоты вечернее солнце.

Повсюду: возле городских молелен, на постоянных дворах, в домах и на базарах — только и разговору было, что о сказочном богатстве и баснословной щедрости купеческого сына.

— Это единственный наследник Али Бега, богатейшего торговца алмазами из Бухары! — судачили горожане. — Этот юноша поистине единственный: другого такого на всем свете не сыщешь! Все-то ему интересно,

обо всем он хочет узнать. Два знаменитых учителя постоянно находятся при нем — обучают его пенджабскому языку. Насколько он молод — настолько и красив, насколько красив — настолько великодушен. В каждом городе, через который лежит его путь, закупает он искусно сделанные вещи. Вчера его люди взяли у гончара Туллхи много кувшинов и чаш. К нам, в Хипдустан, он приехал просто так, из любви к странствиям, он поднес делийскому бадшаху бесценные сокровища — мускус, алмазы, рубины и сапфиры. Бадшах повелел повсюду оказывать богатому чужестранцу самый лучший прием и подарил юноше белоснежного скакупа. А ныне вечером именитый гость, эта светлая душа, приносящая радость в самые угрюмые места, сзывает на пир мастеров, певцов и других славных горожан Гуджарата.

В роще уже готовились к вечернему пирю: землю устлали ковры, в воздухе реяли ароматы яств. Распоряжения отдавали двое, и тот, что обычно шел впереди, был удивителен! Что за осанка, какие глаза, лоб! А речь его, а обхождение! Вот эти двое остановились под цветущим грушевым деревом, и шедший впереди воскликнул, указывая на пышные бело-розовые соцветия:

— Слава Аллаху! — И нежные уста его, открывшие в улыбке белую кипель зубов, казались одним из прекрасных цветов, украшавших дерево. — Сегодняшний пир запомнится надолго, Саадат! Вина и шербеты мы привезли из Балха и Бухары, а угощать будем из здешних пиал. Что за чудные пиалы купил ты вчера в городе!

— Да, Иззат, чаши и кубки мастера Туллхи на редкость изящны, — отвечал другой. — Подумай, простая глина, а подчас не уступит хрусталу! Выпьем сегодня из них за здоровье гуджаратских умельцев!

— А завтра ты сведешь меня на базар: я тоже хочу поклониться дивному творцу кувшинов.

На другое утро Иззат Бег и Саадат Али направились в город, к дому горшечника Туллхи. Завидев чужестранцев, люди выбегали из своих лавок, глядели им вслед и передавали друг другу подробности вчерашнего пира.

Мастерство Туллхи славилось по всему Пенджабу. Где только не продавались его изделия! Когда чуже-

странцы вошли к нему во двор, они увидали перед домом, на нескольких столах, вереницы горшков, чаш и кувшинов. Отдельно стояли игрушки: фигурки богапастуха Кахана с пастушками, яркие глиняные птицы и звери — такие живые, что казалось, они только-только вышли из леса. В другом конце двора была привязана буйволица.

Сам Тулха устроился под навесом, за своим волшебным гончарным кругом, и из обыкновенных, ничем не примечательных комков глины мастерил великую, удивительную красоту. Там отщипнет, тут урежет... На вид мастеру было лет сорок пять. Ясноглазый, с жесткой седоватой бородкой, с лицом, освещенным тем спокойным светом, который свидетельствует обычно о довольстве от сознания того, что труд человека оценен и получил общее признание. Слева от него сидела девушка, да такая прелестная, что гостям подумалось: а может, и ее создал искусник Тулха на своем волшебном круге? Девушка месила глину.

Чужестранцы поклонились хозяину.

— Милости прошу, дорогие, милости прошу, — приветливо проговорил тот. — Сохни, дочка, усади гостей.

Девушка проворно поднялась и пододвинула чужестранцам низкую деревянную кушетку. Те уж и не знали, куда глядеть: с одной стороны перед ними были чудеса искусства, с другой — чудо расцветающей молодости.

— Это мой господин, Иззат Бег, — сказал Саадат.

— Мир вам обоим!

— Кувшины и чаши, которые я купил у тебя позавчера, очень понравились Иззат Бегу. Он пожелал сам навестить тебя и купить все, что ему приглянется.

Тулха просиял.

— Это большая честь для меня, господин! — ответил он. — Моя лавка к твоим услугам! Сохни, дочка, проводи дорогих гостей, покажи все, что у нас есть. А вот эта ваза для цветов готова лишь наполовину.

Вновь загудел гончарный круг: жжих-жжах! жжих-жжах! Пальцы мастера обхватили горлышко стоявшей на круге вазы так нежно, словно это была не простая глина, а стройная шея возлюбленной.

Красавица Сохни шла впереди, гости — за ней. Прокладная тишина дома наполнилась шелестом шагов,

тревогой непронесенных слов... Девушка открыла дверь лавки и пригласила чужестранцев войти. Повсюду, на полках и столах, выстроились изделия мастера Тулльхи. Сохни подносила Иззату кувшины и блюда, чаши и горшки, вазы и забавные игрушки. Все, к чему прикасались пальцы девушки, юный бухарец приказывал отложить для себя. Вот Сохни отошла в глубь помещения, чтобы взять там какую-то вещь. Юноша вдруг заметался в тревоге: «Что это? Ее шаги... По земле ли она идет, или по моему сердцу? Прикасается к глиняным сосудам или к моей душе?..»

Сохни принесла чашу, обтерла ее своим покрывалом и, протягивая гостю, сказала:

— Отец мой очень радовался, когда создал эту чашу.

Иззат вздрогнул, словно очнулся от сна, протянул руки к сосуду, и пальцы их на мгновение встретились.

— Какое совершенство,— воскликнул он.— Один вид ее пьянит!

Когда Сохни снова отошла, Иззат прошептал:

— Концы ее пальцев как молнии стрелы...

Девушка уже стояла перед ним, держа на ладони пиалу. Да разве это была глиняная пиала? Иззат взял ее в руки и залюбовался округлостью краев, чистой линией изгиба. А когда он разглядел изображение месяца на донышке пиалы и нежное лицо пери внутри, то задохнулся от восторга.

Саадат похвалил цвет пиалы.

— Цвет, цвет! — воскликнул Иззат.— Словно лучи солнца на ланитах красавицы! А какая тонкая отделка! Сколько изящества!

Иззату почудилось, что пиала до краев полна влагой, и, не сознавая, что делает, он поднес ее к губам. Сохни рассмеялась, и кольцо, сверкавшее у нее в носу, задрожало. В первый момент, когда юный бухарец увидел девушку, украшение это показалось ему странным, теперь же на память вдруг пришли строки какого-то стихотворения — «О выложенном золотом замке, хранителе бесценных самоцветов».

— Я хотел ощутить вкус губ этой пиалы,— сказал он в ответ на улыбку Сохни.

— Из нее еще никто не пил,— простодушно заметила девушка.— Когда же она будет наполнена влагой, края ее в самом деле станут нежны, как губы.

У юноши и впрямь осталось ощущение, будто он прикоснулся к живым, теплым губам... Он поставил пиалу отдельно от той посуды, что отобрал для покупки, и, не в силах вымолвить слова, некоторое время молча водил пальцем по ее краям.

— Вот и все, что у нас есть хорошего,— сказала Сохни.— Что вам понравилось?

— Все, что есть в лавке,— ответил Иззат, глядя на ее звездную накидку, отороченную каймой синего шелкового неба, по которому царственно плыл вышитый месяц.

— А что вы возьмете? — и она до самых глаз укуталась в накидку.

— Все и возьму,— если, конечно, хватит денег,— усмехнулся Иззат.— Сколько стоит то, что ты мне показала?

Сохни сосчитала отобранные сосуды — всего около двадцати — и назвала цену — десять рупий.

Саадат вручил ей мешочек с тысячей рупий.

— За посудой мы пришлем слугу,— сказал Иззат, выходя из лавки.— А теперь — салам славному мастеру! Нам пора идти.

— Разве ты не знаешь, сколько стоят мои изделия, дочка? — с улыбкой спросил Туллка.— Не много ли ты взяла с наших гостей?

— Много?! — покраснев, воскликнул Иззат.— Что ты! Ведь твои работы — чистое золото, а мы заплатили за них, как за глину!

Тем временем в лагере слуги готовились в путь: скатывали ковры и циновки, разбирали шатры, укладывали сундуки. Как вдруг из города воротился Иззат и объявил, что важные дела на неделю задерживают его здесь. То-то все обрадовались! Бухарцам пришлось по душе берег Ченаба и веселый трудолюбивый Гуджарат, они были не прочь еще недельку отдохнуть в красивой роще. Да к тому же хозяин пообещал за эту неделю уплатить вдвое больше против условленного!

Весь тот день до самого вечера просидел Иззат у себя в шатре. Все размышлял о том, что делать дальше. В Пешавер идти не хотелось, старый план путешествия никуда не годился. Постепенно веки его смежались, перед глазами поплыли видения: пышный лес, широкая, медленная река; воздух дрожит от радостного

птичьего гомона, прыгают легконогие антилопы, танцуют, распутив хвосты, красавцы павлины. Но душа Иззата слепа и глуха. Не видя цели, не разбирая пути, бредет он туда, где меж древесных стволов зыблется туманная дымка, сегодня — в одну сторону, завтра — в другую... Придет жажда — напьется, придет голод — поест... Но жажды не утолить, голода — не насытить... Кто-то ласково касается его плеча. Отец!

— Почему ты блуждаешь без дороги, мой ясный месяц? — спрашивает он. — Не теряй зря времени, возвращайся домой. Знаешь, я все-таки заполучил тот алмаз, из-за которого передрались шахи и бадшахи!

— Увы, отец мой! Зато я не нашел еще того, что ищу.

— Ты что-нибудь потерял? Эка важность! Скажи что, и я тебе подарю.

— Нет, отец, такого подарка ты мне сделать не сможешь. Я ищу подругу, по которой томится мое сердце. Я не вижу ее лица, знаю лишь голос и помню прикосновение...

Но отец ничего не понял и продолжал требовать возвращения сына.

На этом месте сон прервался. Иззат открыл глаза и облегченно вздохнул. Было душно, хотелось пить. Он налил воды в прекрасную пиалу, купленную утром у горшечника, позвал Саадата и, беседуя с ним о разных делах, как бы невзначай спросил.

— Что, если бы я остался тут навсегда?..

— Как это можно! — забыв всякую почтительность, воскликнул Саадат. — Ведь отец ждет не дождется твоего возвращения!

После ужина Иззат сразу ушел к себе и весь вечер не показывался в лагере.

А Сохни, готовя ужин, обожгла руку.

— Что это с тобой, дочка? — удивилась мать. — Почему ты так рассеянна?

— У меня что-то душа не на месте... — призналась девушка.

— Ступай, отдохни, я сама испеку лепешки. Отец говорит, что нынче утром ты за два часа заработала столько, сколько мы иной раз и за два месяца не получаем.

У Сохни и в самом деле на душе было тревожно:

весь день перед ее глазами стоял молодой чужестранец. Немало сказок слышала девушка о заезжих купцах, сегодня же эти сказки обратились в быль — она сама, своими руками подала красавцу гостю чашу, которую тот с улыбкой поднес к губам... Пальцы ее до сих пор горели от прикосновения к его пальцам... Никогда еще не доводилось ей видеть столь прекрасного лица, никогда не слыхала она таких милых речей... Каждое его движение ласкало, каждое слово заставляло сердце взмывать ввысь, словно на качелях... Казалось, в грезах своих она уже видела именно эти черты, вот почему, придя в их дом, незнакомец в один миг полонил не знавшее любви сердце девушки.

И сразу весь мир стал иным. Сохни затаилась. Утренняя встреча всколыхнула светлую гладь ее девичьей жизни, прогнала царивший в ней дух безмятежности. Тело девушки, прежде дремавшее в спокойной чистоте, трепетало, жажда прикосновения возлюбленного. Вся она была — желание.

Наутро, как всегда, Тулха старательно обтачивал стройное горлышко кувшина, а Сохни сидела возле отца, месила глину и мечтала... Подчас пальцы девушки прикасались к губам, и тогда воспоминание о других пальцах заставляло сердце стучать упруго и громко. «Один только раз... Один-единственный!.. Ну приди же... Приди!» — твердила она про себя.

Скрипнула калитка... Сохни позабыла дать отцу глину.

— Сохни, дочка, мой круг вращается впустую, — заметил Тулха. — Дай-ка небольшой комок, я сделаю пиалу к этому кувшину.

— Прости, отец! Кто-то вошел... Я загляделась на калитку...

— Да продлит Аллах твою жизнь, мастер-джи, — сказал Иззат Бег, кланяясь Тулхе и его дочери. — Как видишь, я снова здесь. Хочу купить у тебя еще немного посуды. Думаю увезти к себе на родину.

Гончарный круг продолжал вращаться.

— Ступай, дочка, и дай гостю все, что ему приглянется, — сказал мастер Сохни. — Уж очень он порадовал меня тем, что так высоко оценил труд рук моих.

Как и накануне, они прошли в лавку, ходили из конца в конец ее, из угла в угол, но сегодня каждый

их шаг был значителен, каждое движение о чем-то говорило... Пятнадцать шагов в одну сторону, пятнадцать в другую — и вот они оба уже сопричастны великой тайне, ведомой только им двоим... С того момента, как Сохни взяла первый сосуд и передала его в руки Иззату, она перестала быть для него чужестранкой. Кувшин, пиала, чаша... Пальцы встречаются теперь уже безбоязненно, и каждое прикосновение рождает огненную вспышку, которая освещает затаенные уголки их сердец.

На этот раз для того, чтобы принести двадцать великолепных сосудов, Сохни потребовалось вдвое меньше времени, чем вчера. Они уже не говорили о цене, а лишь смотрели друг другу в глаза.

— Вы еще побудете в наших краях? — промолвила наконец Сохни.

— На днях отправляемся дальше, — неуверенно ответил Иззат.

— Вы принесли нашему городу радость...

— Моим друзьям здесь очень понравилось.

— А вам?.. Улицы у нас тесные... — Сохни как бы подыскивала оправдание столь быстрому отъезду.

— После Дели гуджаратские улицы, пожалуй, самые просторные.

Руки Иззата, томившиеся по новому прикосновению, чуть не упустили кувшин. Юноша и девушка одновременно сделали стремительное движение — и засмеялись, почувствовав, что пальцы их почти сплелись.

— Приходите к нам еще, — промолвила Сохни. — Но мне сказали, что вы живете где-то далеко?..

А пальцы как сплелись — так и замерли.

— Кто сказал?

То, что девушка расспрашивала о нем, взволновало Иззата, пожалуй, не меньше, чем прикосновение ее пальцев.

Сохни смутилась и, как бы желая удержать бурно стучащее сердце, стянула на груди концы накидки.

— Я просила брата подруги сходить в ваш лагерь и обо всем расспросить, — не поднимая глаз, прошептала она. — От него и узнала.

Слова девушки тяжелыми хмельными каплями падали в сердце Иззата, сообщая ему удивительную смелость.

— Если тебе хочется что-то знать обо мне, лучше услышь это из моих уст. Я сам тебе расскажу.

Сохни медленно подняла на него глаза.

— Расскажи...— только и могли проговорить ее пересохшие от жара губы.

— Ну где я живу и чей сын — об этом ты слыхала. Я хочу рассказать тебе то, чего никто не знает, о чем никто не спрашивал...

Иззат остановился: мучительное желание сейчас, не медля, до конца раскрыться перед этой единственной девушкой, на мгновение сжало горло спазмой. Словно околдованная его речью, Сохни молчала, а нежное колечко губ застыло в немой мольбе: «Ну говори! Говори же!»

— До сих пор душа моя не знала покоя,— продолжал Иззат, дрожащими пальцами лаская стройное горлышко кувшина.— Ее не радовало ни богатство отца, ни тот почет, ради которого многие люди готовы положить жизнь. Я изучал различные науки, неплохо стреляю, знаю горячий азарт охоты, умею объезжать норовистых коней, но сердце мое никогда не лежало ко всему этому. Все мои помыслы устремлялись навстречу той чистой красоте, которая озарила бы мои дни. Долго не находил я себе места от одиночества. Тогда, не ведая, чем еще развеять мою тоску, отец отправил меня странствовать. И вот здесь, в этом городе, судьба подарила мне встречу с тобой, словно отчаявшемуся игроку — выигрыш на последнюю ставку. Пришел конец моему бродяжничеству, теперь ты — моя владычица.

Иззат облегченно вздохнул, будто сбросил с плеч невидимую тяжесть.

Сохни по-прежнему молчала, глядя в лицо юноше. Тот взял руку девушки.

— Не подумай, что я неволю тебя, Сохние,— сказал он.— Я только поведал тебе о моей заветной мечте... Если твои помыслы иные — ну что ж, ты хозяйка своей судьбы...

— Не говори так,— прервала Иззата Сохни.— Сколько бы ни было на свете людей — ты единственный, кого видит моя душа.

Она опустила взор, длинные тени ресниц легли на щеки. Руки дрожали. Пытаясь скрыть тревогу, она принялась переставлять с места на место кувшины. Иззат

взял сначала одну ее руку, потом другую, прижал к груди.

— Словно стая птиц...— тихо промолвил он.

Пальцы трепетали, в кончиках их билось смятенное сердце девушки. Прежде чем дать им свободу, Иззат прикоснулся губами к каждому ногтю. Сохни подумалось, что во всем свете не сыщется других таких нежных уст...

— Но ведь ты чужестранец, купец, сын знатного человека...— с печальным вздохом проговорила она.

— Ну и что же? Счастье мое — в тебе.

— Я — дочь горшечника, ты — сын богача... Нашей свадьбе не бывать...— горестно вздохнула Сохни.

— И я не надеюсь на свадьбу,— сказал Иззат.— Лишь бы ты приняла меня в свое сердце... До тех пор пока я буду там один, мне ничто не страшно!

— Ты один не только в моем сердце, ты — единственный в мире! Но женой твоей мне не быть... Рано или поздно меня выдадут замуж за другого, и я не смогу этому воспротивиться...

— Такова наша судьба. Но даже тогда, когда ты станешь женой другого, сердце твое должно принадлежать лишь мне, потому что в нем моя жизнь...

— Ты властитель моих грез! Ради тебя я готова пожертвовать всем на свете! Но смею ли я принять твою жертву?..

— Полно, любовь моя. Разве мотылек, сгорающий в пламени свечи, приносит себя в жертву? Это свеча по доброте своей одаряет пламенным поцелуем того, кто избрал смерть...

В речах Иззата сквозило нетерпение, свойственное истинным возлюбленным.

— Моя жизнь принадлежит тебе,— промолвила Сохни.— Но... куда нас заведет наша любовь?

— Пути любви неисповедимы, они во власти судьбы. В нашей воле лишь дать друг другу клятву верности. Я хочу услышать от тебя эту клятву!

Сохни подняла ресницы. Взор ее утонул во взоре возлюбленного, уста приоткрылись, сердце громко стучало: «Тук! Тук! Тук!». Легкокрылая птица выпорхнула из окон-глаз Иззата и начала виться вокруг Сохни.

— Эй, дочка! Сохни! — послышался со двора голос мастера.— Каряя буйволица отвязалась! Как бы она

чего не разбила... Ступай, привяжи ее. Да заодно погляди, как удался мне край этой чаши.

— Иду, отец!

Только что ее уста были совсем рядом, и вот — улетели... В походке ее столько легкости, божественной стремительности!..

— Я привязала, отец,— сказала девушка, возвращаясь в лавку.

— Спасибо, дочка. Да напомни матери, пусть скорей подыщет пастуха.

Жжих-жжах! Жжих-жжах! — вновь загудел, завертелся гончарный круг.

— А куда девался ваш пастух? — спросил Иззат у Сохни.

— Ушел к себе в деревню и не вернулся. Мама ищет другого.

— Позволь мне пока проститься с тобой, любовь моя. Я отправлю на родину свой караван и вернусь.

— Ты не забудешь меня? — спросила Сохни, с сомнением взглянув на богато расшитый плащ юноши.

— Клятва не безделушка, которую дарят на память. Отныне мы связаны навеки. Жди меня, Сохни, и да хранит тебя Аллах!

Иззат поклонился Тулхе, пообещал прислать человека за отобранной посудой и ушел.

А Сохни осталась одна в мире грез и воспоминаний, в том мире, где воздух полон песен, оживших источников. Тело и душа ее вдруг очнулись от дремы, подобно спящей красавице, разбуженной улыбкой прекрасного принца.

— Чужестранцы-то уже ушли! — объявил однажды брат подруги Сохни.— Горожане с большим почетом проводили их караван. До сих пор повсюду только и разговоров, что о щедрости и благородстве Иззат Бега.

Миновала неделя, десять дней, полмесяца.

«Его родня никогда не позволит ему вернуться ко мне...— сетовала Сохни.— Кто его отпустит? Его, такого светлого принца».

И земля шаталась у нее под ногами, и силы покидали трепещущее тело.

В тот день с самого утра Сохни помогала отцу. Гудел гончарный круг, чавкала под руками глина, бросал короткие замечания погруженный в работу мастер —

в общем, мечтать было трудно. И все же, пока пальцы привычно разминали глиняные комки, мысли девушки витали далеко, в золотой стране грез, а взгляд не отрывался от калитки, хотя в это время покупатели обычно не заглядывали в лавку: они приходили позже, после обеда. Но ведь молодой бухарец оба раза приходил утром!

Возле калитки кто-то остановился: на дорожку упала тень. О, если бы эту тень отбрасывал ее ясный месяц! Но, как видно, это был не он. На плечи пришельца не наброшен богатый плащ, на голове не возвышается пышный тюрбан. Обыкновенная рубанка, тахимад, простая перевязь тюрбана... Наверное, кто-нибудь из здешних.

Сохни вновь склонилась над работой, а незнакомец подошел к Туллхе.

— Я слышал, мастер, тебе нужен махинвал — пастух для буйволиц, — сказал он.

— Вот славно! — воскликнул Туллха. — Видно сам Аллах послал тебя в наш дом, парень!

А круг все гудел: жжих-жжах, жжих-жжах!

— Посмотри, дочка, что за чудо-горшок получается... Вот только стенки разрисую цветами! Ступай, Сохни, покажи махинвалу наших красавиц — и Круторогую, и Карюю, и Белоножку.

Жжих-жжах! Жжих-жжах!

— Из какой ты деревни? — не отрываясь от работы, спросила Сохни.

— Моя деревня далеко отсюда, биби.

Что за голос?! Девушка подняла голову, взглянула на пастуха.

— А доить буйволиц умеешь?

— Прежде, когда родители мои держали скот, я доил. Думаю, будете мной довольны, — просто и уверенно сказал пастух.

Сохни не отрывала от него глаз.

— А что случилось с вашим скотом? Почему тебе вздумалось пойти в пастухи?

— Мои домашние невзлюбили меня, и я решил уйти, попытать счастья на чужой стороне. За платой не гонюсь, была бы еда, одежда... — он запнулся, не найдя нужного слова.

— Еда, одежда и... — что еще?

— И немного сердечной ласки, — улыбнулся пастух.

— Хорошо, ступай за мной, я покажу тебе скот. Вошли в хлев.

— Вот Безухая, эта Карая, та Круторога, а за ней — моя любимица Белоножка.

Сохни оглянулась и, убедившись, что отец их не видит, обняла пастуха. На глазах ее были слезы.

— Пришел, владыка моих снов! — прошептала она. — Почему ты в этой одежде?

— Ни в какой другой одежде я не смог бы приблизиться к моей возлюбленной.

— Но могу ли я согласиться, чтобы принц стал пастухом?!

— Многие принцы позавидуют твоему пастуху, моя добрая хозяйка!

Сохни вдруг выпрямилась и стянула на груди концы покрывала.

— А как тебе удалось уйти от своих?

— Я раскрыл Саадату свое сердце и сказал: «Если не хочешь моей гибели, веди один караван, а меня оставь возле источника моего дыхания».

Сохни прильнула к груди возлюбленного, не веря еще своему счастью.

— А этот светлый месяц чей сын? — тихонько спросила она. — Как решился он сойти на нашу землю?

— Кто бы он ни был, его сияние — от солнца. И месяц поклялся, что всю жизнь, день за днем, проведет он, греясь в лучах милого солнца...

— А вдруг кто-нибудь из твоих вернется и встретит тебя здесь? — в испуге спросила Сохни: ей не терпелось укрепиться в своем светлом раю.

— Никто, дорогая, уже не сможет вернуться, — отвечал юноша. — Там, в караване, остались и пышные одежды Иззата. Пастух в бедном крестьянском платье никому не нужен.

Из уст Сохни вырвался радостный крик, руки ее обвились вокруг шеи любимого.

— Отныне этот пастух для меня весь мир! — и она поцеловала грудь Иззата.

Потом девушка подошла к Тулхе.

— Знаешь, отец, этот парень до сих пор ни у кого не работал, но, по-моему, со временем из него выйдет неплохой махинвал. Человек он, видно, хороший, честный.

— Ну что ж, дочка, отведи его к матери. Хороший человек — это как раз то, что нам нужно...

— Только сперва посмотри, какой ладный кувшин у меня получился!

Дочь мастера Тулхи по праву носила имя Сохни, что значит Красивая. Однако до сих пор красота ее была подобна прекрасной светильне, лишенной огня. Когда же огонь был возожжен, люди глазам своим не поверили, увидав, в какую совершенную форму отлились ее члены, какими красками заиграл весь облик.

Покупатели и прежде не обходили лавку Тулхи, теперь же в ней всегда толпился народ, и достаток мастера день ото дня множился. Дочь принесла в его дом счастье. Весь город вдруг заговорил о красоте Сохни, повсюду строили догадки — что за плектр заставил звучать струны ее сердца и породил столь буйное цветение юности? Какой шах Бахрам¹ опьянел, прикоснувшись губами к дремавшей доселе красоте? И невдомек было людям, что сердцем девушки завладел махинвал.

Родители Сохни были довольны приветливым и старательным махинвалом. В доме он быстро сделался своим человеком, помощником во всех делах. По утрам на выгон отправлялась Сохни, по вечерам — ее мать. И обе хвалили махинвала.

Милые речи возлюбленной, ее улыбка, сияние лица наполняли радостью душу махинвала. Иногда, когда он доил буйволицу, девушка подкрадывалась сзади и обхватывала руками его шею.

— Осторожнее, Сохние! Прольешь молоко! — восклицал юноша, крепче зажимая подойник коленями.

— А я скажу, что молоко выпил теленок! — и ладони Сохни ложились на глаза возлюбленного.

Тогда он отставлял подойник, притягивал девушку к себе, обхватывал руками ее голову и долго-долго глядел в глубину ее глаз.

— Твои глаза, Сохние, врата райского сада! — шептал юноша. — Каждое утро впускаешь ты меня в этот дивный сад и на весь день даришь счастьем.

¹ Шах Бахрам — один из героев «Шах-наме» Фирдоуси.

И длилось это счастье целый год. А тем временем весь Гуджарат бурлил, словно пробудившийся вулкан: люди толпами валили к Туллхе, теряли разум от единого взгляда красавицы, женихи и сваты обивали порог ее дома. В конце концов почтенный горшечник запретил дочери показываться в лавке.

И вот жена Туллхи повела с супругом серьезный разговор:

— У меня душа разрывается при мысли, что скоро наша дочка покинет родной кров... Но что делать: дочерей всегда растят для чужих...

— Уйдет она — погаснет свет в нашем доме... — горестно молвил Туллха.

— Да... погаснет... А что если люди набросят на нас тень, — больше свету будет?

Товарищи по ремеслу также советовали мастеру поскорее выдать дочку замуж. Сохни сговорили с парнем из почтенной, зажиточной семьи. Наступил канун свадьбы.

Ужас скорой разлуки навис над райским садом.

— Увези меня куда-нибудь, мой махинвал! — молила Сохни, — я не хочу идти в дом свекра! Я потеряю тебя! Над миром моей души навсегда закатится солнце.

— У твоего махинвала нет пристанища, — грустно отвечал ей юноша. — Ни родных, ни близких... Он не сумеет защитить от врагов свое сокровище...

— Но ведь ты такой мудрый!.. Ты все можешь! Преврати меня в буйволицу и угони вместе со стадом!..

Юноша обнял возлюбленную. В этом объятии было столько мужества и покоя, что смятение Сохни улеглось.

— Любовь щедра, — сказал он. — До сих пор, что ни день, она дарила нам все новые радости. Не бойся ничего, любимая, хозяин твоих снов найдет средство, чтобы соединиться с тобой. Верь моему слову: высоко взлетают наши качели, может, они и оборвутся, но до тех пор мы прикоснемся к небу.

— Да будет благословен твой язык! — воскликнула девушка. — Но завтра меня увезут — и конец... Даже весточку не смогу тебе послать... Придумай же что-нибудь! — и она горько заплакала.

Махинвал нежно обнял девушку.

— Сохние, душа моя, успокойся, не то и я заплачу, и слезы мои заставят устыдиться волны Ченаба. Поверь мне, ты всегда будешь покоиться на этой груди, ничто не разлучит нас. Как тело и душа, мы созданы, чтобы жить и умереть вместе. У нас с тобой один путь.

На другой день в доме почтенного гончара собралась вся община. Ждали отбытия свадебного поезда. Плачущую Сохни передавали из объятий в объятия подружки, тетки и соседки, когда во двор вошел махинвал, ведя любимую буйволицу невесты — Белоножку, вымытую и вычищенную, со смазанными маслом рогами. Сохни прильнула губами к белой звездочке на лбу Белоножки и зарыдала в голос. Глаза махинвала тоже увлажнились.

— Будь спокойна, биби, я ее не обижу! — сказал он. Сохни окинула его гневным взглядом.

— О Аллах! Что за чудо — плачущая красота! — прошептал юноша.

И он призвал благословение неба на любимую.

Сохни увезли. А махинвал пытался утешить свое сердце. Иногда он подсаживался к Туллхе, на то место, где обычно сживала Сохни, и принимался месить глину. Каждое утро и каждый вечер целовал он звездочку на лбу Белоножки. «Моя прекрасная Луна прикасалась к этому месту губами... — говорил он, — но теперь она сошла с небосклона, и в мире воцарился мрак...»

Прошло два месяца. Жена Туллхи сильно тосковала по дочке. Однажды, наготовив сластей для угощения новой родни, славная женщина велела махинвалу отнести их Сохни.

В новом доме Сохни посланца ее родителей приняли с почетом. Сама она осведомилась о здоровье и благополучии близких, а потом, оставшись с ним наедине, поведала о своих страданиях.

— О хозяин души моей! Жизнь твоей Сохни превратилась в безводную пустыню. Спаси меня! Не дай отлететь ослабевшему духу!

— Будь стойка, рани моей судьбы! — отвечал ей юноша. — Эти два месяца я провел в тоске и раздумьях, я целовал твои следы в доме, который ты покинула. Я принял решение. Сегодня новолунье. Знай, прежде чем вновь народится луна, моя Луна засверкает у меня на груди.

Спустя неделю махинвал пришел к хозяйке и сказал:

— С тех пор как биби ушла в дом свекра, мне жизнь не в жизнь, матушка. Ищите себе другого пастуха, а меня отпустите.

Мать Сохни приготовила юноше новую одежду, хотела щедро заплатить ему, но махинвал взял у нее лишь десять рупий.

— Больше мне не потребуется, матушка,—сказал он.— Остальное оставьте себе.

— Куда же ты пойдешь, пастушок моей Сохни?! — горестно причитала добрая женщина.

— Пойду служить одному святому. Возле него я снова обрету покой.

Миновало семь дней, и по городу распространился слух, будто возле усыпальницы святого, что по ту сторону реки, объявился бродячий факир — воплощение мудрости и учености. Он так пел, что сам бог мог бы заслушаться, так играл, что люди забывали обо всем на свете. На бледном, бесстрастном лице его застыло выражение высшего спокойствия.

Еще через семь дней горожане стали группами переправляться на тот берег Ченаба и уговаривать жителей тех мест, чтобы они хоть на время отпустили в Гуджарат своего факира. И желание это было тотчас исполнено.

Факир нашел приют в той самой роще, где некогда останавливался караван бухарцев. О его приходе объявил глашатай. Люди толпами шли поклониться святому — такой неизреченной мудростью веяло от слов Корана, произносимых устами этого великого знатока арабской и персидской учености.

В тот день Тулха с утра трудился над огромной, в рост человека, вазой для цветов, поэтому жена его одна отправилась на поклонение святому. Там, в роще, она встретила свою ненаглядную Сохни, бледную, осунувшуюся. Вместе со свекровью она направлялась к факиру. Мать и дочь со слезами обнялись. Свекровь и мать — обе просили чудотворца прочесть заклинание, которое принесло бы исцеление их красавице.

Едва лишь Сохни встретила взгляд факира, как на лице ее вспыхнул румянец. Святой взял больную за руку, послушал биение ее крови, сунул в стиснутые

пальцы бумажку-амулет, прочел молитву-благословение и сказал:

— Да пребудет с тобой милость Аллаха!

В тот день у Сохни словно крылья выросли. Прежде в этом доме у нее не ладилось ни одно дело, теперь же работа горела в ее руках. Она мигом перестирала груды тахимадов, обмазала глиной возвышение для готовки пищи, вывела на нем затейливый узор.

В полдень, когда вся семья разошлась, Сохни достала амулет и вознеслась к вершинам счастья. Вот что там было написано:

«Мои размышления принесли плоды: снова рука любимой оказалась в моей руке. В первую же ночь новолунья, после полуночи, когда все живое впадает в забытье, приходи в рощу к манговому дереву, что растет возле реки. Только будь осторожна. А я буду ждать восхода своей Луны. Да исполнит Аллах семь ее желаний!»

Вскоре факир вернулся на другой берег Ченаба. Кончились безлунные ночи, наступило новолунье. В тот вечер Сохни изо всех сил торопилась пораньше управиться с ужином. Свекрови ее расторопность пришлась по душе.

— Нынче ты весело работаешь, невестушка! — похвалила она. — Смотри, как скоро со стряпней разделалась. Сегодня мы пораньше ляжем.

— Я, матушка, и впредь постараюсь так делать, — отозвалась Сохни.

Все семейство мирно похрапывало, когда Сохни тихонько выскользнула на улицу. Ночь была до того темна — собственную руку не увидишь. Но вот на небе показался тоненький серп луны. Дорога, деревья, кусты проступили во мгле неясными тенями.

Сохни торопливо шла к роце. Свернула к реке. Как найти в этой кромешной тьме манговое дерево?.. Еще несколько шагов — и внезапно чьи-то руки сжали ее в объятиях, подняли с земли. И сразу на душу снизошло огромное счастье. Все мышцы вдруг расслабились. Сохни прильнула губами к волосам Иззата. Он слышал как где-то совсем близко бьется трепещущее сердце возлюбленной, а волосы шевелит хмельной ветер ее дыхания.

— Послушай, Сохни, не полететь ли нам... на седьмое небо?

— Нет, махинвал, мне не нужно седьмое небо,— проговорила Сохни голосом, в котором звенела нестерпимая радость.— Я люблю землю, на которой ты родился, где встретил меня...— И она снова прильнула губами к волосам юноши.

Спустив Сохни на землю, он сказал:

— Да, любовь моя, эта земля — чудо как хороша! Посмотри, как низко опустило ветви манговое дерево. Оно это сделало для нас, чтобы сохранить тайну нашей любви. Вот здесь мы с тобой сядем друг против друга и заведем беседу без начала и конца...

Он достал из-под корней дерева глиняный кувшин, горлышко которого было плотно завязано куском полотна.

— Мой махинвал переплыл с его помощью реку? — спросила Сохни и ласково погладила шершавый бок кувшина.

— Для того чтобы увидеть тебя, мне не надо прибегать к помощи кувшина,— отвечал юноша.— Эти руки справятся с волнами двух таких рек. Мне просто хотелось, чтобы мы сели рядом и вместе поели. Я испек рыбу, уложил ее в кувшин и переплыл с ним бурный Ченаб.

Когда полотенно, прикрывавшее горлышко кувшина, было снято, до Сохни донесся сказочный аромат. Махинвал отломил небольшой кусок рыбы и положил в рот возлюбленной.

— Еще, махинвал, еще! — воскликнула Сохни, удобнее устраиваясь в могучих объятиях юноши.

Никакая птица, наверное, не кормит с такой нежностью своего птенца, с какой махинвал кормил свою Сохни.

— Теперь я буду тебя кормить! — заявила Сохни, пересев на траву.— В каком раю достал ты эту рыбу?

— О моя Сохние! В твоих руках простая рыба воистину уподобилась божественной!

В этот миг мир о них не помнил, как и они о мире.

— Какой стройный кувшин,— сказала Сохни.

— Сверху на нем начертано имя Аллаха.

— А что это привязано к горлышку?

— Этот кинжал подарил мне отец, когда я одолел искусство верховой езды. «Пусть этот клинок всегда будет при тебе,— сказал он.— Когда-нибудь он тебе при-

годится». Люди говорят, что у моего отца светлая голова.

— А твоя мать? Она красивая?

— Да, моя Сохние, она была на редкость красивой женщиной, но над ней, как и надо мной, не властны были чары этого мира. Богатство отца тяготило ее. Подобно мне, она вечно томилась по ком-то, кого-то так и не узнало ее сердце... Но ко мне судьба оказалась более милостивой, она же...

— Что — она? С ней случилась беда, махинвал?..

— Она не вынесла разлуки со мной.

— До тебя дошли дурные вести?..

— Узнав, что я не вернусь, она умерла. Отец присылал ко мне Саадата...

— Ох, какой грех! Моя жизнь обратилась для твоей матери смертью!

— Нет тут твоей вины, моя любимая! — сказал он, обнимая Сохни. — Ни ты, ни я, ни моя мать не стали обитателями сада, полного благодати, он отгорожен от нас стеной колючего кустарника. Иногда лишь сквозь эту стену пробьется ветвь, изнемогающая под тяжестью золотых плодов, и бросит вызов твоей и моей судьбе. Но надолго ли это? Настанет час, проснется суровый Садовник, прикажет отрубить нам головы и превратит нашу горячую любовь в легенду.

Сохни вскинула руки на плечи Иззата.

— Так стряхнем золотые плоды с той ветви, которая чудом пробилась к нам сквозь колючки, о мой махинвал! — прошептала она. — Потуже набьем ими карманы! А потом пусть просыпается суровый Садовник, пусть рубит нам головы!..

И взгляд махинвала утонул во взгляде Сохни, уста их слились в едином дыхании, тела — в объятии, души — в желании, и они стали одно.

— Не будем заблуждаться, любовь моя, Сохние! Мы не та лампа, в которой масло копится впрок; нам не надо загораться тогда лишь, когда к этому приспеев вужда. Мы факел, зажженный с двух концов, факел, который не может не гореть. Этот огонь, пусть на краткий час, осветил для нас землю и небо. Иной фитилек теплится всю жизнь, но его мерцающее пламя способно рассеять тьму на расстоянии не более четырех шагов. Оно не в силах осветить оба мира.

От речей возлюбленного на Сохни повеяло ветром чудес. Три часа длилось их свидание, и все это время перед очами ее в хмельном тумане проносились картины двух миров.

Но вот махинвал поднялся, снял с себя одежду и повязал ею голову.

— Твое тело сверкает во мраке, подобно луне! — трепещущим голосом проговорила Сохни. — Мне страшно...

Светлее белого дня казались возлюбленным черные ночи, лунное сияние стало для них символом рая! Потом луна пошла наубыль, но от этого мир Сохни и махинвала не сделался темнее.

Однажды ночью Сохни стояла под манговым деревом в ожидании любимого. Впервые ей пришлось ждать — до сих пор махинвал приходил раньше, чем она. Когда он наконец появился и обнял Сохни, та вдруг почувствовала, что друг ее ослабел и еле держится на ногах.

— Все ли хорошо у моего махинвала? — с тревогой спросила она.

— Все хорошо, Сохни. Но... когда я переплывал Ченаб и уже коснулся руками берега, какие-то два серпа вонзились мне в бедро. Я выхватил кинжал и ударил — сам не знаю кого... И тотчас невидимая сила отпустила меня, успев вырвать из моего бедра кусок мяса... Наверное, это был крокодил. Но я знал: здесь, под манговым деревом, меня ждет любимая. Так мог ли со мной сладить какой-то крокодил?

Сохни прильнула лицом к ране. Махинвал разорвал свой тюрбан и попросил возлюбленную перевязать его. Она стала перевязывать — и вдруг, обессилив, опустилась на землю. Юноша привлек ее к себе.

— Ты забыла, моя неистовая Сохние, о чем мы говорили в нашу первую ночь? Не нам с тобой цепляться за жизнь: ведь мы обитаем не в райских кущах, а за колючей загородкой. Мы факел, пылающий с обоих концов. Давай же воспользуемся этим ярким светом и разглядим то, чего не видят другие люди. Сегодня я жив. И ты жива. Возблагодарим же за это духа любви! До-

будем золотых плодов с ветви, которую протянула нам судьба.

— Ты прав, мой дивный возлюбленный,— отвечала Сохни.— Дай только я как следует перевяжу твою рану.

Справившись с повязкой, Сохни поцеловала кинжал, спасший жизнь ее любимому. Махинвал достал кувшин, однако Сохни было не до еды. Она стала убеждать юношу, что в ближайшие ночи, пока не подживет рана, ему не следует переплывать Ченаб. Пусть он оставит ей свой кувшин, она сама будет приходить к нему.

Махинвал пытался убедить любимую, что к следующей ночи он уже будет здоров, но Сохни слышать ни о чем не хотела.

— Хотя я и не обладаю силой, как ты, половину Ченаба я одолею, а потом мне поможет доплыть твой кувшин. Не тревожься, любимый. Ведь мы пылающий факел,— напомнила Сохни.— Не нам с тобой строить планы на долгую жизнь. Наш удел — гореть ярким пламенем.

Рыба, которую в этот раз принес махинвал, осталась нетронутой. Переправляясь на другой берег, Иззат бросил ее в воду.

Каждую ночь Сохни переплывала Ченаб, чтобы встретиться с возлюбленным. Она прижимала к груди кувшин, а губы ее, как закливание, шептали слова из письма махинвала: «Да исполнит Аллах семь ее желаний!»

Но вот она видела на берегу любимого,— и прекрасные руки ее птицами взмывали над водой навстречу юноше. Махинвал входил в реку, брал Сохни на руки, выносил на берег. Он ловил ртом капли воды, стекавшие с ее накидки, повторяя:

— Ты — моя живая вода, Сохние!

Днем, сидя на берегу, он не отрывал глаз от Ченаба, и в каждой волне видел Сохни, повсюду — то здесь, то там — ему чудился призыв нежных гибких рук, голова шла кругом, из сердца рвалась песня...

И Сохни была пьяна любовью. Прежде, когда реку переплывал возлюбленный, она принимала это как ве-

ликую милость Аллаха, теперь же, когда она сама каждую ночь боролась с волнами, радость свиданий стала ее собственной победой над жестокой судьбой. Лотос ее сердца развернул лепестки, тело уподобилось весеннему деревцу, осыпанному почками.

Свекровь дивилась: что это творится с невесткой? С виду как будто все идет по-старому, но уж больно она похорошела. Желая доискаться до истинной причины столь буйного расцвета, старая женщина призвала на помощь свою замужнюю дочь Моти. И та вскоре обнаружила, что по ночам невестка, прихватив спрятанный в кустах кувшин, переплывает Ченаб.

Мать не знала, как быть. Ведь если обнародовать эту историю, на семью ляжет пятно позора. Тогда Моти сказала:

— Молчи и не подавай виду, что ты что-то знаешь. Пятно позора будет смыто.

Близилась полночь. Все спали. Из всех углов слышался храп. Особенно громко храпела Моти. «Бедняжка, верно, нынче плотно поужинала», — подумала Сохни, выходя на улицу. Возле старого манго, в кустах, она отыскала кувшин, но не узнала его: стенки неровные, к боку прилип какой-то жесткий листок... Однако мешкать было нельзя. Она спустилась к Ченабу, сильный ветер метнул ей под ноги волну, осыпал брызгами. На мгновение Сохни остановилась, но тут же укорила себя: «О чем размышлять? Мы факел, пылающий с обоих концов, мы обитаем по ту сторону изгороди... А завтра — последняя лунная ночь, потом — разлука до новой луны...».

Сохни вошла в воду и снова остановилась. Что это у нее в руках? Кувшин махинвала, исполняющий желания? Нет. Что-то липкое, клейкое... Она провела ладонью по горлышку кувшина — горлышко развалилось, рука ушла внутрь. И тут Сохни открылась истина. Еще вчера ей показалось, что за ней кто-то крался, но она не оглянулась. Теперь она поняла: храп Моти был притворным. Это она выследила невестку и заменила хороший кувшин небожженным.

Тогда Сохни стала думать о мужестве своего махинвала и сразу почувствовала прилив сил. Смело поплыла она навстречу ветру. Волны били ей в лицо, буря с каждой минутой крепчала. Вскоре руки Сохни онемели,

а одолела она лишь четверть пути. И тут из уст ее вырвался вопль:

— Махинвал! Махинвал! Я не послушалась тебя!.. Я была неосторожна!

Большая волна захлестнула ее. Казалось, пламя на одном конце факела готово было угаснуть... В последний раз вспыхнуло оно слепящим светом: Сохни как бы вновь услышала каждое нежное слово махинвала, почувствовала каждую его ласку, припомнила то спокойствие, с которым принимал он удары судьбы, стойкость, решительность. «Разве утрашит смерть того, кто к ней уже прикоснулся? — подумала она.— Если бы мне посчастливилось встретить свой конец на глазах моего махинвала, я бы приняла его как саму жизнь... Но он даже не узнает, как я погибла...»

Руки не слушались Сохни. Она перестала бороться с волнами и, отдавшись их воле, поплыла по течению. Усталость пошла на убыль, снова воспрянула воля, ожили руки. «Середина реки... Я доплыву... Мой махинвал... Только бы немного передохнуть... Как он обрадуется... Он выпьет до капли всю влагу из моей накидки... Я не вернусь домой... Я скажу: Обними меня и больше не отпускай...»

А сил уже совсем не было, голову накрыло волной. За ней подросла другая, потом третья... Но Сохни все еще боролась. А потом поняла, что ей уж не выплыть. Тогда она с тоской и надеждой закричала:

— Махинвал, я тону! О Аллах, вынеси мой труп к его ногам!.. Махинвал...

Новая волна оборвала крик и отступила. И опять Сохни оказалась на поверхности.

— Махинвал!..

Еще один удар.

— Махин... вал...

И все.

А махинвал пристально вглядывался туда, в скрытый ночной мглой противоположный берег. Непогода усиливалась. Иногда тут или там что-то мелькало, и он бежал, как одержимый, в надежде увидеть Сохни.

— Эй, оста-новись! — кричал он.— Сего-дня не вхо-ди в во-ду! Эй, кто там в во-де? Вы-хо-ди!

Вот ему почудился чей-то крик. Он рванулся вперед, потом остановился и приставил ладони к ушам.

В этот миг все тело его превратилось в слух. Если бы не буря, он, вероятно, слышал бы, что кричала ему Сохни.

Крик повторился. Слабый, еле слышный... Это она! И махинвал ринулся в воду, на ходу сбрасывая с себя одежду.

— Я иду, Сохни!.. Я иду!..

«Старое манговое дерево слишком далеко... — думал он между тем. — Вряд ли можно услышать голос... Она, верно, доплыла до середины...»

Он остановился и крикнул:

— Мужайся, Сохни! Не теряй зря силы! Доверься волнам! Я плыву к тебе! Держись!

Руки с яростной силой врезались в воду, противоборствовали урагану. Иногда волна захлестывала махинвала, иногда он сам уходил под воду, чтобы найти там мгновенный отдых. Вот он вырвался из бешеного водоворота и трижды прокричал:

— Сохни! Сохни! Сохни!

В тот же миг вокруг ног его что-то обвилось — лиана или веревка... Он протянул руку. Это была коса, длинная женская коса... Факел горел с двух концов, теперь один конец погас...

Махинвал подумал: «Тогда пусть гаснет и другой конец факела, пусть окончится легенда о любви!». Ему захотелось в последний раз поглядеть в любимое лицо, и он повлек Сохни к берегу. Там он попытался вернуть ей жизнь, применил все свои знания, — а знал он немало, — но усилия его оказались тщетными — огонь погас.

Тогда махинвал принялся целовать то, что прежде было его Сохни — ее губы, лицо, завитки волос на висках...

— Что поделаешь, любовь моя, Садовник наконец разгневался, — говорил он. — Ведь что произошло? Мы набили карманы запретными плодами. Долго ли мог гореть ярким светом факел истины, который мы с тобой зажгли, факел, ставший для нас жизнью?

Он поправил волосы мертвой возлюбленной и стал целовать ее тело, юное прекрасное тело, еще так недавно боровшееся с волнами Ченаба, а теперь бессильное, неподвижное. Ему почему-то вспомнилось, как в первое свидание под старым манговым деревом он

сбросил одежду, чтобы легче было переплыть Ченаб, и Сохни воскликнула: «Твое тело сверкает во мраке, подобно луне!» Та ночь была самой светлой в его жизни.

Свою рубашку и тахимад он бросил в реку со словами:

— Хотя одежды эти и хранят память о прикосновении твоих рук, моя Сохни, лучше, чтобы они не мешали нашему вечному объятию.

Затем он связал себя с Сохние накидкой и поднял любимую на руки.

— Когда-то, моя Сохние, ты горевала: нашей свадьбе не бывать! — проговорил он. — Скажи, дорогая, кто теперь помешает нам вступить в брак? Судьба и Садовник не спускают с нас глаз, но я бросаю им вызов и соединяюсь с тобой.

И махинвал твердым шагом направился к воде. Вначале волны разбивались у его ступней, потом ударились о колени, дошли до пояса, достигли шеи, оставив открытыми только головы его и Сохни. Тут он остановился.

— Последний поцелуй, любимая, наш свадебный поцелуй, — сказал он. — Гливу Бухары и Гуджарата я смешиваю в один ком и передаю в руки великого духа любви. Пусть он бросит этот ком на свой чудесный гончарный круг, пусть создаст из него вечный, немеркнущий светильник.

И он направил свои стопы в глубь Ченаба.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Рабинович.</i> Мир чистый и гордый	3
<i>Суба Сингх.</i> Раджа Расалу	10
<i>Гурдит Сингх Гьяни.</i> Йог Пуран	28
<i>Гурбакш Сингх.</i> Сасси и Пунну	46
Мирза и Сахибан	64
Ширин и Фархад	85
Сохни и махинвал	101

Цена 32 коп.